

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТУЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Л.Н. ТОЛСТОГО»

На правах рукописи

АКИМОВА Екатерина Геннадьевна

**ФРАЗЕОЛОГИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ
А.А. ПРОХАНОВА**

10.02.01 – русский язык

**Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор В.Т. Бондаренко

Тула – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ, СТРУКТУРНАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕО- ЛОГИИ В ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ А.А. ПРОХАНОВА	
1.1 О своеобразии творческой манеры А.А. Проханова	15
1.2 Семантико-грамматическая характеристика фразеологи- ческих единиц	23
1.3 Структурно-грамматическая характеристика фразеологи- ческих единиц	62
1.4 Функционально-стилистическая характеристика фразео- логических единиц	72
1.4.1 Разговорно-бытовая и просторечная фразеология	73
1.4.2 Фразеологизмы книжного характера	76
1.5 Социально-функциональная характеристика фразеологи- ческих единиц	84
1.5.1 Характеристика фразеологических единиц по сфере употребления	84
1.5.2 Характеристика фразеологических единиц по степе- ни распространенности	89
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	96
ГЛАВА 2. ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ УЗУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ОККАЗИО- НАЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ А.А. ПРОХАНОВА	
2.1 О фразеологическом варьировании как предмете дис- куссии	100

2.2	Индивидуально-авторское варьирование фразеологических единиц в прозе А.А. Проханова	106
2.2.1	Семантическое варьирование фразеологизмов	107
2.2.2	Формально-семантическое варьирование фразеологизмов	113
2.2.2.1	Варьирование компонентного состава фразеологизмов	113
2.2.2.2	Грамматическое варьирование фразеологизмов	140
2.2.2.3	Количественные преобразования компонентного состава фразеологизмов	142
2.3	Окказиональная фразеология А.А. Проханова	150
	ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	170
ГЛАВА 3. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА А.А. ПРОХАНОВА		
3.1	О когнитивном подходе в изучении фразеологии	173
3.2	Концептосфера А.А. Проханова и ее репрезентация средствами фразеологии	182
3.2.1	Фразеологические средства отражения концептов картины мира А.А. Проханова	182
3.2.2	Репрезентация средствами фразеологии концепта «Русскость» как центрального в языковой картине мира А.А. Проханова	194
	ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	214
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	217
	БИБЛИОГРАФИЯ	223
	СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ	254

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике продолжает активно развиваться изучение особенностей употребления фразеологизмов отдельными авторами – авторская фразеология, интерес к которой обусловлен культурно-национальной значимостью фразеологических единиц в их индивидуально-авторском употреблении.

Фразеологические единицы наряду с лексическим материалом относятся к числу языковых средств создания авторской позиции, раскрытия авторского замысла, так как участвуют в передаче основных смыслов произведения; в репрезентации концептуального содержания художественного текста, являются средством выражения своеобразия языковой личности писателя. Выводы, сделанные в процессе исследования фразеологического фонда языка писателя в коммуникативно-прагматическом, лингвокультурологическом и когнитивном аспектах, позволяют полнее и объективнее понять языковое своеобразие, особенности идиостиля, способствуют формированию представления о языковой личности писателя, особенностях его мировоззрения и концептосферы.

Проблемам изучения особенностей функционирования фразеологических единиц в языке писателя посвящены исследования А.Д. Григорьевой [Григорьева 1969]; А.М. Мелерович [Мелерович 1974]; Л.Б. Савенковой [Савенкова 1992]; Е. В. Лаврушиной [Лаврушина 1999]; Н.Г. Михальчук [Михальчук 2002]; А.Э. Павловой [Павлова 2003]; Л.Г. Юдиной [Юдина 2004]; Е.А. Коршковой [Коршкова 2005]; Е.А. Федоркиной [Федоркина 2006]; А.В. Щербаковой [Щербакова 2007]; Ю.В. Архангельской [Архангельская 2008]; Н.М. Шевченко [Шевченко 2011] и др. В них решаются такие важные проблемы, как определение роли фразеологических единиц в структурно-смысловой организации текста, выявляются особенности семантического взаимодействия фразеологических единиц с контекстным окружением, даются характеристики приёмам индивидуально-авторского использования фра-

зеологизмов в художественной речи. Фразеология в русской художественной прозе активно изучается современными исследователями. Н.С. Редькина проводит анализ фразеологических оборотов и их стилистических функций в мемуарной литературе второй половины XVIII века [Редькина 2008]. Монография М.А. Фокиной «Фразеология в русской повествовательной прозе XIX-XX веков» [Фокина 2008] посвящена исследованию полифункциональности фразеологии в повествовательном дискурсе, а фразеологические единицы рассматриваются в системе языковых средств организации художественного текста, на всех уровнях литературной коммуникации. Исследование Ю.В. Архангельской посвящено фразеологии в языке Л.Н. Толстого [Архангельская 2005]. Безусловной ценностью подобных исследований является привлечение внимания к анализу типов индивидуально-авторского варьирования фразеологических единиц в языке писателя как к направлению во фразеологии.

Данная диссертация посвящена употреблению фразеологии в языке художественной прозы Александра Андреевича Проханова, интерес к личности которого в современном литературном и политическом мире значителен. Отношение читателей к А.А. Проханову неоднозначно, обществом он воспринимается как необычный человек и писатель, «пассионарий». Художественные произведения писателя начиная с первых повестей провоцировали споры, вызывали дискуссии в литературном и научном мире.

Исследование творчества А.А. Проханова велось преимущественно с литературоведческих позиций [Михайлов 1983, Булатова 1986, Панков 1990, Ерофеева 2010 и др.]. Многие работы по творчеству писателя носят характер критических статей, рецензий, отзывов. Исследователи прозы А.А. Проханова проявили интерес к следующим ее аспектам: структуре произведений и жанровому своеобразие, стилю, проблематике; художественным особенностям, в частности фантасмагории и мистике повествования, обращению к литературным традициям, проблеме автора; вопросам, связанным с биографией автора, его литературной и журналистской деятельностью, по-

литическими взглядами и убеждениями, достоверностью и документальностью прозы. Анализ отдельных произведений писателя содержится в работах литературоведов и писателей [Анджапаридзе 1982, Вирен 1985, Ганичев 1986, Бондарев 1998, Басинский 1992, 2004, Ремизова 2002, Беликов 2008, Вл. Бондаренко 1992, 2002, 2010 и др.]. Своеобразие стиля и яркость авторской манеры становятся причиной повышенного интереса к личности писателя и существования контрастных и даже противоречивых оценок его творчества. Однако при всем разнообразии подобных оценок неизменным остается одно: индивидуальный стиль А.А. Проханова считают оригинальным и колоритным.

Языковые особенности его прозы почти не исследованы. Между тем язык А.А. Проханова, как полагают немногочисленные его исследователи, изобилует яркими метафорами, оригинальными эпитетами, само описание имеет ярко выраженную эмоциональную и даже страстную окраску, интенции автора всегда выражены вполне определенно. Собственно, из таких общих оценок и достаточно поверхностных характеристик и состоят исследования языка А.А. Проханова, что является, безусловно, недостаточным для понимания характера и смысла творчества писателя.

Актуальность работы определяется следующими факторами:

1) нерешенностью в современной лингвистике новых задач исследования фразеологического материала: изучение проблемы фразеологической окказиональности, выявление механизмов индивидуально-авторских преобразований фразеологических единиц в живой речи, способов и приёмов трансформаций фразеологизмов, особенностей смыслового содержания фразеологических единиц в художественном тексте; изучение своеобразия стиля писателя через семантику и текстовые функции фразеологизмов; изучение фразеологии в лингвокультурологическом аспекте;

2) отсутствием всестороннего глубокого монографического исследования языковых и стилистических особенностей художественных произведе-

ний А.А. Проханова, лингвистических особенностей организации художественного текста писателя;

3) неизученностью характера и роли фразеологических единиц в формировании идиостиля современного писателя, претендующего на то, чтобы быть своеобразным «рупором» переломной эпохи; автором, формулирующим факторы и программу развития государства переломного периода в отечественной истории – периода распада Советского Союза и создания новой России.

Цель работы – определить своеобразие использования фразеологических единиц в языке художественной прозы А.А. Проханова.

Для достижения указанной цели решаются следующие **задачи**:

1) определить состав и роль фразеологических единиц, используемых в прозе А.А. Проханова, проанализировав их с различных точек зрения: семантико-грамматической, структурно-грамматической, экспрессивно-стилистической и социально-функциональной;

2) используя функционально-параметрический подход, рассмотреть характер и результаты индивидуально-авторского варьирования фразеологических единиц в художественных текстах А.А. Проханова;

3) выявить окказиональные фразеологические единицы в языке художественной прозы А.А. Проханова, проанализировав характер их образования, семантические особенности и роль;

4) рассмотреть фразеологические средства вербализации наиболее важных концептов в языковой картине мира А.А. Проханова;

5) установить текстообразующие, концептообразующие, стилеобразующие и другие функции фразеологических единиц в произведениях писателя на уровне микро- и макротекста.

Объектом исследования являются фразеологические единицы, употребленные в художественных текстах А.А. Проханова.

Предмет исследования составляют свойства фразеологических единиц, играющих ведущую роль в организации идиостиля А.А. Проханова и

выполняющих разнообразные функции, характер их преобразований, фразеологические средства вербализации художественного мышления писателя и концептов его языковой картины мира.

Теоретическую базу исследования составляют достижения отечественного языкознания в области фразеологии, фразеографии, стилистики и лингвистики текста: идеи В.В. Виноградова, Ю.А. Гвоздарева, М.М. Копыленко, И.А. Еременко, Л.Б. Савенковой, Ю.В. Архангельской о языке художественной литературы и функционировании фразеологических единиц в языке писателя, В.Л. Архангельского, Н.М. Шанского, В.Т. Бондаренко, В.П. и А.В. Жукова, В.М. Мокиенко о природе фразем и устойчивых фраз и их варьировании в русской речи; С.Г. Шулежковой о крылатых единицах, источниках их происхождения и реализуемых функциях; Н.Ф. Алефиренко, Г.В. Токарева, О.И. Авдеевой о фразеологии в когнитивном аспекте и роли фразеологических единиц в вербализации культурных концептов и др. Данное исследование проводится в аспекте широкого понимания границ фразеологии, согласно которому к фразеологии относят идиомы, фразеологические сочетания, паремии (пословицы и поговорки), речевые штампы и различного рода клише, а также крылатые выражения [Телия 1996: 56-83].

Методологической базой диссертационного исследования является системно-деятельностный принцип, в основе которого лежит представление о системе и единстве коммуникативно-функционального и структурно-системного подходов к анализу языковых единиц.

В соответствии с решением конкретных исследовательских задач нами применяются следующие **методы и приемы**: описательный метод с использованием приемов наблюдения, интерпретации, сопоставления, анализа и обобщения для определения состава и роли фразеологических единиц в языке прозы А.А. Проханова; метод компонентного анализа для изучения семантической структуры фразеологизмов и механизма ее формирования; и метод контекстуального анализа, учитывающий ситуативную детерминацию вари-

рования фразеологических единиц в зависимости от их контекстного окружения; приёмы классификации и систематизации, количественно-статистический метод для выявления соотношения различных групп фразеологизмов и для элементов фразеографического описания; элементы концептуального анализа, поскольку в процессе исследования основных концептов языковой картины мира А.А. Проханова в данной работе на первый план выдвигается один из способов их репрезентации – фразеологическая составляющая; интертекстуальный анализ в процессе исследования формы и семантики крылатых единиц, которые использует писатель и которые в его произведениях служат установлению диалога текстов. Значению фразеологических единиц в работе уделяется особое внимание, что обуславливает применение метода семантического анализа языковых единиц, реализуемого с учетом их функционирования в тексте, детально описанного в работах Т.М. Николаевой [Николаева 1978], Г.В. Колшанского [Колшанский 1980], И.Р. Гальперина [Гальперин 1981], Ю.С. Степанова [Степанов 1998], Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1999], А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко [Мелерович, Мокиенко 2008] и др.

В ходе работы проводится анализ пространственно-временной организации и повествовательных особенностей текста; применяются элементы анализа концептуальной структуры текстов; выявляется своеобразие языковой репрезентации образной системы произведений и способов выражения авторской позиции, что позволяет использовать полученные результаты в методике комплексного анализа текста. Обозначенные направления помогают понять и раскрыть специфику функционирования фразеологических единиц в языке художественной прозы А.А. Проханова.

В процессе исследования применен антропометрический метод, предполагающий получение знаний о языке через обращение с различными вопросами к самому носителю языка (а в нашем случае – и создателю художественных текстов) – творческой языковой личности А.А. Проханова. Данный метод применяется в виде лингвистического интервьюирования в устной и

письменной форме и способствует получению более точных и обоснованных результатов преимущественно в процессе исследования семантики и функций фразеологических единиц в художественных текстах писателя и при изучении фразеологической составляющей концептов языковой картины мира А.А. Проханова.

Материалом для настоящего исследования послужили фразеологические единицы из текстов А.А. Проханова, опубликованных в первом Собрании сочинений писателя в 15 томах (2010), а также из романов «ОКО», «Стеклодув», «Пепел» и «Алюминиевое лицо», «Русский» и «Человек Звезды», написанных в период 2010-2012 гг. и потому не вошедших в Собрание сочинений. Всего к анализу было привлечено 30 произведений А.А. Проханова (из них – 25 романов), выявлено более 2500 неповторяющихся фразеологических единиц, проанализированных с учетом более 9500 контекстов их употребления.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые выявлен фразеологический состав единиц, участвующих в формировании идиостиля А.А. Проханова; представлена структурно-семантическая, структурно-грамматическая и структурно-функциональная характеристика этих единиц; описана семантика окказиональных фразеологизмов данного писателя; определены наиболее значимые концепты художественного мира А.А. Проханова; а также выявлены способы репрезентации их посредством фразеологических единиц, исследованы семантические и структурно-семантические преобразования фразеологизмов в художественной прозе писателя и определены функции окказиональных фразеологических единиц, созданных автором с определенными целями; рассмотрены художественно-эстетические функции фразеологизмов в языке художественной прозы А.А. Проханова; выявлены преемственность и новаторство писателя в сфере употребления фразеологизмов.

Теоретическая значимость исследования состоит в следующем:

- 1) результаты исследования вносят вклад в разработку проблем окказионального варьирования фразеологических единиц и фразообразования;
- 2) в работе построена типология наиболее значимых в содержательном отношении индивидуально-авторских концептов современного писателя на основе идей когнитивной лингвистики и лингвокультурологии;
- 3) исследование расширяет представления о способах репрезентации индивидуально-авторских концептов современной сильной креативной языковой личности средствами фразеологии, а также о роли фразеологических средств в объективации концептуальных связей в художественной картине современного писателя.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты работы могут быть использованы в преподавании курсов стилистики, фразеологии русского языка и лингвистического анализа текста, а также в элективных курсах по выбору и семинарах по языку и, в частности, фразеологии художественной литературы, в учебных пособиях по стилистике русского языка и художественной речи; во фразеографической практике для создания частотных фразеологических словарей языка писателей. Полученные выводы будут интересны для всех, кто интересуется творчеством А.А. Проханова.

Положения, выносимые на защиту:

1. А.А. Проханова как писателя и языковую личность характеризует прекрасное владение фразеологическим богатством русского языка. Его художественная проза насыщена узуальными и окказиональными фразеологизмами, структурно-грамматический, семантико-грамматический и функциональный анализ которых позволяет утверждать, что фразеология является тем инструментом, который дает возможность автору проявить свой лингвокреативный потенциал.

2. Активное преобразование фразеологических единиц, с помощью которых происходит транслирование авторской идеологии, является яркой специфической чертой индивидуального стиля А.А. Проханова. Характер пре-

образований фразеологизмов всегда мотивирован замыслом автора и идеей произведения, речевой креативностью, характерной для языковой личности писателя, а также контекстным окружением фразеологизмов. Широкое распространение среди фразеологических трансформаций в языке А.А. Проханова получило семантическое и формально-семантическое варьирование (варьирование компонентного состава и количественные преобразования состава фразеологизмов). Трансформированные фразеологизмы занимают значимое место в художественной системе произведения, используются для раскрытия важных для писателя тем и мотивов, создания центральных образов на уровне как микро-, так и макротекста.

3. В формировании семантической структуры окказиональных фразеологизмов особую роль, связанную с раскрытием своеобразия индивидуально-авторской картины мира, играют фольклорные, исторические (в том числе военно-исторические) и религиозные мотивы. В результате актуализации той или иной семы, окказиональные фразеологические единицы в художественной прозе А.А. Проханова приобретают ассоциативный потенциал, философский и символический смысл.

4. Фразеология играет важную роль в вербализации наиболее значимых концептов языковой картины мира А.А. Проханова, таких как «Государство», «Время», «Пространство», «Ад», «Грех», «Война» и др.

Центральным концептом авторской картины мира является концепт «Русскость», а анализ особенностей его репрезентации фразеологическими средствами позволяет сделать вывод о следовании традициям («Русскость» – широко известный в истории, культурологии и философии концепт) и новаторстве А.А. Проханова (в определенной мере переосмысление идейного содержания концепта и, как следствие, создание окказиональных фразеологизмов).

5. Фразеологические единицы в языке А.А. Проханова выполняют художественно-эстетические функции, ведущими среди которых являются стилеобразующая, концептообразующая и текстообразующая. Кроме того, фра-

зеологизмы в его прозе часто играют хронотопическую и сюжетообразующую роли. В подавляющем большинстве случаев фразеологические единицы призваны реализовать целый комплекс функций для репрезентации авторских интенций.

Апробация работы.

Основные положения диссертации обсуждались на следующих конференциях: Международной научно-практической конференции «Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации» при Фразеологической комиссии Международного комитета славистов в рамках Романовского фестиваля, посвященного 1150-летию российской государственности (Кострома, 22-24 марта 2012 г.), Международной научной конференции «Фразеологія і мовна гра» при Фразеологической комиссии Международного комитета славистов (Симферополь, Украина, 10-14 сентября 2012 г.), Всероссийских научно-практических конференциях аспирантов, соискателей, молодых ученых и магистрантов «Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее» (Тула, 2012 г., 2013 г.), Международной научной конференции аспирантов «Грани языка в научном освещении» (Тула, 10-11 мая 2012 г.), Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы обучения иностранных граждан в российском вузе: теория и практика» (Тула, декабрь 2012 г.), Международной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию доктора филологических наук, профессора Адиле Мемедовны Эмировой «Современная филология: проблемы и перспективы» (Крым, 2013 г.), 2-й Международной молодежной научной конференции «Поколение будущего – 2013: взгляд молодых ученых» (Курск, 13-15 ноября 2013 г.), 2-й Международной научно-практической конференции «Перспективы развития языкового образования в неязыковом вузе» (Таганрог, 14-16 июня 2012 г.), Научно-практической конференции «Научные исследования в рамках научных школ» (Тула, май 2014 г.), Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Владимира Леонидовича Архангельского «Устойчивые фразы в

парадигмах науки» при Фразеологической комиссии Международного комитета славистов (Тула, 8-11 июня 2015 г.), на заседании кафедры документо-ведения и стилистики русского языка ТГПУ им. Л.Н. Толстого (Тула).

Содержание и основные положения диссертации нашли отражение в 23 публикациях, из которых 4 публикации – в научных изданиях, рекомендованных ВАК, 6 – в зарубежных изданиях Белоруссии, Украины, Казахстана.

Структура диссертации.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, списка принятых сокращений.

ГЛАВА 1. СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ, СТРУКТУРНАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИИ В ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ А.А. ПРОХАНОВА

1.1 О своеобразии творческой манеры А.А. Проханова

Для понимания роли фразеологии в прозе Александра Андреевича Проханова необходимо сначала остановиться на своеобразии творческой манеры писателя, которая во многом обусловлена особенностями его творческой биографии и его мировоззрением.

В статье «И это все о нем» писатель-публицист В.В. Шурыгин отмечает: «Писать о Проханове сложно. <...> Проханов невыразим словами. Любое его описание, любой рассказ о нём будет неполным потому, что, уходя в детали, в суть, он тут же эту суть будет утрачивать. Так, срезая цветущую ветвь для изучения её жизни, мгновенно отбираешь у неё жизнь. И только на языке образов, ускользающих метафор можно попытаться описать его» [Шурыгин 2013: ЭР].

А.А. Проханов – советский и российский политический деятель, писатель, публицист. Член секретариата Союза писателей России, главный редактор газеты «Завтра». Награжден государственными наградами СССР.

Родился в 1938 году в Тбилиси. Предки А.А. Проханова, молокане, были высланы в Закавказье во времена Екатерины II. Само название «молокане» означает «чистое духовное молоко», так как главное в их вере – дух [Прокопец 2000: 32]. В 1960 году А.А. Проханов окончил Московский авиационный институт. На последнем курсе вуза стал писать стихи и прозу. В 1962 – 1964 гг. работал лесником в Карелии. В эти годы А.А. Проханов открыл для себя А.П. Платонова, увлёкся В.В. Набоковым. С 1970 года работал корреспондентом «Литературной газеты» в Афганистане, Никарагуа, Камбодже, Анголе, Латинской Америке, Эфиопии и в других местах. В своих многочисленных очерках и репортажах А.А. Проханов описывал события,

свидетелем которых он стал. Так, он первый в 1969 году описал в своём репортаже события на острове Даманский во время советско-китайского пограничного конфликта. Язык прозы А.А. Проханова этого периода отличается обилием военной лексики и фразеологии, участвующей в репрезентации концепта «Война».

В 1972 году А.А. Проханов становится членом Союза писателей СССР. С 1986 года активно публикуется в журналах «Молодая гвардия», «Наш современник», а также в «Литературной газете». С 1989 по 1991 год А.А. Проханов работает главным редактором журнала «Советская литература». В декабре 1990 он создаёт свою газету «День», имевшую подзаголовок «Газета духовной оппозиции», где также становится главным редактором.

Первая книга А.А. Проханова «Иду в путь мой» (1971) вышла с предисловием Ю.В. Трифонова: «Тема России, народа русского для Проханова не дань моде и не выгодное предприятие, а часть души. Прозе молодого писателя присуща большая искренность» [Цит. по: Проханов 1971: 4]. Сборник «Иду в путь мой» изображает русскую деревню с её обрядами, старомодной этикой, самобытными характерами и пейзажами. Язык сборника отличается народно-поэтической лексикой и фразеологией, создающей особый колорит картин народной жизни, раскрывающей авторское отношение к воплощаемым темам и образам, близким самому А.А. Проханову. В 1972 г. он издал сходную по языковым и стилистическим особенностям с первым сборником очерковую книгу «Неопалимый цвет» о проблемах советской деревни. Уже в те годы становится заметным своеобразие его творческой позиции, отличающей его от писателей-современников. Вот что рассказывает о А.А. Проханове тех лет критик Захар Прилепин: «Проханов и в прозе своей сменил столько одежд, которыми впору было бы нарядить добрую дюжину литераторов» [Прилепин 2008: ЭР]. Язык художественной прозы А.А. Проханова сопоставим, во-первых, с языком писателей-«деревенщиков»; во-вторых, с языком поэзии вообще и поэтов Серебряного века в частности; в-третьих, со стилистикой прозы писателей-

«государственников». Он «начинал как традиционалист, деревенщик, почвенник. Тому порукой – первая, волшебная книжка Проханова „Иду в путь мой”. Таким его принял и полюбил Ю.В. Трифонов. Но тогда уже самые прозорливые почвенники, вроде Василия Макаровича Шукшина, почувствовали в Проханове другие энергии. <...> Василий Макарович и с добротой, и с печалью смотрел на новое социальное юродство, гладил по печальным головам своих чудиков. В прохановском же мире изначально не было места этому юродству – он жаждал, да что там – алкал новой героики, тектонических сдвигов, вечных городов» [там же].

С начала 1980-х писатель начинает работать в жанре военно-политического романа, не раз обращаясь к афганской теме. Материалом для новых произведений служат его многочисленные командировки корреспондента. Военно-политическая лексика и фразеология, занимающая важное место в языке прозы этого периода способствует репрезентации концептов «Государство» и «Война» в языковой картине мира А.А. Проханова.

За рассказ «Мусульманская свадьба» [см.: Проханов Собр. соч. в 15 тт., Т. 3 2010: 365-423] (как лучший рассказ года) А.А. Проханов получил премию им. А.П. Чехова.

В 2002 году роман А.А. Проханова «Господин Гексоген», где изображается деятельность российских спецслужб, на которые писатель возлагает ответственность за взрывы жилых домов в России в 1999 году, получает премию «Национальный бестселлер». Критика, однако, была не только положительной. Так, А.С. Немзер «сравнивал присуждение автору „Гексогена” премии „Национальный бестселлер” с приходом Гитлера к власти и призывал осудить роман Проханова, не читая: „Грех, дескать, обращаться с „Гексогеном” по модели „не читал, но скажу”... А почему, собственно, грех-то? Каких открытий чудных можно ожидать от автора, чье косноязычие давно вошло в пословицу и сопоставимо лишь с его же честолубием, куражливым бесстыдством и идеологической нетерпимостью?»» [Немзер 2002].

В книге «Именины сердца. Разговоры с русской литературой» Захар Прилепин высоко оценил роман А.А. Проханова «Надпись» (2005 г.), в котором писатель возвращается к «реалистической манере», оставив в прошлом «жуткий босхианский стиль» [Прилепин 2009]. На вопрос о своеобразии романов «Теплоход „Иосиф Бродский”» и «Политолог» А.А. Проханов даёт ответ: «Эстетика моих романов связана с раздражающими образами, которые явлены нам тем же гляncем или телеэкраном» [Цит. по: Прилепин 2009].

В 2007 году современный критик Л.А. Данилкин написал обстоятельную (более 600 страниц) биографию А.А. Проханова «Человек с яйцом» [Данилкин 2007], в которой он параллельно с жизнеописанием анализирует творчество писателя. Книга эта сразу обратила на себя внимание и оказалась в «коротком списке» крупнейшей литературной премии «Большая книга». Литературная общественность испытала нешуточный шок: А.А. Проханов оказался едва ли не единственным писателем, который удостоился такого подробного биографического и литературоведческого исследования.

Реакция критики на А.А. Проханова и ее отражение в СМИ своеобразны по форме и содержанию. По мнению многих, А.А. Проханова «можно презирать или ненавидеть, но игнорировать не получается. Прохановым пугают детей в приличных литературных домах... Чем же страшен Александр Проханов? Не в последнюю очередь тем, что он создает свой собственный дискурс о власти, который, несмотря на всю гротескность, входит в лобовое столкновение с интеллигентским литературным каноном. В рамках этого канона российскую власть принято высмеивать, противопоставляя ей прелести цивилизованной частной жизни. Проханов же делает совсем иное» [Никифоров 2009: ЭР]. По замечанию С.С. Беякова, А.А. Проханов «витийствует о „русском прорыве” и „пятой империи”, а все вокруг говорят о доступной ипотеке» [¹Беяков 2009].

В 2012 году в эфире телеканала «Россия» вышла премьера «Солдата империи» – документального фильма о писателе, а точнее, это «жесткий рассказ, исполненный энергии, иронии, горечи, метафизики», «развернутое при-

страстное слово»: «И вот это слово – слово русского патриота, невероятно красивого в своей иссеченной броне и своим равнодушием к внешнему виду – произнесено. Оно вливается в мир, нравится это кому или нет», – констатирует на страницах «Литературной газеты» В.И. Рокотов [Рокотов 2012: 10].

Критики в большинстве своем относятся к А.А. Проханову предвзято. П.М. Алешковский называл книги А.А. Проханова «стандартной совписовской литературой семидесятых годов» [Цит. по: ²Беляков 2009: 15], А.А. Агеев – «эпигонской лажей» и «чушью собачьей» [Цит. по: ²Беляков 2009: 15]. Противоречивость и контрастность самой личности А.А. Проханова становится причиной многообразия критики его творчества. Так, по мнению Захара Прилепина, именно людям «высокой традиции и крепкой почвы дано право устраивать на этой почве весёлые пляски и поднимать традицию на дыбы, чтоб та закусил удила и глаза закатили от ужаса. Александр Андреевич Проханов – как раз из их числа. Из истории настоящей русской литературы» [Прилепин 2008: ЭР]. Как справедливо считает Вл.Г. Бондаренко, у А.А. Проханова есть свой исключительный стиль, и это «главное»: «Мужчина без стиля – бесхребетен и продажен. Свой стиль не продашь, даже если захочешь. Людям со своим стилем можно доверять. Они никогда не выйдут из стиля, будут верны ему, а значит – будут верны друзьям, слову, делу, женщине. Стиль в политике. Стиль в жизни. Стиль в литературе. Есть талантливые, но бесстильные писатели. Они меняют жанры, направления, они работают под читателя, удобны в обращении. Проханов же у одних вызывает восторг, у других – ненависть. Потому что — свой стиль» [Вл. Бондаренко 1998].

Многие зарубежные исследователи творчества А.А. Проханова бывают этим шокированы, считают, как немецкий славист Вольфганг Казак, что для произведений А.А. Проханова характерна «банальная, слащавая манера письма, основанная на бесстыдной лжи и перенасыщенная дешевыми украшающими эпитетами» [Цит. по: Вдовик 2012: ЭР]. Безусловно, А.А. Проханов «бывает неправ, бывает вспыльчив и импульсивен, бывает

прельщен и очарован, но он не бывает мелок, лжив и непорядочен. К булату, из которого он выкован, грязь не липнет...» [Шурыгин 2013: ЭР]. Иными словами, «Киплинг – Гумилев – Проханов / из породы тугоплавков / нибелунгова кольца / воина-конквистадора / охранителя порога / у родимого крыльца» [Вертлиб 1998: 5]. Как подмечает журналист общественно-политической газеты «Сибирь: Момент истины» В.И. Кузменкин, оппоненты и недоброжелатели «окрестили А.А. Проханова „словьем Генерального штаба“, даже не догадываясь, что для него это высший комплимент!» [Кузменкин 2012: 2].

На своеобразный характер писателя и человека А.А. Проханова указывает Ю.В. Бондарев: «...очень не похожий на собратьев из своего поколения, он резок и угловат, мужественен и вроде бы излишне холоден, он порой нарочито натуралистичен, а порой лиричен до прозрачности сиреневого апрельского заката» [Бондарев 1998: 16]. Слово А.А. Проханова, и художественное, и публицистическое, всегда сочно, образно, напористо и остро. Критик И.Л. Гринберг давно отметил: «Последовательность, цельность прозы Проханова так ощутима потому, что она дает себя знать не только в выборе сюжетов, не только в умонастроении писателя, но и в словесной расцветке, очень броской, энергичной, красочной» [Гринберг 1973: 108]. В «цветистой» прозе А.А. Проханова встречается повсюду метафор, мышление этого писателя насквозь метафорично. Отдельные его произведения (даже романы) следует рассматривать как своего рода суперметафоры. Говоря о идиостиле А.А. Проханова, критики неоднократно обращали внимание на то, что в его прозе порой дает знать о себе некоторая избыточность красок (изобразительная расточительность) и излишняя патетика, что сверхвысокая концентрация метафор нередко оборачивается у этого писателя образными перехлестами и даже искусственностью [Бекедин 2004: 143]. Под индивидуальным стилем (идиостилем, идиолектом) в данной работе понимается «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка» [СЭСРЯ 2003: 95].

Особое место в творчестве А.А. Проханова занимает его «Семикнижие» – серия романов, главный герой которых – генерал Белосельцев, обладающий уникальным опытом видения и созерцания. Термин «Семикнижие» – отсылает к Пятикнижию, Шестопсалмию и Четвероевангелию. В «Семикнижие» входят романы: «Сон о Кабуле», «И вот приходит ветер», «В островах охотник», «Африканист», «Последний солдат империи», «Красно-коричневый», «Господин Гексоген» [Прилепин 2009]. Во фразеологии, которой богат язык «Семикнижия», особое (если не центральное) место занимают окказиональные ФЕ, участвующие в репрезентации концепта «Русскость» и транслировании русской идеи А.А. Проханова.

Вл.Г. Бондаренко считает, что А.А. Проханов – «несомненное дитя русского авангарда» [Вл. Бондаренко 1998]. По своим идейным, стилистическим и языковым особенностям А.А. Проханов, с одной стороны, далек от русского традиционализма, от деревенской прозы, а с другой, «имперский подход» писателя чужд манере современных городских писателей, часто увлекающихся прозападническим настроением и политическим либерализмом.

Реакция критики на тексты А.А. Проханова всегда была разной: доброжелательные рецензии находились рядом с резкими, язвительными отзывами. С одной стороны, о нем пишут: «Талант русской мечты», «Такая литература особенно много значит для молодежи нынешней и будущей» [Кожемяко 2003: 4], «Проханов, несомненно, лучший из настоящих. Но все в этом настоящем настолько постыло, что, может быть, не так выразительна эта искренняя и объективная похвала» [Дугин 1999]. С другой стороны, отметим и саркастический отзыв Глобального еврейского центра об А.А. Проханове: «Проханов всея Руси» [Меламед 2012]. Особое место в критической литературе о А.А. Проханове занимают отзывы С.С. Белякова: «Неприемлемы три основных идеи Проханова: антисемитизм, сталинизм и тотальный этатизм. Хотя от ненависти до любви один шаг. Проханову-романисту особенно удаются образы евреев. Истинный певец „еврейского счастья“ <...>, – по словам

Л.А. Данилкина, – Проханов – это неприятная правда, от которой не уйдёшь, вроде мирового потепления» [²Беляков 2009].

Однако, знакомясь с А.А. Прохановым, узнавая о его взглядах на жизнь и творчество, читая его произведения, осознавая и чувствуя созданный им художественный мир, начинаешь понимать, что конкретизация многочисленных оценок профессиональных критиков и рядовых читателей, по сути дела, уже не столь важна. Все отзывы и мнения важны именно в совокупности, потому что именно эта совокупность доказывает, что к А.А. Проханову нельзя относиться равнодушно, а для достижения такого результата писателю необходим талант.

У А.А. Проханова «есть ещё целая вселенная – литература. <...> Проханов – это ядерное оружие в великой войне Проектов и Смыслов, которая вот уже второе столетие идёт в России. Западнический, либеральный проект беспощадно сражается с Русским имперским проектом, русской вселенной. И в этой войне сила Проханова описывается в цифрах мегатонн...» [Шурыгин 2013: ЭР].

Безусловно, ведущую роль в этой «силе» играет идейно-языковое своеобразие идиостиля писателя. «Я писал страницы и главы, как пишут фрески», – признаётся А.А. Проханов в предисловии к „Кандагарской заставе“, но эти слова справедливо можно отнести ко всему его творчеству. Справедливо потому, что фрески – это наглядные яркие образы, а образность и метафоричность стали одной из основ всей прозы А.А. Проханова, незаменимым средством создания которых для писателя является фразеологический запас русского языка.

1.2 Семантико-грамматическая характеристика фразеологических единиц

Для понимания своеобразия творчества А.А. Проханова необходимо изучение языковых и стилистических особенностей его произведений, в том числе и фразеологической составляющей. Семантическое описание каждого грамматического класса фразеологизмов позволяет выделить наиболее важные составляющие фразеологической картины мира А.А. Проханова.

План содержания фразеологизма представляет собой совокупность взаимообусловленных элементов, одним из которых является грамматическое (категориальное, лексико-грамматическое) значение [Архангельский 1972: 184]. По типу своего категориально-грамматического значения ФЕ разделяются на два больших семантико-грамматических класса:

- 1) соотносительные с частями речи;
- 2) не соотносительные с частями речи.

Семантико-грамматической классификации подвергаются идиоматические сочетания (фразеологические сращения и фразеологические единства), т.е. способностью соотноситься с той или иной частью речи обладают синтетические фразеологические единицы (далее – ФЕ). Кроме того, способностью соотноситься с лексико-грамматическими классами обладают фраземы (по терминологии В.Л. Архангельского), т.е. ФЕ, обозначающие понятия и построенные по модели словосочетаний, «в основном из числа фразеологических сращений и единств» [Бондаренко 1995: 116]. Таким образом, за пределами семантико-грамматической классификации остаются аналитические фраземы, а также ФЕ, обозначающие суждения и построенные по моделям предложений – устойчивые фразы, принадлежащие к коммуникативным единицам и не служащие средством номинации (ср.: *куда глаза глядят* в значении „без определённого пути, направления движения; куда угодно” [ФСРЛЯ 2008] или *кот наплакал* в значении „о крайне малом, недостаточном количестве чего-л.” [БСРП 2007]), а также фраземы не идиоматического

свойства: фразеологические сочетания и фразеологические выражения (по терминологии В.В. Виноградова).

При выделении семантико-грамматических разрядов ФЕ среди ученых всегда отмечались разногласия, причинами которых была сложность плана содержания фразеологизма и многомерность его грамматической структуры. В практике фразеографии категориально-грамматическая квалификация ФЕ часто основывается на толковании значения [ср.: ФСРЯ 1967]. С точки зрения отдельных ученых, при семантико-грамматическом определении ФЕ достаточно учитывать форму её господствующего компонента [Гаврин 1967, Жуков 1986]. Некоторые исследователи, напротив, главными показателями семантико-грамматической отнесенности фразеологизма считают его семантическое наполнение и синтаксическую роль [Гепнер 1959]. Другие ученые, классифицируя ФЕ, учитывают все показатели: семантические, морфологические и синтаксические [Краснов 1964].

Мы придерживаемся последней позиции, считая, что отнесение фразеологизма к конкретному семантико-грамматическому типу зависит от суммы показателей: семантического наполнения, морфологических характеристик и синтаксической роли ФЕ. Таким образом, к вопросу о составе и качестве семантико-грамматической классификации ФЕ необходим комплексный подход на основе синтеза критериев, предопределяемый многоаспектной фразеологической природой и отвечающий фундаментальной задаче комплексного и синтетического изучения типов ФЕ на базе теории соотношения и взаимодействия различных уровней в структуре языка [Виноградов 1969]. Наши теоретические взгляды в вопросе о семантико-грамматической классификации совпадают с позициями многих отечественных фразеологов: В.Л. Архангельского [Архангельский 1964], Н.М. Шанского [Шанский 1985], В.Т. Бондаренко [Бондаренко 1977, 1995, 2011].

В зависимости от понимания объема и границ фразеологии (включать или не включать в состав фразеологии устойчивые комплексы, соотносимые с предложениями), а также признания или непризнания слов категории со-

стояния отдельной частью речи вопрос о количестве семантико-грамматических типов ФЕ решается неоднозначно. Так, по мнению одних ученых, их выделяется 5 [Молотков 1977], 7 [Шанский 1985, Чепасова 1974] или более.

При анализе ФЕ с точки зрения их семантико-грамматической принадлежности мы основываемся на типологии А.М. Чепасовой, поскольку ее терминология содержит прямые указания на семантическое наполнение ФЕ: предметные, призначные и другие [Чепасова 1974]. Напомним, что акцент на семантике фразеологизма для нас принципиально важен. А.М. Чепасова выделяет следующие семантико-грамматические классы ФЕ:

- 1) предметные,
- 2) процессуальные,
- 3) атрибутивные-предикативные,
- 4) качественно-обстоятельственные,
- 5) количественные,
- 6) грамматические,
- 7) модальные.

В художественном языке А.А. Проханова широко представлены ФЕ практически каждого из пяти основных семантико-грамматических классов. В процентном соотношении использование рассматриваемых нами фразеологизмов выглядит примерно следующим образом: предметные фразеологизмы – 39 %, процессуальные – 28 %, качественно-обстоятельственные – 19 %, атрибутивно-предикативные – 8%. Остальные классы ФЕ не нашли широкого отражения в художественных текстах А.А. Проханова и потому не рассматриваются в данной работе.

Манера письма А.А. Проханова ориентирована, с одной стороны, на создание максимально ярких буквальных или метафорических образов, динамики повествования. Именно этим объясняется высокая частотность употребления предметных и процессуальных ФЕ. С другой стороны, герои А.А. Проханова, как и сам писатель, смело дают оценку окружающей их дей-

ствительности, происходящим вокруг событиям. Эта оценка, субъективная или объективная, провоцирует высокую частотность употребления качественно-обстоятельственных ФЕ в исследуемом материале. Атрибутивно-предикативные ФЕ не обладают высокой частотой употребления в художественной прозе А.А. Проханова, но они наделены особой семантической нагрузкой.

Предметные ФЕ

Фразеологизмы с семантикой предмета (в широком смысле слова), объединяются в класс предметных. Они могут обозначать одно лицо или совокупность лиц; пространство, территорию; явления природы; совокупность чего-либо; отвлеченные понятия. Предметная семантика таких ФЕ «формируется грамматическими категориями рода, числа, падежа», как и у обычных имен существительных в русском языке [Чепасова 1974: 5-7].

Показательными для стиля А.А. Проханова являются ФЕ первой группы, обозначающие фольклорных (сказочных) персонажей: *Иван-дурак*, *Иван-царевич*, *Илья Муромец*, *Жар-птица*, *кот-Баюн*. Такие ФЕ составляют около 6% от всех субстантивных фразеологизмов в прозе писателя.

Иван-дурак – имя персонажа русских народных сказок, обычно младшего, «неудавшегося» сына из крестьянской семьи, ленивого и глупого, как считают окружающие. В критических ситуациях, однако, Иван-дурак проявляет незаурядную смекалку, ум и находчивость и выходит победителем из всех злоключений благодаря своему доброму сердцу [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 264]. Примечательно, что в сказках, как и в цитируемом «Историко-этимологическом словаре русской фразеологии» [2005], рассматриваемая ФЕ содержит уменьшительно-ласкательные суффиксы: *-ушк-* и *-ок-* (*Иванушка-дурачок*). Напротив, в прозе А.А. Проханова такой формы не зафиксировано. Ср.: «– Гагарина толкала в Космос не только реактивная сила, но и таинственная мечта, не оставлявшая нас, русских, на протяжении всей нашей бесконечной истории. Ведь вы помните волшебные сказки о чу-

додейственной яблоне с плодами, дарующими жизнь вечную? *Ивана-дурака* в своей неподкупной доброте и простоте добывающего жар-птицу?» («Русский» 2011: 107); «Словно *Иван-дурак*, жаждущий чуда, он [Сарафанов – Е.А.] нырнул в разнопламенный котел, погружаясь в волшебную действительность русских сказок с иллюстрациями художника Билибина» («Пятая империя» 2010: 314).

Объяснение выбора такой фразеологической формы следует искать в самом мировидении писателя: А.А. Проханов не испытывает жалости и умиления по отношению к таким качествам русского человека как глупость, лень, упование «на авось». Для него русский человек – это человек, однозначно, обладающий силой ума и духа, поэтому всякое снисхождение («ласкательность») по отношению к противоположному является для А.А. Проханова недопустимым. Как следствие этого, в форме ФЕ, употребляемой писателем, отсутствует уменьшительно-ласкательный суффикс. Использование рассматриваемой нами ФЕ связывается с распространенными у А.А. Проханова сказочными мотивами. Кроме того, рефлексия героя – воображаемое соотношение его с русским народным персонажем *Иваном-дураком* – способствует реализации концепта «Русскость». Об истоках своего увлечения фольклорными образами А.А. Проханов говорит так: «На меня очень большое влияние оказал русский фольклор: сказки, былины, баллады, песни, лубки, парсуны, иконы, игрушки, этнография, костюмы» [Цит. по: Кожемяко 2003: 5].

По аналогичной причине у А.А. Проханова получают распространение предметные ФЕ, обозначающие былинных богатырей: «Этот дуб был внесен в каталог ЮНЕСКО под названием «Богатырский», ибо, по преданию, под ним отдыхал *Илья Муромец* после того, как скрутил и посадил в мешок *Соловья-разбойника*, свившего гнездо в ветвях того же дуба» («Теплоход „Иосиф Бродский”» 2010: 35-36). Одобрительное фольклорное *Илья Муромец* – о сильном, здоровом, богатырского сложения человеке, в народном эпосе (былинах) олицетворявшем силу, ум, твердость духа [Бирих, Мокиенко, Степа-

нова 2005: 271]. Аналогично, *Соловей-разбойник* – сказочный богатырь, который одним посвистом с ног сбивал; одним глазом на Киев, другим на Чернигов глядел [там же: 656].

Настойчивое обращение к литературным источникам (цитирование поэтов Золотого и Серебряного веков) и исконным фольклорным образам – яркое проявление феномена интертекстуальности в творчестве А.А. Проханова. Речь идет об особом стиле А.А. Проханова-авангардиста, нашедшего нерушимую опору в виде образов и идей фольклора и классической литературы. Говоря словами Ю.В. Бондарева, «интересна эта сложность», «интересна его возбудимость и неожиданность, которая вместе с тем послушна классической эстетике, то есть – я вижу в его прозе дальнюю и близкую связь с великой русской литературой, вижу, как он работает над своим стилем и формой, без чего нет литературы» [Бондарев 1998: 17].

Предметные ФЕ могут представлять собой оценку кого-, чего-либо. Известное выражение *рыцарь без страха и упрека*, как называют «человека высоких нравственных достоинств, качеств» [ФСРЛЯ 2008], употребляется писателем с целью не только дать исчерпывающую характеристику герою романа «Пятая империя» – Алексею Сергеевичу Сарафанову, – но и придать оттенок возвышенности самому художественному образу: «– Ты прожил великую жизнь. У тебя необычайная судьба. Ты – рыцарь „Красной Империи“, – она [Маша – Е. А.] гордилась им <...> – Ты „красный рыцарь“ без страха и упрека» («Пятая империя» 2010: 161). Особенности использования А.А. Прохановым данной ФЕ обусловлено своеобразием его писательской манеры и мировосприятия вообще. Так, в передаче «Особое мнение» на вопрос корреспондента радио «Эхо Москвы» о современных политических фигурах А.А. Проханов отвечает: «Среди них нет крепких бойцов, среди них нет рыцарей победы. <...> Россия – это страна, которая постоянно рождает рыцарей победы. Последняя победа была в 1945 году. Где еще таких рыцарей отыскать?» [Проханов 15.02.2012: ЭР]. Примечательно, что и самого Проханова соотносят с образом, репрезентируемым рассматриваемым фразеоло-

гизмом: «Я бы назвал Александра Проханова последним *рыцарем без страха и упрека*... Человек его склада ума мыслит вселенским мировоззрением. Да и как может по-другому поступать Человек Чести?!» (из комментариев) [Проханов 27.06.2012: ЭР]. Таким образом, данная ФЕ в языке А.А. Проханова, употребляется в общепринятом фразеологическом значении с добавочным индивидуально-авторским, уточняющим смыслом: не просто человек чести, а наследник традиций государства Российского, для А.А. Проханова, – сильной и спасительной для мира *Красной Империи* (идея имперскости).

Высокой оценки, выраженной предметным фразеологизмом, удостоился рабочий Вагапов из романа «ОКО». Ср.: «– *Сегодня с утра, Лев Дмитриевич, подошли ко мне двое рабочих, – начал Язвин, – братья Вагаповы, молодые парнишки. Один „афганец“, стреляный, что называется, воробей*» («ОКО» 2010: 417). ФЕ *стреляный воробей* имеет значение „очень опытный человек, которого трудно провести, обмануть; бывалый человек” [ФСРЯ 1967: 78]. Сам говорящий – начальник управления Язвин – относится к встрече с Вагаповым достаточно серьезно и уважительно: ФЕ характеризует «умение, прочные навыки человека, имеющего большой жизненный опыт, профессиональное умение и хорошо разбирающегося в событиях и людях» [Яранцев 1997: 376].

Безусловно, характер человека, как и его внешность, часто воспринимаются окружающими людьми в той или иной степени субъективно. Некоторые предметные ФЕ в языке А.А. Проханова выступают средством создания характеристики героев, оценки их другими персонажами и раскрывают их взаимоотношения. Так, ФЕ *седьмая вода на киселе* в значении „очень дальний родственник” [ФСРЛЯ 2008], произнесенная героем романа «ОКО» Горностаевым в речи о своей родне, способствует созданию картины его взаимоотношений с родными: родственник, хоть и очень дальний, оказывает помощь и поддержку. Ср.: «– *Двоюродный дядя... Есть другой Горностаев, тоже военный, генерал-майор Феликс Тихонович... Также родня, седьмая вода на киселе. Но он помог по-родственному*» («ОКО» 2010: 422).

Другой предметный фразеологизм *золотой миллиард*, который обозначает совокупность лиц, отражает явления современного мира. *Золотой миллиард* – выражение, означающее население развитых стран с достаточно высоким уровнем жизни в условиях ограниченности ресурсов. В.В. Бабенко в статье «Золотая десятка» пишет, что в 70-е годы на страницах периодических изданий часто встречалось выражение «*золотой миллиард*». Оно было «частью дискуссии экологического характера и было связано с предположением экологов, что Земля может выдержать на себе не более миллиарда человек без истощения ресурсов и необратимых изменений в экологии» [Бабенко 2001]. Термин «золотой миллиард», как пишет С.Г. Кара-Мурза, образовался «как синтез двух крупных идей современной западной культуры, которые принимают самое разное обличье – от квазинаучных до сугубо идеологических и даже мистических, религиозных. Одна идея – представление о „Золотом веке” прогресса и благоденствия. Другая – пессимистическое признание ограниченности ресурсов Земли и невозможности распространения этого благоденствия на все нынешнее население планеты. ...термин „золотой миллиард” как сильно „идеологически нагруженная” метафора не употребляется в официальных документах. Там он заменяется набором уклончивых понятий и определений, так что смысл становится ясен из контекста. Так, когда ряд ученых и экспертов ООН объявляют, что благополучная жизнь на Земле возможна только для одного миллиарда человек, они по сути используют понятие „золотой миллиард”» [Кара-Мурза, 1999: ЭР]. Частотность употребления ее в современной русской речи подтверждает, что это новая ФЕ. Например, «*Золотой миллиард* – это образное выражение, которое стало названием абсолютно реального явления» (В.Н. Лексин); «*Золотой миллиард* иначе называют *сытым миллиардом*» (В.Э. Багдасарян); «Само словосочетание *золотой миллиард* на Западе в официальных документах не употреблялось, хотя там понимают, что оно значит, если употребить его, к примеру, в университетских аудиториях. В России этот термин ходил в левопатриотических слоях. Впервые в официальной речи он появился с приходом

В.В. Путина» [Цит. по: Сулакшин 2010: ЭР]. Ср.: *«Не случайно он [Сарафанов – Е.А.] привел Меринова в галерею знаменитого художника, желая одухотворить и возвысить его национализм, объяснить, что источником мирового зла являются не евреи, а элита „золотого миллиарда“, не имеющая национальности, угнетающая русских, равно как и простых евреев»* («Пятая империя» 2010: 455). Помещение этой ФЕ в контекст романа свидетельствует уже о максимально реалистичном отображении ситуации в современной России. «Проханов по своей поэтике и по своему общественному поведению оказался идеально пригоден к культурной ситуации России первой половины 2000-х годов. Для этой ситуации характерны аффективное отвержение эпохи 1990-х как „потерянной“ или даже „позорной“» [Ольшанский 2002].

Таким образом, предметные ФЕ с семантикой лица и совокупности лиц занимают сравнительно большую часть суммарного фразеологического пространства прозы А.А. Проханова и служат своеобразным способом раскрытия художественных образов персонажей.

Кроме того, особое место писатель отводит предметной фразеологии с семантикой неодушевленного предмета, которая включает в себя ФЕ, обозначающие место, время и конкретный неодушевленный предмет или совокупность предметов.

К фразеологизмам, ставшим наименованием какого-либо места, относятся, например, *домашний очаг* и *военный городок* в романе «Пятая империя». Употребление данных ФЕ в одном контексте способствует передаче переживаний жены военного по поводу своей нелегкой участи. *Военный городок* – „совокупность жилых и служебных строений, предназначенных для расквартирования воинской части“. Ср.: *«У нас ведь и дома своего по-настоящему никогда не было, - она [Нина – Е.А.] вышла из прихожей и вновь жаловалась Сергею. – То какая-то мазанка в Средней Азии. То модуль в военном городке. То квартира неухоженная с текущим потолком... Домой заглядывал на час, а потом ищи ветра в поле. Вот и сейчас где-то бродит... –*

Что ж, такова воля военного, а доля офицерской жены стеречь домашний очаг...» («Пятая империя» 2010: 624).

Примечательно, что ФЕ с субстантивом *дом* представлены в прозе А.А. Проханова достаточно широко и являются весьма разнообразными: от фразеологизма *отчий дом*, государственно-политических *Белый дом* и *Дом Советов* до ФЕ *публичный дом* и *дом терпимости*. В отношении семантического наполнения *отчий дом* близок уже рассмотренной нами ФЕ *домашний очаг*: *отчий дом* – дом отца, родной дом. *Отчий дом*, в отличие от остальных ФЕ с тем же субстантивом – *дом* – в своем составе, становится у А.А. Проханова обозначением «не вполне реального» места. Упоминание героями об отчем доме связывается с мотивом воспоминания о прошлом, которое, согласно авторскому замыслу, почти всегда лучше событий в настоящем. Об *отчем доме* могут вспомнить солдаты во время затишья на войне; *отчий дом* становится символом благодатного покоя для любого русского человека. Ср.: «Солдаты ахали, восхищались, розовели от наслаждения, как дети... После фокусника вышла певица <...>. Пела про **отчий дом**, про солдатскую службу, про скорое свидание с любимой» («Надпись», 2010:520) или «Русский человек хоть один час пожить должен, себя ощутить. На жен своих посмотреть, траву скосить, хлеб убрать. <...> И в постелях при горящих печах смертный бы час свой встретили. Не темной ночью на глухих дорогах, не в чужих застенках, а **в отчих домах** с детьми на руках!» («Деревенские», 2003: 48).

Последний контекст взят нами из первого опубликованного произведения А.А. Проханова «Иду в путь мой». И здесь употребление ФЕ *отчий дом* соответствует реализации авторского замысла, распространяющегося на создание всего художественного мира произведения. В этом сборнике рассказов и повестей выразились «лучшие черты народного характера, те черты, которые относятся, говоря старомодно, к святому началу русской души: доброта, душевная мягкость, мечтательность и отвага» [Трифонов 1998: 7].

В более поздней прозе особенно частотными у А.А. Проханова становятся предметные ФЕ с государственно-политической семантикой – *Белый дом* и *Дом Советов*. Эти ФЕ становятся неотъемлемыми атрибутами государства – излюбленного писателем концепта. По признанию самого А.А. Проханова, государство «добывается в великих трудах. Народ каждый раз формулирует русскую идею в непомерном напряжении сил, в неповторимом историческом творчестве. Под страшным давлением времени, в огненной вспышке прозрения рождается долгожданный алмаз – новая русская государственность» [1Проханов 2007: 12]. Изначально *Белый дом* – резиденция и канцелярия президента США в центре Вашингтона (с 1800), здание в стиле классицизма, построенное в 1792 – 1829 [БСЭ 2008]. *Дом Советов* – официальное название здания на Краснопресненской набережной, 2 в Москве, где до октября 1993 года располагался Верховный Совет РФ. Впоследствии в России Белым домом и Домом Советов стали называть здание, в котором располагаются органы управления городом, областью и т.п. Ср.: «*Сегодня Белый дом превратился в большую психушку...*» («Красно-коричневый» 2010: 638) или «*Пережив у Дома Советов утреннее ликующее чувство одоления и победы, Белосельцев ожидал увидеть здесь, в стане врагов, смятение совершивших ошибку и преступление людей...*» (там же: 495).

Данные ФЕ в контексте романов способствуют репрезентации «сгустка культуры в сознании человека» [Степанов 1997] – концепта «Государство», обозначая его своеобразные политические атрибуты. Присутствие точек соприкосновения художественного и политического видения становится закономерной особенностью писательской технологии А.А. Проханова: «О технологии. У меня, как у сегодняшнего человека, этим ландшафтом, куда я выхожу, чтобы собирать материал для своих романов, является сегодняшняя актуальная политика, – объясняет сам писатель в беседе с В.С. Кожемяко. – Я иду в Думу, я иду на телевидение, я встречаюсь с противниками, я слежу за информацией, и это уже начало моих романов, и, по существу, это уже нача-

ло моих публицистических статей. Здесь нет противоречия. Я уже пишу роман, когда выхожу в политику» [Цит. по: Кожемяко 2003: 5].

Отдельные предметные ФЕ с рассматриваемой семантикой служат для обозначения «сказочных» мест. В романе «Холм» создается образ широко известного сказочного *острова Буяна*. *Остров Буян* (или *Буян-Остров*) – фантастический остров, упоминается в сказках, былинах, заговорах, песнях. Название *Буян*, возможно, связано с древнейшим значением слова „буй”: гора, холм, высокое открытое место. *Буян-Остров* входит в мифологическую картину мира, будучи связан с представлениями о первой земле и чудесном ее появлении; место нахождения природных предметов, обладающих особыми качествами (*камень Алатырь, ракитов куст, гигантский дуб* и др.), и пребывания демонических существ, фантастических персонажей, наделенных магическими качествами [РГЭС 2002]. Ср.: «Внизу, у воды желтел песок, круглились коричневые, черные камни. Лодки уткнулись носами в берег. Остров был сказочный, древний...**Остров Буян**, о котором Пушкин сложил свою сказку» («Холм» 2010: 309). Кроме сказочного наименования, контекст содержит непосредственное прямое указание на источник ФЕ для героев А.А. Проханова – сказку А.С. Пушкина.

Язык другого романа А.А. Проханова, «Виртуоз», испестрен ФЕ с семантикой сказочных мест: *молочные реки, кисельные берега, тридесятое царство*. Выражения *молочные реки* и *кисельные берега*, хорошо известные нам из сказок, имеют два значения: разг. 1. Сказочное изобилие; символ достатка и благополучия. 2. Символ несбыточного, невероятного [БСРП 2007]. Ср.: «Алексей слушал повествование Гагарина с упоением. Начинали всплывать из туманного детства волшебные сказки о хождении за три моря, о золотых яблоках, о Жар-птице, о кудесниках и чародеях, о **молочных реках и кисельных берегах**» («Виртуоз» 2010: 370). Как видим, отмеченные в контексте ФЕ, связанные с мотивом воспоминания, выступают в исконных значениях.

Выражение *в тридевятиом царстве, тридесятом государстве* часто встречается в русских народных сказках как синоним выражения «очень далеко». В художественной прозе А.А. Проханова используется предметная ФЕ *тридевятиое царство, тридесятое государство*. Происхождение выражения связано с тем, что в древней Руси так иную, чужую, странную землю: Тридевятиое царство, Тридесятое государство... Само происхождение слов «тридевятиое» и «тридесятое» следующее: в старину считали по тройкам, отсюда тридевять (три раза по девять) – двадцать семь, тридесять – тридцать. Главным компонентом в составе этого фразеологизма является субстантив «царство», употребляемый в русском языке в нескольких значениях: 1. Государство, управляемое царем. 2. Правление какого-л. царя, царствование. 3. перен. Какая-л. область явлений действительности. Место, область, сфера, где господствуют те или иные явления, начала [МАС 1999]. В составе ФЕ компонент «царство» употребляется именно в переносном, третьем значении. Ср.: «– ...Знаешь, о чем я думаю? – О чем, моя прелесть? – Ты поедешь в некое царство, в **тридесятое государство** добывать свою „райскую правду“. На Урал, к Хозяйке Медной горы» («Виртуоз» 2010: 344) или «Сталин принес в жертву двоих своих сыновей, третьего, самого младшего и любимого, послал в **тридесятое царство** – в Космос, чтобы тот вернулся и принес России благую весть» («Русский» 2011: 110).

Подобные ФЕ не только способствуют реализации интертекстуальных связей с фольклором и созданию фантастических художественных образов в произведениях А.А. Проханова. Они, органично сосуществуя с лексемами и фраземами-наименованиями предметов реального мира, стирают границы между сказкой и былью, фантастикой и повседневностью. Такие ФЕ выявляют «чудесное» в обыденном и одухотворяют действительность. Это, в свою очередь, обусловлено творческим методом и идейными принципами самого писателя, его взглядами на процесс создания художественного произведения. «Для меня, – объясняет А.А. Проханов, – истина заключена в словах Сент-Экзюпери. „Нужно учиться не писать, а видеть, – утверждает он. – Писать –

это уже следствие”. И видеть не абстрактно, широко, безгранично. Видеть прежде всего новый, созданный сегодняшним днем характер, тип человека... Этическая концепция поведения моего героя, которую я разрабатываю с первой книги „Иду в путь мой”, и состоит в его постоянном стремлении найти место в действительности, в нынешней цивилизации его внутреннему богатому и сложному духовному миру, ранимым чувствам. Одухотворить рожденную техносферой реальность – в этом для меня миссия активной личности...» [Цит. по: Вл. Бондаренко 2010: 16-17].

Весьма частотными в языке А.А. Проханова стали такие предметные ФЕ, как *государство Российское*, *Земля Обетованная*, *Земной Рай* с семантикой места и фразеологизм *конец света*, служащий для обозначения определенного времени. *Государство Российское* – государство, провозглашённое Актом Государственного совещания от 23 сентября 1918 г. [Цветков 2009]. Однако в романах А.А. Проханова происходит расширение значения этой ФЕ: для писателя-государственника *государство Российское* – это вся Россия как сильная и мощная держава, своеобразный идеал страны. Ср.: «*Соотечественники собрались и беседуют. Соотечественники сошлись, чтоб попить в пересменку чаек. Сначала, как всегда, о погоде. Потом – о соседке Марии Степановне. А уж потом, как положено, - о конце света, о бессмертии души, о судьбе государства Российского*» («ОКО» 2010: 222).

Идеал страны не мыслится А.А. Прохановым вне связи с благополучием человека, гражданина, поэтому ФЕ *государство Российское*, *Земля Обетованная* и *Земной Рай* именуют элементы по сути одного и того же концепта «Государство» в понимании писателя. В «Большом фразеологическом словаре современного русского языка» даны два толкования ФЕ *Земля Обетованная*: 1. Израиль. Имеется в виду территория израильского государства, находящегося на землях древней Палестины. Образ фразеологизма соотносится с духовным кодом культуры и восходит к библейскому рассказу об исходе евреев из Египта. Согласно Книге Исхода, Господь велел Моисею вывести народ Израилев из египетского плена «в землю хорошую и просто-

рную, где течёт молоко и мёд», что было исполнено Моисеем после многолетних странствий (*Обетованная*, т.е. *обещанная*). 2. Место, куда кто-либо мечтает и стремится попасть, связывая свою мечту с лучшей жизнью; предмет надежд и желаний [БФСРЯ 2006]. В контексте романа А.А. Проханова «Крейсера соната» ФЕ выступает в роли перифразы: Израиль = *Земля Обетованная*. «С ним [главой преступной группировки – Е. А.] рядом *расположился лирический поэт, прослуживший несколько лет послом в Земле Обетованной, известный в поэтических кругах тем, что делал подтяжку лица и писал стихи исключительно в акваланге, погружаясь в ванну с морской водой*» («Крейсера соната» 2010: 318). Из контекста следует, что «лирический поэт» неоднократно «по делам службы» бывал в *Земле Обетованной*, под которой в данном случае понимаются реально существующие на карте мира государство Израиль, а не метафорические образы. Правильность нашего анализа подтверждает и вводимая А.А. Прохановым в контекст аллюзия «*писал стихи исключительно в акваланге*» на строки из стихотворения поэта, многократно посещавшего Святую Землю, – Андрея Дмитриевича Дементьева. Ср. у А.Д. Дементьева: «Грядущее не примирить с минувшим. / Не подружить „сегодня” / И „вчера”. / Я кораблем остался затонувшим / В той жизни, / Что, как шторм, уже прошла. / Но память к кораблю тому вернулась. / Рискованная, как аквалангист. / Она всплыла в мою былую юность, / И снова я наивен, / Добр и чист...» [курсив наш – Е.А.] [Дементьев 1986].

Синонимичной для ФЕ *Земля Обетованная* (во втором значении) становится другая ФЕ – *Земной Рай* – «необыкновенно красивое или изумительно приятное место, где всего в изобилии, где можно счастливо и безмятежно жить» [Яранцев 1997: 591]. «*Этих кротких мест коснулся сталинский план, превративший лазурную райскую сказку в железную пыль... Навьючил народ работой по созданию „рая земного”, путь к которому, вымощенный кремлевской брусчаткой, лежал через мировую войну*» («Скорость тьмы» 2010: 11). Уточнение, каким был путь к этому земному раю, содержащееся в словах «*путь к которому, вымощенный кремлевской брусчаткой, лежал че-*

рез мировую войну», указывает на контекстный синоним *Земного Рая* – светлое коммунистическое будущее в Советском Союзе.

Отдельную подгруппу предметных фразеологизмов, как отмечалось выше, составляют ФЕ, обозначающие периоды времени. Иногда ФЕ с временной семантикой приобретает и другие оттенки значения. Так происходит с фразеологизмом *каменный век*. В «Большом толково-фразеологическом словаре русского языка» М.И. Михельсона читаем: «*каменный* (железный) *вѣкъ* (иноск.) – доисторические времена» [Михельсон 2004]. В «Историко-этимологическом словаре» зафиксирована ФЕ *железный век* (а не *каменный век*) со значением „об очень жестоком и суровом времени” [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 84-85]. Однако в контексте романа А.А. Проханова данный фразеологизм реализует иное значение. Ср.: «–...*Япония и Европа срослись неразрывно со Штатами в новейшую, небывалую, на технотронном уровне цивилизацию!.. Перед которой мы – **каменный век***» («ОКО» 2010: 83). Примечательно, что предметная ФЕ *каменный век* в данном контексте реализует не столько функцию обозначения временного периода в истории человечества и жестокость и суровость кого-либо в обсуждаемой ситуации, сколько отсталость развития. «Технотронный уровень» развития цивилизации США противопоставлен сравнительно низкой позиции, которую, по мнению Лазарева, героя романа «ОКО», в данном вопросе занимает Россия.

В обширную группу объединяются фразеологизмы, обозначающие абстрактные, отвлеченные понятия. Наиболее часто употребляемой в произведениях А.А. Проханова ФЕ, обозначающей философско-этические понятия, становится *Древо (Дерево) познания Добра и Зла*. В книге Бытия 2:9 говорится о том, что Господь Бог насадил в Эдемском саду самые разные деревья. В том числе Он, наряду с деревом жизни, произрастил в самом центре сада и *Древо познания Добра и Зла*. И заповедал Господь Бог человеку, что может он есть плоды любого дерева, кроме Древа познания. Ева была введена в искушение Змием, заставившим ее усомниться в заповеди Господа Бога (Быт. 3:5). Человек познал добро и зло, но общение с Господом Богом было разру-

шено. Философский смысл выражения состоит в том, что человек поддался искушению самому быть как Господь и познал добро и зло, т.е. увидел последствия как смиренного поведения, так и гордыни [Библейская энциклопедия Брокгауза 1994]. Ср.: *«Две луны раскачивались над его [Сержа – Е. А.] головой, как небесные плоды, которые созрели на Древе познания Добра и Зла. И он, мудрец, благодетель, заступник, находился под сенью этого благодатного древа»* («Русский» 2011: 26); *«Ствол березы был старый, в наростах и вмятинах. На коре темнела заплывшая надпись: „Адам плюс Ева равняется“, и после знака равенства было вырезано сердце, пронзенное стрелой. И Зеркальцев подумал, что эта береза и есть Древо познания Добра и Зла, оно тянет корнями воду из священной горы, преображая ее в просторную, накрывающую все мироздание крону»* («Алюминиевое лицо» 2011: 161).

Рассматриваемая ФЕ становится в прозе А.А. Проханова контекстуальным синонимом ФЕ *Древо Жизни*, объяснение чему находим в «Крейсеровой сонате»: *«Они [Плужников и Аня – Е. А.] миновали березняк и вышли в чистое поле. На холме в прозрачной и чудесной пустоте стояло огромное дерево. Это был не дуб, не клен, не ясень и не кедр, а Древо Жизни, или, как его называли в Раю, Древо Познания Добра и Зла»* («Крейсерова соната» 2010: 340). *«Древо жизни (дерево жизни, райское дерево) — особое дерево, посаженное Богом посреди Эдемского сада, а также посреди улицы Нового Иерусалима. Приносит плоды 12 раз в год, которые дарят вечную жизнь и имеет листья для исцеления народов. В тексте Пятикнижия Древо жизни находится в тесной связи с Древом познания Добра и Зла»* [Еврейская энциклопедия 1991].

Широкое распространение фразеологизмов, обозначающих философско-этические понятия, в языке писателя объясняется самим психологическим, морально-этическим складом и писателя, и, соответственно, его героя. «Ни разу не становится герой писателя простым искателем приключений, никогда не теряет из виду те „незыблемые, неподвижно-вечные сущности“,

которые так не нравятся некоторым критикам. „Камертон всех этих „неуловимостей” – собственная душа. Совесть» [Вл. Бондаренко 2010: 26]. Кроме склонности к философии, Вл.Г. Бондаренко отмечает в личности и творчестве А.А. Проханова еще одну важную особенность, проявившуюся в том числе в характере писательской фразеологии. «Для меня несомненно, – пишет критик, – что Александр Проханов всегда был и остается метафизиком. Во всех своих прозаических и публицистических работах он учитывает скрытую энергию, всегда тянется к народным формам, мистикам, богоискателям. При этом Проханов – знаток Православия, да и сам себя считает православным» [там же: 11].

Именно поэтому важную роль в раскрытии авторского замысла у А.А. Проханова играет группа ФЕ, обозначающих философско-этические понятия. Например, практически в каждом романе А.А. Проханова встречается библейская ФЕ *хлеб насущный*. Выражение имеет два значения: 1. Самые необходимые средства для жизни, для существования. 2. Что-либо самое важное, жизненно необходимое. – Из молитвы в Евангелии: «„Хлеб наш насущный даждь нам днесь” – „хлеб, нужный для существования, дай нам на сей день”» [Ашукины 1987: 641]. Ср.: «Занята [Москва – Е. А.] своими сиюминутными прихотями, заботами, добыванием **хлеба насущного**, безхитростными развлечениями и забавами» («Господин Гексоген», 2010: 555). В данном контексте реализуется первое значение.

Слова молитвы на вывеске булочной иллюстрируют прием двойной актуализации фразеологизма. «Только что вернулся [художник – Е.А.] в загаженную мастерскую из ослепительного мира игровых автоматов. Он спустил весь гонорар, заработанный за малевание какой-то нелепой вывески в булочной под названием „Хлеб наш насущный”...» («Крейсерова соната» 2010: 381). Употребление ФЕ в таком контексте показывает нелепость жизни конкретного человека – художника, и всех жителей города: смешение сакрального и обыденного в их жизни, лишенное понимания.

Широко представлены в творчестве А.А. Проханова предметные ФЕ, служащие наименованием религиозных понятий, включая обозначения места, времени и абстрактных предметов, связанных с религией, например, *Вифлеемская звезда*. Употребление данной ФЕ подтверждает наличие тесной связи концептов «Вера» и «Государство», придавая образу Государства Российского сакральный смысл: « –*Ты, я – мы служим Русской победе!.. Жертвуем, переходим из огня да в полымя, теряем последние силы, но нас вдохновляет, ведет **Вифлеемская звезда** великой Русской победы!..*» («Господин Гексоген» 2010: 414). *Вифлеемская Звезда* в сакральном значении – «небесное тело, которое, по Евангелию, возникло на небе в момент рождения Иисуса Христа и указало волхвам путь к Нему. Значимый атрибут празднования Рождества у христиан и иконографии „Рождества Христова” и „Поклонения волхвов”» [Кузенков 2009: 731]. А.А. Проханов называет *Вифлеемской звездой* особое по важности событие, которое ознаменует собой спасение и возрождение России, ее расцвет и подъем. Это связано с широко известной в философии идеей о богоизбранности России, ее мессианской роли в мире. А.А. Проханов связывает эту идею с образом Спасителя, рождение и пришествие которого в мир ознаменовала загоревшаяся на небе Вифлеемская звезда, указавшая верующим на случившееся событие. ФЕ участвует в репрезентации концепта «Вера». Аналогичное «знамение», по убеждению А.А. Проханова, предшествует рождению и расцвету сильной духом России, которая призвана стать спасением для мира.

Как видим, А.А. Проханов активно использует предметную фразеологию. Значение предметности у рассмотренных ФЕ основано на семантике имени существительного, которое является в них грамматически господствующим компонентом и обладает общекатегориальным значением предметности, включающим категориальные значения лица и предмета. Ряд подобных ФЕ наделён символьным значением, понятным каждому русскому человеку. Такие ФЕ выступают в качестве средства репрезентации концепта «Государства». Особое место в предметном пласте фразеологии

А.А. Проханова отводится ФЕ со значением отвлеченного понятия. Происходит это потому, что А.А. Проханов, как уже отмечалось, – писатель-«метафизик». Многочисленными и разнообразными в исследовании оказались группы фразеологизмов, обозначающих отвлеченные, особенно – философско-этические, религиозные понятия. Подобные ФЕ служат для репрезентации концепта «Вера».

Таким образом, предметные ФЕ в языке А.А. Проханова выполняют целый ряд функций. ФЕ с семантикой лица участвуют в создании образов персонажей, играя сюжетообразующую роль. ФЕ, обозначающие место и время, играют важную хромотопическую роль, активно участвуя в создании пространственно-временной организации текста. Распространенные в произведениях А.А. Проханова ФЕ с семантикой предмета демонстрирует тесную связь писательского мировоззрения с традиционными представлениями русского человека о мироустройстве. Предметные ФЕ, обозначающие конкретный неодушевленный предмет, имеющий физические параметры, являющие собой определенную символику, выполняют концептообразующую функцию. Предметные ФЕ способствуют созданию объемного изображения художественного мира произведения. Фразеологизмы, обозначающие абстрактные, отвлеченные понятия, создают психологизм повествования на различных этапах развития сюжета и выполняют концептообразующую функцию, участвуя, например, в репрезентации концептов «Государство» и «Вера».

Процессуальные ФЕ

Группа процессуальных фразеологизмов, по мнению А.М. Чепасовой, объединяет ФЕ, которые могут обозначать «разнообразнейшую деятельность человека», моральное или физическое состояние, переход из одного состояния в другое, отношения к кому-либо или чему-либо, различные эмоции и чувства, т.е. «любые действия, состояния, изменения как процесс» [Чепасова 1974: 29-30]. Значение процессуальных фразеологизмов передается глаголом

или глагольным сочетанием, но «решающим фактором в квалификации фразеологизма как процессуального считается не формальное присутствие в его составе глагольного компонента, а способность этой единицы обозначать действие, процесс» [там же: 31]. Процессуальная семантика ФЕ оформляется морфологическими категориями вида, лица (числа, рода), времени, наклонения, залога [см.: Чепасова 1974: 32-56].

Процессуальные ФЕ в языке художественной прозы А.А. Проханова являются достаточно обширной группой и охватывают около четверти (28%) исследуемой фразеологии. Фразеологизмы, входящие в ее состав, чрезвычайно разнообразны по семантике, в основе которой всегда лежит общее понятие процесса, действия, активности.

Например, ФЕ *костьми лечь* имеет два значения: «1. Отдать все силы. Употребляется обычно, чтобы показать невероятно большие усилия, которые требуются для достижения чего-либо. 2. Погибнуть в бою, в сражении, умереть (обычно в бою за какое-либо великое, справедливое дело» [Яранцев 1997: 528]. А.А. Проханов употребляет данную ФЕ во втором значении: «Он [Калмыков – Е.А.] выделял две роты для захвата министерства обороны, радиоцентра и министерства внутренних дел. Знал, что эти роты **лягут костьми**, по их спинам пройдут афганские танки, а отборный полк коммандос довершит убийство» («Дворец» 2010: 703). Употребление фразеологизма *лечь костьми* способствует передаче, с одной стороны, того боевого настроения, который царит среди солдат, самозабвенно сражающихся с противником, а с другой, – говорит о высокой опасности, в которой оказались герои.

Другой процессуальный фразеологизм *Лазаря неть* в одном контексте с фамилией одного из персонажей – *Лазарев* – в романе «ОКО» помогает раскрыть характер взаимоотношений героев. Образное выражение *неть Лазаря* употребляется в значении „жаловаться на судьбу, просить чего-либо, самоуничижаться и т. п.” [Серов 2003]. Ср.: « – Я их вижу, слышу повсюду! Их хитрые мышинные глазки, их гундявые голосишки. **Поют** нам всем **Лазаря!** Лазаревы **Лазаря** нам **поют!**» («ОКО» 2010: 220). Этими словами новый

человек на предприятии, активный и деятельный Фотиев убеждает собеседника, что нельзя, несмотря на заманчивые идеи, доверять главному инженеру Лазареву и его сторонникам, «хоронящим социализм».

В группу фразеологизмов со значением физического действия входят, например, ФЕ, обозначающих бесполезную, бессмысленную деятельность или безделье (отсутствие деятельности как таковой). Например, ФЕ *бить баклуши*, обозначающая „бездельничать, празднично проводить время” [Телия 2006]. Ср.: *«Мыкали горе на проклятых междуусобных войнах, тоскуя, спиваясь, кляня мерзавцев, разоривших страну и армию. Но были и такие, кто безбедно служил в Москве, бил баклуши в сахарно-белом здании на Арбате, в шоколадно-желтой машине на Лубянке»* («Красно-коричневый» 2010: 89).

Другая ФЕ с неодобрительной оценкой *жизнь прожигать* употребляется в значении „предаваться разгульной жизни” [БСРП 2007]. Ср.: *« – Да нет же, это молодые самарские парни и спортсмены... Ездят за границу не жизнь прожигать, а ума-разума набираться»* («Дерево в центре Кабула» 2010: 79). Отрицательное отношение говорящего к прожиганию жизни как способу существования усиливается с помощью контраста, достигаемого сопоставлением ФЕ *жизнь прожигать* и *ума-разума набираться* в значении „умнеть, становиться рассудительным, умным” [ФСРЛЯ 2008].

К фразеологизмам, с семантикой ментальной деятельности относятся такие ФЕ, как: *верить в свою звезду, брать в голову, свести с ума, спать и видеть, ставить под сомнение, схватывать на лету, таить обиду*. ФЕ *верить в свою звезду* имеет значение „надеяться на успех, удачу”. Ср.: *«Предстояли допросы, мучения... Грей, чья клеть находилась по левую руку, постоянно обращался к нему [Белосельцеву – Е.А.], если охрана дремала или, спасаясь от солнца, перекочевывала на другую сторону куста. – Мистер Белосельцев, не надо падать духом!.. Нас непременно выкупят!.. Английский консул – мой хороший знакомый!.. Наверняка он ведет переговоры о выкупе!.. Бедный мистер Колдер, он так верил в свою звезду!»* («Африканист» 2010: 314). Если семантика данной фраземы связана с высокими стремления-

ми к мечте, то ФЕ *брать в голову* в значении „принимать во внимание” [ФСРЛЯ 2008] становится максимально приближенной к ситуации разговора о явлении обыденности. Ср.: «—... **Не бери в голову!**.. Этот Вахид Заирбеков — мелкий спекулянт и жулик... Мы его прищучим...» («Господин Гексоген» 2010: 552).

Коммуникативную деятельность характеризуют следующие фразеологизмы: *вести беседу, дать слово, дать (подать) знак, поддержать разговор, просить прощения, распускать слухи, рот раскрывать, сорваться с языка, строить глазки*. Ср.: «—... Мне дано говорить с Лениным, слышать его суждения. Он вызывает меня, и мы **ведем с ним беседы**» («Господин Гексоген» 2010: 475); «— Где я возьму столько денег?.. Что мне делать?.. Я **дал слово** офицерской чести!» (там же: 302); «— Почему, — Белосельцев преодолел наваждение, стараясь **поддержать разговор**, — почему у Пол Пота такая ненависть к монастырям и монахам?» (там же: 558); «Он [Мэр — Е. А.] метил в Кремль, создавал оппозицию, обольщал больного властителя, льстил Дочери, **распускал** у нее за спиной чернящие **слухи**, тайно вступал в сношения с командующими округами» (там же: 504). Обратим внимание на собственные субстантивы *Мэр* и *Дочь* в последнем контексте. По мысли А.А. Проханова, они становятся своеобразными «именами» персонажей, подчеркивающими ту или иную идею художественных образов романа: Мэр — человек, правящий над всем обществом; Дочь — дива, пользующаяся «заслугами» высокопоставленного отца.

В процессе коммуникативного взаимодействия людей субъект зачастую выражает собственное отношение к кому-либо, чему-либо. Среди фразеологизмов со значением коммуникации есть ФЕ с семантикой положительного отношения: *пойти навстречу* (согласиться, помочь), *оценить по достоинству, пожать руку* — и отрицательного отношения: *смотреть косо* (относиться с неодобрением, осуждением, не принимать).

Как отмечалось выше, фразеологизмы с семантикой коммуникативной деятельности включают в себя ФЕ, обозначающие элементы вербального

общения, и ФЕ со значением невербальной коммуникации. Первые из них – процессуальные ФЕ с семантикой коммуникативной деятельности, содержащие в своем составе те или иные указатели на производство конкретного речевого действия – наименования составляющих речевого аппарата (язык, губы, рот). Ср.: *«Плужников проповедовал, изумляясь тому, каким чудом слова возникают у него на устах вместе с дыханием, словно кто-то приложил свои вещие губы к его ушам, вдует неслышно богооткровенные мысли, а он, Плужников, только старательно их повторяет... Он был языком, а слово, которое **срывалось с языка**, нисходило свыше...»* («Крейсера соната» 2010: 418). ФЕ *срываться с языка* имеет значение „невольно, неожиданно, вдруг быть произнесенным” [ФСРЯ 1967: 450], что подчеркивается наличием вербального компонента *срываться*.

Другие ФЕ, напротив, служат наименованием так называемого невербального общения. Например, ФЕ *подать знак* в значении „делать намёк кому-либо” [ФСРЛЯ 2008] подразумевает наличие хотя бы двоих собеседников, а значит, возможность общения. Ср.: *«Ждал, когда ясновидец угадает его [Белосельцева – Е.А.] потаенные мысли. **Подает знак**, что мысли угаданы»* («В островах охотник» 2010: 564).

Частотой употребления в текстах А.А. Проханова характеризуется процессуальная ФЕ со значением отношение к кому-либо, а точнее, воздействие на объект – *выжать (выпить, высосать) все соки*. Ср.: *«Все тайные службы и партии, все «народные фронты» и «межрегиональные группы», все бледные, с красными губами вампиры, **выпившие соки** страны, размножились...»* («Красно-коричневый» 2010: 17); *«– Ты – технократ, холодный, жестокий! Добываешь свою энергию, свою грубую мощь, истребляя другие, тонкие, драгоценные энергии жизни!.. <...> Для тебя народ – это всего лишь рабочая сила, которую ты выманиваешь из деревень, отрываешь от корней. Ты **высасываешь** живые соки для своих железных чудовищ!.. Он [Дронов – Е.А.] морщился, отворачивался. Ему были неприятны её [жены – Е.А.] риторика, расхожие, постоянно воспроизводимые нарекания...»* («ОКО» 2010: 317).

Рассматриваемая ФЕ употреблена в значении „мучить, утомлять кого-л.” [БСРП 2007].

Наиболее часто данный фразеологизм встречается в романе «Пятая империя», что обусловлено как идейным содержанием романа, так и особенностями художественного мировосприятия А.А. Проханова вообще. Показательной является яркая речь персонажа Заборщикова, обращенная к рассуждающему о сущности русской цивилизации Сарафанову: *«Твои комиссары, партийцы цековские, твои секретные агенты и генштабисты <...> видели в государстве только один огромный управляемый механизм, а дух в него не пускали. Машина была пустой, бездуховной, а потому слепой и жестокой. Перемолола природу, **выпила сок** из народа, а потом рассыпалась на куски... Если бы ты видел, как умирает Россия, как погибает по селам народ, как угасает повсюду жизнь. <...> Вот к чему привела твоя лукавая машина»* («Пятая империя» 2010: 38). Фразеологизм подразумевает обязательное присутствие субъекта, выполняющего метафорическое действие (*выпивает соки*), который оказывает пагубное, давящее, уничтожающее влияние на кого-либо. В подавляющем большинстве случаев в романах А.А. Проханова это влияние испытывает на себе русский народ в целом или персонаж, русский человек, в частности. В «Пятой империи» – романе-теории о фазах развития Российского государства – создан один из любимых писательских образов – образ машины. «Я всегда любил изображать машины, – объясняет А.А. Проханов, – Русская литература прекрасно описывала природу – как никакая другая, но она никогда не описывала машины, а ведь XX век – век машин! И я поставил себе задачу описать эти машины» [Цит. по: Кузменкин 2012: 2]. Но образ машины в романах А.А. Проханова – не всегда самостоятелен (как, например, в романе «Алюминиевое лицо»). Чаще он способствует раскрытию концепта «Государство». Именно государство, воспринимаемое только как управляемый механизм, оказывает это убийственное влияние – оно *выпивает соки* из своего народа.

Известно, что некоторые глаголы в переносно-образном фразеологически связанном значении обладают так называемой серийной сочетаемостью. По мнению академика В.В. Виноградова, многие слова во всем объеме своего значения ограничены в своих связях. «Эти значения могут проявляться лишь в сочетании со строго определёнными словами, то есть в узкой сфере семантических отношений. Вокруг многозначного слова группируется несколько фразеологических серий» [Виноградов 1977: 166]. Термин «фразеологическая серия», введенный в языкознание В.В. Виноградовым, понимается как определённое количество фразеологических сочетаний, имеющих общий компонент с фразеологически связанным значением и зависимые компоненты словосочетаний, то есть слова, с которыми сочетается слово в определенном фразеологически связанном значении.

Следует добавить, что, как нам представляется, о фразеологической серии можно говорить лишь в том случае, когда присоединяемые существительные являются лексическими синонимами. Например, глагол *сеять* в переносно-образном фразеологически связанном значении „распространять, внедрять (какие-нибудь идеи, мысли, взгляды)” образует фразеологические сочетания, объединённые во фразеологическую серию – *сеять ужас, сеять панику, сеять страх*. Зависимые компоненты в этих сочетаниях являются лексическими синонимами [Сатина 2005: 44]. Ср.: «*Им нужно взорвать Москву, посеять панику, чтобы потом прийти к власти...*» («Господин Гексоген» 2010: 46).

Другая ФЕ *рот раскрыть* употребляется в нескольких значениях: «1. Начинать говорить что-л., высказывать, выражать свое мнение. 2. Быть крайне рассеянным, невнимательным или неосмотрительным. 3. Крайне изумляться, удивляться и т. п.» [ФСРЯ 1967: 380]. В контексте романа «ОКО» фразеологизм реализует именно третье значение – репрезентирует состояние удивления: «– ... Я ведь помню, как они [Европа – Е. А.] на наш спутник ахнули, на Гагарина **рот раскрыли!**» («ОКО», 2010: 80).

Фразеологизмы с семантикой пассивного состояния человека представляют собой вторую группу процессуальных ФЕ. Они делятся на подгруппы в соответствии с типом состояния человека: 1) ФЕ со значением ментального состояния (от лат. *mens* – ум, мышление, образ мыслей, душевный склад) [Философия: Энциклопедический словарь 2004]; 2) ФЕ со значением эмоционального состояния и 3) ФЕ со значением физического состояния.

Первую подгруппу можно проиллюстрировать единицей, которая занимает важное место в идейно-художественной системе произведений А.А. Проханова, – ФЕ *сходить с ума* („становиться сумасшедшим, находиться в состоянии душевного разлада” [ФСРЛЯ 2008]). Ср.: *«Люди сходили с ума, брались за оружие, начинались войны, сгорали города»* («Красно-коричневый», 2010: 368). Частотность употребления такой процессуальной ФЕ объясняется широко распространенным в так называемых „галлюцинаторных” романах мотивом всеобщего помешательства. К произведениям с „галлюцинаторной” эстетикой» (термин Л.А. Данилкина), по мнению критиков, следует относить, например, знаменитые «Господин Гексоген» и «Крейсерову сонату» [Данилкин 2007: 126]. Именно здесь наиболее часто встречается ФЕ *сходить с ума*: *«Прокурор был очень возбужден, говорил без умолку, перескакивая с темы на тему: – Я считался лучшим оратором на факультете и вполне мог практиковать адвокатом!.. Мы проводили на первом курсе конкурсы экзотических галстуков, и я завоевывал первый приз!.. Я даже писал стихи, от которых девушки сходили с ума!.. Там была такая строфа: „Умирают левкои – легко им. Как сиреневый пар – парк...” Неплохо, не правда ли?»* («Господин Гексоген» 2010: 183); *«Взрывы домов, по которым в упор бьют установки залпового огня. Похороны солдат с заплаканными лицами матерей. Он [Белосельцев – Е.А.] почувствовал, что сходит с ума. Не хотелось жить. Было желание закрыть глаза, спрятаться в глубь самого себя. Но и сквозь закрытые веки просачивались образы смерти, зажигали на сетчатке картины разрушений, обезображенные тела, изувеченные машины и здания»* (там же: 256); *«Во Дворце „Голден Мейер” продолжались мучения*

заложников. <...> Людям не давали пить, и у некоторых начались бред и галлюцинации. Одна немолодая женщина **сошла с ума** и танцевала, изображая из себя индийскую жрицу. Безумие оказалось заразительным, и несколько женщин, не вставая с кресел, плавно раскачивались, колыхая в воздухе поднятыми руками» («Крейсерова соната» 2010: 536). Эта ФЕ занимает центральную позицию в ряде романов А.А. Проханова о постсоветской эпохе, помогая воссоздать «картину происшедшего», сделанную «в новой прохановской эстетике. И это была сумасшедшая эстетика жизни тех лет» [Вл. Бондаренко 2010: 32].

Распространенные в языке А.А. Проханова процессуальные фразеологизмы со значением состояния – ФЕ, обозначающие эмоциональное состояние: *хвататься за голову* (приходить в ужас, отчаяние); *пасть духом*, *слезы проливать*, *посыпать голову пеплом* (предаваться глубокой скорби). Чаще всего, эмоции прохановских героев связаны с тем или иным проявлением отчаяния и горя. Объясняется это тем, что подавляющее число героев А.А. Проханова – люди, глубоко чувствующие и переживающие противоречия и драматизм жизни.

Часто в романах А.А. Проханова способствует выражению эмоционального состояния ФЕ *пасть духом*. Ср.: « – Наши вернутся, Ефремыч. Смотри на зарю, и увидишь серебряный звездолет с надписью „СССР“. Ты говорил о героях, которые прилетят в звездолете. Теперь герои те, кто **не пал духом**, не изверился, не продался, ждет возвращения звездолета» («Человек звезды» 2012: 76); « – Девчата, не смей унывать!.. **Духом не падать!**.. А ну запевай!.. – откинулась, набрав воздуха в полную грудь, распахнула платок, чтобы вольнее было дышать, затянула: - Ой цветет калина в поле у ручья!.. Парня молодого полюбила я!.. – Остальные нестройно, приспрабливаясь, пристраиваясь к ее сильному, глубокому голосу, вторили...» («Красно-коричневый» 2010: 785). ФЕ имеет значение „унывать, отчаиваться. Имеется в виду, что лицо подавлено какими-либо обстоятельствами, утратило всякую бодрость и надежду, ни в чём не находит утешения” [БФСРЯ

2006]. В приведенных контекстах рассматриваемый фразеологизм употребляется с отрицательной частицей *не*, что превращает его в последнем примере в призыв к сохранению бодрости духа.

Особое место в романах А.А. Проханова отведено таким ФЕ, как *склонить на свою сторону, проявить себя, сложить полномочия*, что обусловлено всегда пристальным вниманием писателя к общественной жизни, его активной гражданской позицией. Одной из наиболее частотных ФЕ со значением состояния личности относительно принятых в обществе либо негласных законов у А.А. Проханова становится ***иметь право*** или вариант ***не иметь права*** (быть в состоянии (не в состоянии) произвести какое-либо действие, руководствуясь моральной, этической или социальной нормой). Ср.: « – И вот теперь, Николай Савельевич, маленькая для вас информация. Не вся, ибо ***не имею права***» («ОКО» 2010: 295); « – Видите ли, я ***не имел права*** приводить вас сюда. Но из уважения к вашему имени, веря в вашу грядущую миссию, зная, какие влиятельные персоны прислали вас в мою больницу, я показал вам этого больного» («Виртуоз» 2010: 392).

Реже встречаются в романах А.А. Проханова процессуальные ФЕ, служащие наименованиями физического состояния организма (*чувствовать себя, приходить в себя, владеть собой, терять сознание, терять равновесие*), а также ФЕ со значением состояния природы и перехода лица из одного состояния в другое (*приходить в ярость* (разъяриться, разгневаться), *потерпеть крах* (иметь совершенную неудачу в деле, быть побежденным), *уйти с арены, уйти на покой, сдать оружие, смерть принять*). Ср.: « «– Ты блестяще сработал, Виктор Андреевич, снайперски, безупречно!.. Мы очень за тебя волновались... Ты немного ***пришел в себя***?.. Приглашаем на вечер в театр...» («Господин Гексоген» 2010: 399). ФЕ *прийти в себя* имеет два значения: „1. Успокаиваться, переставать смущаться, беспокоиться, волноваться о чем-либо. 2. Выходить из обморочного состояния, из забытья и т.п.” [Яранцев 1997: 293]. В приведенном контексте ФЕ реализует первое значение, репрезентируя состояние облегчения, успокоения.

Таким образом, использование процессуальной фразеологии в творчестве А.А. Проханова отличается продуктивностью и особым смыслом. Группы и подгруппы, в которые объединяются процессуальные фразеологизмы, как показал проведенный анализ, оказались различными по объему. Самой многочисленной в творчестве А.А. Проханова является группа фразеологизмов, входящих в группу ФЕ с семантикой действия, где преобладают ФЕ со значением деятельности. Полнее всего представлены группы, обозначающие поступки и поведение человека, а также ментальную деятельность человека. Так, яркие чувства и переживания любимого прохановского героя Белосельцева постоянно переплетаются с его же «сухими» размышлениями о причинах и следствиях событий; и наоборот, раздумья «народных избранников» о Российском государстве часто оказываются поглощаемыми их же эмоциями. Семантика состояния представлена единицами, выражающими широкую гамму состояний человека, особенно разнообразны ФЕ, характеризующие психическое и социальное состояние.

Атрибутивно-предикативные ФЕ

В класс атрибутивно-предикативных объединены фразеологизмы, первая, «меньшая часть которых обозначает недействительный, статический признак предмета», а вторая, большая, часть «обозначает признак, но уже присущий не предмету вообще, а лишь субъекту (грамматическому или логическому)» [Чепасова 1974: 57]. Такие ФЕ обозначают «качество, свойство, состояние предмета или субъекта, поэтому атрибутивность и предикативность есть то семантически общее, что делает такие фразеологизмы представителями одного класса» [там же]. Атрибутивная и предикативная семантика оформляется в ФЕ морфологическими категориями рода, числа, падежа и синтаксическими категориями лица, времени, модальности [см.: Чепасова 1974: 59-67].

Атрибутивно-предикативные ФЕ составляют небольшую, но значимую долю фразеологии в языке А.А. Проханова, класс менее продуктивный по сравнению с рассмотренными выше.

Атрибутивно-предикативные ФЕ могут обозначать качественную характеристику лица (состояния лица) или предмета. Первые в романах А.А. Проханова представлены более широко, что объясняется чутким вниманием писателя к своим персонажам – людям, яркие образы которых запоминаются обилием и достоверностью деталей: *себе на уме, нечист на руку, седьмая вода на киселе, сам не свой, кровь с молоком, ни жив ни мертв, без царя в голове, без страха и упрека, не от мира сего, в чем мать родила, на одно лицо, средней руки, стреляный воробей*.

Функции атрибутивно-предикативных ФЕ разнообразны. С их помощью у читателя создаётся ясное представление о внешности героя. Это может быть:

- относительно постоянный признак лица;
- характеристика человека в конкретный момент времени.

Так, ФЕ *кровь с молоком* употребляется в значении „румяный, цветущий, крепкий”. Имеется в виду весь внешний вид человека или его лицо, чаще – щёки, отличающиеся ярко выраженными признаками здоровья и силы [БФСРЯ 2006]. Фразеологизм характеризует «жизнеспособность, физическую и душевную крепость человека» [Яранцев 1997: 327]. Ср.: «Доморощенную балерину сменила краснощекая, пышная девушка, о каких говорят, – „**кровь с молоком**”» («Скорость тьмы» 2010: 82) или «*А теперь можно за денежки русского медведя свалить, в русской бане попариться, русскую песню послушать, а если охота, русскую девушку поцеловать. У нас здесь девушки **кровь с молоком***» («Холм» 2010: 277). Постоянство качества внешности, обозначенного ФЕ, в первом контексте подтверждается определительным придаточным «о каких говорят...» в смысле «так говорят обычно, как правило, всегда». Во втором примере многократное повторение любимого А.А. Прохановым адъектива «русский» и своеобразное контекстное тождест-

во значений *русские девушки* = *девушки кровь с молоком* говорит о некой „постоянности”, „обычности” данного признака, о приписывании данного качества внешности многим русским девушкам.

Иначе обстоит дело с ФЕ *в чем мать родила*, которая имеет два значения: „1. Нагишом, без одежды. 2. Без денег, состояния, имущества” [БСРП 2007]. В романе «Последний солдат империи» ФЕ употребляется в первом значении и служит наименованием внешнего признака персонажей в конкретно взятый момент времени. Ср.: *«Приезжайте на мою подмосковную виллу, и я покажу вам бассейн, выложенный изразцами из мусульманской мечети времен Тамерлана! Если захочу, ко мне придет кордебалет и будет плавать в этом бассейне в чем мать родила, среди древних изречений Корана!»* («Последний солдат империи» 2010: 32).

Кроме внешности, атрибутивно-предикативные ФЕ помогают писателю охарактеризовать духовный мир героев, их переживания, отношение к себе и к жизни, т.е. создают внутренний портрет персонажа. Ряд таких ФЕ содержит в своей структуре компонент *сам (сама, сами)*: *сам не свой*, как говорят о человеке в состоянии волнения, или шутливое *сами с усами* – о самостоятельных, уверенных в себе людях. Ср.: *« – Видишь ли, мои сторонники в Патриархии доложили о твоём тайном визите в Псково-Печерский монастырь. О твоей часовой беседе с Иоанном Крестьянкиным, после которой ты вышел сам не свой»* («Виртуоз» 2010: 125); *« – ... Мерзкий обжора и бабник укатил куда-то на Лазурный Берег! Ну да мы и без него сами с усами...»* («Крейсера соната» 2010: 212). В первом контексте фразеологизм *сам не свой* способствует раскрытию внутреннего волнения, беспокойства персонажа, что становится заметным окружающим. Во втором примере своей страстной речью говорящий призывает своих сторонников к заговору против уехавшего «господина», а ФЕ *сами с усами* призвана вселить в слушающих веру в свои силы.

ФЕ *нечист на руку* имеет значение „плутоват, вороват; склонен к мошенничеству, воровству” [ФСРЛЯ 2008]. Ср.: *«В батальоне ходили слухи,*

что Беляев **нечист на руку**, вместе с прапорщиком торгует на стороне ротным продовольствием и горючим» («Дворец» 2010: 598). В приведенном контексте для создания характеристики Беляева не только употребляется собственно ФЕ, но за ней следует конкретизация контекстуального фразеологического значения: ссылка на недостойные поступки персонажа.

Кроме реализации функции создания внутреннего и внешнего портрета персонажа, атрибутивно-предикативные ФЕ в романах А.А. Проханова нередко служат средством оценки качества объекта. Например, фразема *средней руки* со значением „ничем не примечательный по своим качествам, способностям, по своему положению” [ФСРЛЯ 2008]. Например: «Ещё один посетитель – **средней руки** бизнесмен, работающий в фирме посредников, которая качает нелегальную сибирскую нефть» («Пятая империя» 2010: 234). В данном случае персонаж – бизнесмен – оценивается не слишком высоко с точки зрения прибыли фирмы и его умения вести дела.

Более объективно характеризует персонажа атрибутивно-предикативный фразеологизм *от сохи* (кто-либо) – „из крестьян” (по происхождению) [ФСРЛЯ 2008]. Ср.: «Я ведь в начальники вышел из народа, без всякой мохнатой лапы. Мы **от сохи**, и звания себе добывали, харкая кровью» («Человек звезды» 2012: 200).

В не столь многочисленную группу объединяются атрибутивно-предикативные ФЕ с общим значением качественной характеристики предмета: *с иголочки*, *пальчики оближешь*, *подбитый ветром*, *битая молью*. Например, ФЕ *пальчики оближешь* употребляется в двух значениях: 1. Выражение восхищения каким-либо очень вкусным блюдом. 2. Бесподобный, великолепный, очень красивый, привлекательный [Яранцев 1997: 102]. В 1 значении данная ФЕ и употребляется в следующем контексте: «– Бери, не отказывайся!.. На холодец!.. **Пальчики оближешь!**.. С лимончиком, с хреном, под водочку!.. Сами поросенка растили, молоком отпаивали!.. – заманивала Сарафанова молодая бедовая торговка» («Пятая империя» 2010: 315). В данном контексте торговка, в чьей речи и содержится ФЕ, уверяет покупателя в

высоких вкусовых качествах ещё не приготовленного продукта (холодца) и тем самым старается убедить Сарафанова в необходимости покупки.

Употребление героем романа «Теплоход „Иосиф Бродский”» – Степаном, пытающимся предотвратить совершение беременной женщиной аборта, – атрибутивно-предикативной ФЕ *на вес золота* в значении „чрезвычайно ценный” [БФСРЯ 2006] отражает не только ценность еще не родившегося человека, но и помогает усилить эмоциональный эффект от сложившейся катастрофической демографической ситуации в обществе. Ср.: «– ... Пойду, аборт сделаю. – Да что ты, Тоня, не думай об этом! – испуганно воззрился Степан. – Сейчас в России каждый младенец **на вес золота**» («Теплоход „Иосиф Бродский”» 2010: 152).

Учитывая возможность существования шкалы оценки «хорошо – плохо», можем считать, что ФЕ со значением оценки в следующих контексте поддерживают контекстную антитезу, хотя относятся к разным семантико-грамматическим разрядам. Например, *выше всяких похвал* (очень высокая оценка) и *ниже среднего* (низкая или посредственная оценка). Ср.: «– Мне докладывали о ваших звонках. Докладывали о ваших поездках в атомный город, на Байконур, в Семипалатинск. Вы прекрасно поработали. **Выше всяких похвал**. – Я видел вблизи тех, кого мы зовем государственниками. Оценивал их возможности, их интеллектуальный потенциал и способность к волевому решению. У меня возникли большие сомнения. – Сомнения справедливы. Потенциал невысок. Волевые качества **ниже среднего**» («Последний солдат империи» 2010: 318). Контраст, создаваемый семантикой двух ФЕ, усиливается их употреблением в одном контексте. Специфика ФЕ *выше всяких похвал* в данном контексте заключается в том, что ее принадлежность к семантико-грамматическому классу зависит от задаваемого вопроса. Например, мы отнесли ФЕ *выше всяких похвал* к качественно-обстоятельственным (по терминологии А.М. Чепасовой): «Вы прекрасно поработали. [Как именно?] **выше всяких похвал**». Ср., например: *Ваша работа [Какова?] выше всяких похвал* (предикативно-адъективная ФЕ). Подобное «пограничное» семанти-

ко-грамматическое положение таких ФЕ отмечают фразеологи, в частности В.П. и А.В. Жуковы [см.: Жуков 1986]. Вторая ФЕ в контексте является предикативно-адъективной: *Волевые качества [Каковы?] ниже среднего*.

В отдельных случаях атрибутивно-предикативные ФЕ могут выражать не конкретную, а абстрактную характеристику предмета. Например, фразеологизм *из ряда вон выходящий* употребляется в значении „выдающийся, необычный”. [БСРП 2007]. Ср.: «—... *И среди этих фресок – одна неканоническая, из ряда вон выходящая...*» («Виртуоз» 2010: 433). Понятно, что эта фреска просто не похожа на другие, но в значении фразеологизма нет указаний на то, какова она именно, хуже или лучше остальных.

Итак, атрибутивно-предикативные ФЕ занимают сравнительно небольшое место во всем фразеологическом пространстве языка А.А. Проханова, тем не менее выполняя важные функции. Основное предназначение таких фразеологизмов – создание портретов персонажей романов: характеристика внешнего облика героев и их внутреннего мира. ФЕ помогают читателю создать в своём воображении более полные и яркие образы, обладающие особой индивидуальностью. Кроме этого, фразеологизмы активно участвуют в характеристике взаимоотношений действующих лиц друг с другом, позволяют увидеть героя романа глазами других персонажей. В целом атрибутивно-предикативные ФЕ в языке А.А. Проханова способствуют репрезентации идейно-художественного своеобразия романов писателя, отражая его индивидуально-авторскую манеру.

Качественно-обстоятельственные ФЕ

Семантико-грамматический класс качественно-обстоятельственных фразеологизмов по количеству единиц является третьим после предметного и процессуального (19%). ФЕ этого класса по общему категориальному значению соотносятся с наречием. Однако наличие наречий в их составе не обязательно, наиболее частотным элементом таких ФЕ являются существительные. Среди качественно-обстоятельственных фразеологизмов «больше, чем

среди единиц других классов, немотивированных по значению единиц, или сращений, по типологии акад. В.В. Виноградова, хотя как и во всех других классах, единства составляют абсолютное большинство» [Чепасова 1974: 67].

Значение качественно-обстоятельственных ФЕ передается, «чаще всего приблизительно, наречиями – качественными, обстоятельными, качественно-обстоятельными, или словосочетаниями» [там же: 68]. С морфологической точки зрения качественно-обстоятельные фразеологизмы «единообразны – у них не сохранилось никаких грамматических категорий», для этих ФЕ характерно, что делает их похожими на наречия, «отсутствие или омертвление флексий склонения и спряжения, глубоко гнездящихся в системе современного русского языка» [Виноградов 1972: 275].

Среди качественно-обстоятельных выделяются фразеологизмы, обозначающие обстоятельства – первая группа – ФЕ, имеющие значение времени (*в наши дни, до сих пор, в последнее время, в скором времени, во веки веков, всё время, всю жизнь, с тех пор*). Такие ФЕ можно условно разделить на две семантические подгруппы: обозначающие определенную «точку» времени, некий рубеж (*до тех пор, с тех пор, до седьмого колена*) и более или менее точно определенный временной промежуток (*в наши дни, всю жизнь, в добрые времена*).

Употребление ФЕ *до седьмого колена*, как говорят «об отдалённой степени родства, о самых отдалённых предках или потомках» [ФСРЛЯ 2008] в романе «Холм» не только раскрывает время действия проклятия, а точнее, момент его окончания, но и участвует в его усилении. Ср.: «Добившись расположения, сделав Творца своим безусловным союзником, он [Давид – Е.А.] направлял могущество Бога на своих врагов, требуя испепеления их **до седьмого колена**» («Холм» 2010: 69). ФЕ *всю жизнь* в значении «постоянно, всегда» [ФСРЛЯ 2008] обозначает относительно обширный промежуток времени. Именно в таком значении фразеологизм употреблен в романе «Дворец»: «Она [мама – Е.А.], которая **всю жизнь** его [Калмыкова – Е.А.] защищала, теперь сама нуждалась в защите, а он в своей силе и крепости не мог защи-

тить её» («Дворец» 2010: 610). Здесь речь идет не только о времени, которое мать отдавала своему сыну, но и создается один из любимых А.А. Прохановым образов – образ матери.

Употребляются в авторской речи и в репликах героев и другие качественно-обстоятельственные фразеологизмы: *в двух шагах* („очень близко от чего-либо”), *с головы до пят* („сплошь”). Например, «Трибуну занимал лидер правящей партии, председатель Думы Сабрыкин. Разъяренный, усатый, воздевал кулаки, грохал ими о трибуну, колотил себя в тощую, впалую грудь, выбрасывал в зал растопыренные ладони: – «...» Он [Долголетов – Е. А.] растоптал Конституцию, а значит, растоптал Россию. Мы были с вами **в двух шагах** от гражданской войны, если бы не решительные, мужественные действия нашего президента Артура Игнатовича Лампадникова» («Виртуоз» 2010: 565). Примечательно, ФЕ *в двух шагах* употреблена произносящим своеобразную агитационную речь героем А.А. Проханова в значении близости не к какому-либо месту или предмету в пространстве, а к определенному моменту времени – потенциально возможному событию – гражданской войне. Это способствует созданию ситуации опасности, сложившейся в обществе. И тем ярче становится образ президента Лампадникова, сумевшего «спасти» страну и народ в сложный период истории.

Отдельные группы составляют качественно-обстоятельственные ФЕ со значением причины (*волею случая, по зову сердца, по первому зову*) и цели (*в конце концов, в конечном счете, на всякий случай, на здоровье*). ФЕ *в конце концов*, может выступать в качестве наречного выражения и имеет значение „напоследок, наконец; в конечном итоге” [ФСРЛЯ 2008]. Ср.: «Он [Ельцин – Е.А.] был отобран и выпестован системой, которая лишала людей, по мере их восхождения навверх, благородных качеств и свойств. **В конце концов** он превратился в хитрого и жестокого властолюбца» («Красно-коричневый» 2010: 258). Фразеологизм *в конце концов* употребляется здесь в качестве наречного выражения и фокусирует внимание читателя на результате, к которому пришел герой.

Кроме обозначения каких-либо обстоятельств, ФЕ этой подгруппы могут выполнять и другие, добавочные, функции. Например, ФЕ *волею случая*, употребляемая в значении „по воле судьбы, т.е. случайно, по случаю” [ФСРЛЯ 2008] в речи героя романа «Красно-коричневый» служит говорящему своеобразным оправданием. Ср.: «– Ты не допускаешь мысли, что я его [Ельцина – Е.А.] ненавижу? Что я, как и ты, патриот России! **Волею случая** оказался в этой шайке!» («Красно-коричневый» 2010: 267).

Нами уже отмечалось характерное для творчества А.А. Проханова обращение к сказочным и фольклорным образам и мотивам. Крылатое выражение *по щучьему велению, по моему хотенью* в романе «Виртуоз» выступает в роли ФЕ со значением «чудесным образом, само собой, без вмешательства или поддержки кого-либо» [БСРП 2007]. Ср.: «–... Почему любимый народный герой – Иван-дурак?... Русская печь, на которой лежал Емеля, с его „**по щучьему велению, по моему хотенью**” – не есть ли это русская альтернатива, ожидание исторического чуда, нежелание вмешиваться в сомнительный исторический процесс?» («Виртуоз» 2010: 116). Употребление данной ФЕ, восходящей к русской народной сказке, обусловлено индивидуально-авторской картиной мира А.А. Проханова, его особым вниманием к фольклору и традиционной культуре России.

Фразеологизмы второй группы, обозначают качественный признак действия: *в штыки* – „крайне враждебно, неприязненно воспринять что-либо”, *время от времени* – „изредка, иногда, временами” [ФСРЛЯ 2008]. Например, «Он [Белосельцев – Е.А.] не различал слов, а слышал одну громающую, страстную, верящую интонацию. Так и шел, окруженный людьми, **время от времени** получая в лицо шлепок красного ситца, превращавшего небо и солнце в горячее зарево» («Красно-коричневый» 2010: 161); «Они [гости – Е.А.] собрались в банкетном зале небольшого ресторана. <...> Все поднимались, держа на весу рюмки, и обращались к нему [Алексею]. – Не скрою, Алексей Федорович, я встретил ваше появление **в штыки**. – Генеральный конструктор, расстегнув ворот рубахи, обнажил смуглую, с крупным кады-

ком шею. – Мы, ракетчики, люди суеверные, набожные. <...> Но теперь, когда мы сработали идеально, это, смею заметить, ваша заслуга» («Виртуоз» 2010: 300). Конструктор ракетного приборостроения, в речи которого употреблена ФЕ *в штыхы*, признается в отрицательном отношении к Алексею.

Фразеологизмы третьей группы обозначают степень проявления признака или действия. Такие ФЕ одновременно могут обозначать и качественный, и количественный признак: *в полную силу, с три короба, по чайной ложечке*. Ср.: «– Вот видишь, приступы мучают, растуды их. Не могу работать **в полную силу**» («Скорость тьмы» 2010: 35); «–... Когда мы с Танюшей сошлись, я уверовал, что мне уже не судьба стать отцом. Тогда, под дубом мы с тобой опять едва не поссорились. Наговорил я тебе **с три короба**» («Пятая империя» 2010: 34). ФЕ *абы как* в значении «прост. пренебр. кое-как, как попало, как придётся» [ФСРЛЯ 2008]. Ср.: «–...Сталин, кто их (теоретиков) убивал и душил в кабине, был сам последний теоретик, знавший устройство биплана. Умер и унес с собою чертеж. С тех пор никто не знает, как устроен биплан! Не знает размещения узлов, емкость баков, назначение приборов! Летим **абы как!**» («ОКО» 2010: 621).

Таким образом, употребление качественно-обстоятельственных ФЕ А.А. Прохановым объясняется идейно-художественным своеобразием произведений и самой писательской манерой автора. Обилие деталей повествования и описания, наглядность – то, чему А.А. Проханов уделяет особое внимание. Качественно-обстоятельственные ФЕ способствуют созданию полной и красочной картины происходящих событий, т. к. содержат информацию о тех или иных обстоятельствах, при которых совершается действие.

1.3 Структурно-грамматическая характеристика фразеологических единиц

Принимая тезис В.Л. Архангельского о том, что «в основу теории русской фразеологии как лингвистической дисциплины следует положить широкое понимание термина „фразеология”», подразделяем фразеологические объекты на ФЕ, обладающие грамматической структурой словосочетаний, и ФЕ, построенных по модели предложений различных типов [Архангельский 1964: 73]. Вслед за ним весь массив ФЕ, встречающихся в текстах А.А. Проханова, подразделяем на фраземы и устойчивые фразы (по терминологии В.Л. Архангельского). Первые построены по моделям сочетаний слов, вторые – по моделям предложений.

Фраземы, в сравнении с устойчивыми фразами (далее – УФ), занимают большую часть – около 80% – от всего фразеологического пространства языка художественной прозы А.А. Проханова.

В.Т. Бондаренко выделяет следующие структурные типы фразем:

- 1) сочетание служебного слова с полнознаменательным;
- 2) сочинительные сочетания слов;
- 3) словосочетания [Бондаренко, Колодезнев 1996: 111-112].

К первому типу относятся такие фраземы, как *в доску, в мыле, в ногу, на мыло, под каблуком* и др. Особенно распространены в языке А.А. Проханова сочетания со сравнительным союзом *как*: *как миленький, как на духу, как на подбор, как перст, как по маслу*. Например, ФЕ *как стеклышко*, имеющая три значения: 1. Очень чистый, сверкающий чистотой. 2. Безупречный в моральном отношении. 3. Совершенно трезвый [ФСРЯ 1967: 455] употреблено героем, решившим бросить пить, в третьем значении: «*Я водку не пью... Отрезвел и сказал себе – хватит! Чтоб вся эта жизнь как стеклышко прозрачное стала – ни капли в рот!*» («ОКО» 2010: 93).

Второй тип представлен в языке А.А. Проханова фраземами *альфа и омега, кожа да кости, ни пуха ни пера, ни слуху ни духу, денно и ночью, ни*

кола ни двора и др. Например, употребление ФЕ *кожа да кости* в значении „крайне худой, изможденный” [ФСРЯ 1967: 200] при характеристике старца способствует созданию портрета умирающего: *«И спектакль, который он (Зеркальцев) начал смотреть, казался ему галлюцинацией. Первый акт рассказывал о старце Тимофее, который лежал на дощатом одре в своей келье, белобородый, кожа да кости»* («Алюминиевое лицо» 2011: 199).

Сочетания двух знаменательных компонентов на основе подчинительной связи, объединенные В.Т. Бондаренко в третий структурный тип фразем, в языке А.А. Проханова наиболее распространены: *ахилесова пята, враг народа, лыка не вяжет, скамья подсудимых* и др. Внутри каждого из этих типов структурная классификация производится с учетом морфологии компонентов, т.е. их отнесенности к той или иной части речи и конкретного оформления. Так, фраземы по характеру господствующего компонента делятся на (по типологии В.Т. Бондаренко):

- 1) субстантивные (*баловень судьбы, падший ангел, первая ласточка*);
- 2) адъективные ФЕ (*сильные мира сего, нечист на руку*);
- 3) вербальные ФЕ (*водить за нос, лезть в бутылку, лить елей*);
- 4) адвербиальные ФЕ (*поперек горла*).

Например, субстантивная ФЕ *первая ласточка* в значении „самый первый в ряду последовавших за ним” [ФСРЯ 1967: 221], употребляемая в сообщении о перевозке останков известных людей России, раскрывает данную ситуацию как начало предстоящих важных событий: *«— Везут в Москву прах генерала Деникина и философа Ильина. Их доставили морем из Франции в Санкт-Петербург... — Почему не воздухом, а водой? — Есаул вглядывался в синюю даль... — Дешевле, Василий Федорович. Эти двое — только **первые ласточки**. Будут сухогрузы, на которых повезут прах генералов Шкуро, Врангеля, Краснова, адмирала Колчака и барона Унгера»* («Теплоход „Иосиф Бродский” 2010: 375). Употребление вербальных фразем *лить елей* в значении „льстить” и *вести себя* в значении „поступать каким-либо образом, придерживаться какой-либо линии поведения” [ФСРЯ 1967: 61] в контексте ро-

мана «Пятая империя» способствуют созданию характера взаимоотношений героев: *«Сарафанову доподлинно было известно, как жалко **ведет себя** Кулымов во время редких аудиенций, которыми удостоивает его президент... Но он продолжал **лить елей** на душу оппозиционера»* («Пятая империя» 2010: 272).

Во вторую группу фразеологизмов, представленную УФ, входят паремии (пословицы и поговорки) и крылатые изречения.

УФ могут быть организованы по разным моделям предложений:

- 1) простых (односоставных и двусоставных),
- 2) сложных (союзных и бессоюзных).

Первая группа представлена у А.А. Проханова УФ, построенными по модели двусоставных предложений: *В чем мать родила; Видит Бог; Всё тайное становится явным; Волосы дыбом встают; Голова кружится; Голод не тетка; Два сапога пара; Дни сочтены; Добрыми намерениями вымощена дорога в ад; Жадность фраера сгубила; По ком звонит колокол; Земля слухами полнится; И какой русский не любит быстрой езды; И на нашей улице будет праздник; Кадры решают всё; Ласковый теленок двух маток сосет.* К УФ, построенным по модели односоставных предложений, относятся *Вернемся к нашим баранам; Вызываю огонь на себя; Давайте жить дружно; Как ветром сдуло; Кашу не сваришь; На чужой каравай рот не разевай; Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет; От тюрьмы да от сумы не зарекайся.* По модели неполных, или эллиптических, предложений построены УФ *Всему свое время* (отводится), *Вся власть Советам!* (принадлежит), *Всё в наших руках* (находится).

К УФ, построенным по модели сложных предложений, относятся бессоюзные и союзные. Широко представлены в текстах А.А. Проханова бессоюзные УФ: *Враг будет разбит, победа будет за нами!; Король умер, - да здравствует король; Любишь кататься, люби саночки возить* и др.

В.Л. Архангельский подразделял УФ на замкнутые и незамкнутые, что основано «на различиях в потенциальной способности к лексическому окру-

жению» [Архангельский 1964: 191]. Замкнутые УФ, употребляясь в качестве самостоятельного предложения, «не способны к словесному распространению; они могут употребляться лишь в системе сложного предложения в качестве его отдельных частей, сочетаясь не с отдельными словами, а с частями сложного предложения» [там же]. Так, УФ *Старый друг лучше новых двух* в романе «Теплоход „Иосиф Бродский”» представляет собой самостоятельное предложение: «— Ты, Франц, русский человек, в бараке родился, — Есаул в поклоне приблизил губы к твердому волосатому уху Малютки. — До всего дошел сам, без протекций. Выбирай путь правильно. Не ошибись. **Старый друг лучше новых двух**» («Теплоход „Иосиф Бродский”» 2010: 129).

Кроме того, подобные замкнутые фразы «могут включать в свой состав лишь так называемые слова, грамматически не связанные с членами предложения: обращения, модально-вводные слова, вставки, междометия, частицы» [Архангельский 1964: 191]. Например, в речи героя романа А.А. Проханова «Крейсера соната», обращающегося к памятнику Петру Великому, употреблена замкнутая УФ *Снявши голову, по волосам не плачут* в значении «совершив что-либо непоправимое, бессмысленно сожалеть о мелочах. Говорится тогда, когда поздно и бесполезно жалеть о чем-либо» [Жуков 1991: 309]. В свой состав данная УФ включает «вставку» «как известно»: «Счастливчик осторожно полез на стапели, вдоль конского бока с набухшей бронзовой жилой, достиг плеча, откуда простиралась могучая рука с растопыренной дланью, слегка запыхавшись, остановился перед огромным лицом с кошачьими усами, выпученными глазами и яростно сдвинутыми бровями. <...> — Ну что, брат, не сносить тебе головы на плечах... А как известно, **снявши голову, по волосам не плачут**. — С этими словами Счастливчик постучал тростью по бронзовым локонам и лавровому венцу» («Крейсера соната» 2010: 483).

Незамкнутые УФ «способны к распространению словами, не принадлежащими к структуре фразы» [Архангельский 1964: 191]. В первую очередь, как замечает В.Л. Архангельский, к таким УФ относятся «двусловные посто-

янные детерминированные сочетания (фразеологические сращения и фразеологические единства), в которых грамматически господствующим словом является имя существительное в форме именительного падежа единственного или множественного числа, а зависимым компонентом – глагол, координированный с существительным с помощью грамматической связи согласования в числе и лице, а в прошедшем времени в роде и в числе» [там же]. Например, УФ *рука не дрогнет* (у кого-либо), *руки не доходят* (до чего-либо), *руки развязать* (кому-либо). Ср. у А.А. Проханова: «– Мы должны немедленно *собрать в Москве упрямого хохла, брюзгливого белоруса, хитрого казаха и заносчивого узбека, чтобы заключить, наконец, Союзный договор, который нам с тобой развяжет руки*» («Последний солдат империи» 2010: 490). Распространителем двусловной УФ *развязать руки* в данном контексте («развяжет руки» кому именно?) является дополнение, выраженное местоимениями *нам с тобой*.

УФ в соотношении с фраземами встречаются в языке А.А. Проханова реже и составляют около 20 % от всего фразеологического корпуса. Тем не менее УФ играют важную роль в создании художественной идейно-образной системы его произведений. УФ у А.А. Проханова представлены двумя пластами: во-первых, пословицы и поговорки, во-вторых, крылатые выражения.

В филологии существует множество определений пословицы и поговорки. Не сложилось единого мнения и в вопросе разграничения этих единиц. В качестве рабочих мы берем определения, выведенные и сформулированные Л.Б. Савенковой. Пословица – «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение, хотя бы часть элементов которого наделена переносным значением и которое пригодно к использованию в дидактических целях» [Савенкова 2002: 67]. Поговорка – «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение, лишенное переносности значения и пригодное для употребления в дидактических целях» [там же].

В речи героя романа А.А. Проханова «Скорость тьмы», кандидата в мэры, обращающегося к «спонсорам», данная УФ реализует именно иносказательное значение: «— Вот опять приближаются выборы. <...> Вот я и хотел обратиться к вам обоим, дорогие мои, за поддержкой. **Старый конь борозды не портит**. Мы с вами сработались, и дальше будем работать. За вами обоими большой авторитет, большое влияние в городе» («Скорость тьмы» 2010: 42).

Другая пословица *Кто рано встает, тому Бог подает* имеет только образный, метафорический план. Ср.: «— Ну что, друзья, по последней. Завтра ранний подъем! — завершил трапезу Гречишников, глядя сквозь мерцающую рюмку на лица друзей. — **Кто рано встает, тому Бог подает!**» («Господин Гексоген» 2010: 214).

Пословицы и поговорки представлены у А.А. Проханова широко распространенными в народной речи УФ: *Утро вечера мудренее* («Африканист»); *Кто рано встает, тому Бог подает* («Господин Гексоген»); *Двум смертям не бывать, а одной не миновать* («Надпись»); *Баба с возу, кобыле легче* («Крейсера соната»); *Будет и на нашей улице праздник* («Последний солдат империи»); *Кто смел, тот и съел* («ОКО»); *Ласковый теленок двух маток сосет* («Красно-коричневый»); *Любишь кататься, люби и саночки возить* («Последний солдат империи»); *На ловца и зверь бежит* («Дерево в центре Кабула»), *Не зная броду, не суйся в воду* («ОКО»). Например, пословица *Баба с возу, кобыле легче* употребляется в значении „если кто-л. уйдет (или откажется от чего-л.), то оставшимся от этого будет только лучше. Говорится тогда, когда кто-л. уходит или хочет уйти (или отказывается от чего-л.)” [Жуков, 1991: 34]. Ср: «... Лодка умерила неукротимый бег, отпуская вперед «Колорадо», которая, вопреки ожиданиям, не сбросила скорость, но стала равномерно и мощно удаляться, оставляя позади утомленный крейсер... — **Баба с воза, кобыле легче**, — произнес старпом, видя, как лодка спрямляет дугу траектории, возвращаясь на прежний курс» («Крейсера соната» 2010: 43).

К УФ, как было указано ранее, относятся также многие крылатые выражения, в понимании которых мы следуем за С.Г. Шулежковой, отмечаящей, что крылатые выражения – это «необычные языковые единицы. Обладая набором дифференциальных признаков, свойственных любой раздельно-оформленной языковой единице, они отличаются от „безымянных” языковых единиц своеобразным семантическим „довеском”: их значения „отягощены”, „чреваты” генетической памятью об авторах, их создавших, произведениях, из которых они вычленились, или исторических событиях, послуживших почвой для их возникновения» [Шулежкова 2001: 33].

В романах А.А. Проханова встречаются такие крылатые выражения, как: *Белеет парус одинокий* в романе-автобиографии «Надпись», *Вставай, страна огромная* в романах «Красно-коричневый» и «Человек звезды», *Давайте жить дружно* в романе «Теплоход „Иосиф Бродский”», *Красота спасет мир* в «Крейсеровой сонате» и «Последнем солдате империи», *Нельзя дважды войти в одну и ту же реку* в «Господине Гексогене» и ряд других, среди которых встречаются и крылатые выражения иноязычного происхождения: *Молчание – знак согласия* (из лат.); *Мой дом – моя крепость* (из англ.); *Оставь надежду всяк сюда входящий* (из итал.) и др.

Так, *Молчание – знак согласия* – выражение римского папы Бонифация VIII в одном из его посланий, вошедших в каноническое право. В «Большом словаре крылатых слов и выражений» авторов-составителей В.П. Беркова, В.М. Мокиенко и С.Г. Шулежковой отмечено, что выражение это «восходит к Софоклу, в трагедии которого „Трахинянки” сказано: „Разве ты не понимаешь, что молчанием своим ты соглашаешься с обвинителем?” Находит аналогию и в латинской юридической пословице *Qui tacet consentire videtur* – „Кто молчит, того можно считать согласным”. Ср. у Сенеки: *Silentium videtur confession* – „Молчание – согласие” или у Теренция: *Tacent satis laudant* – „Кто молчит, достаточно хвалит”. Говорится, когда на поставленный вопрос не отвечают, что позволяет предполагать утвердительный ответ» [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000: 280]. В военном романе А.А. Проханова «Иду-

щие в ночи» в эпизоде прослушивания русскими солдатами разговора главы боевиков Шамиля Басаева с его полевыми командирами наступает пауза. Это молчание свидетельствует о том, что Басаев задумался над предложением генерала Пушкина воспользоваться «свободным коридором» для вывода чеченских боевиков, что стало хорошей новостью для русских солдат, т. к. принятие этого решения означало неминуемую гибель Басаева: «— *Отлично!.. – впервые возрадовался Пушкин... – Басаев принял предложение!.. Пойдет на прорыв!.. – Эфир пустой, никаких перехватов... Вошли в режим молчания... – Тоже знак добрый... Молчание – знак согласие*» («Идущие в ночи» 2010).

Другое крылатое выражение *Оставь надежду всяк сюда входящий* (перевод с итальянского) является цитатой из „Божественной комедии” Данте (Ад, 3, 9), где приводится надпись над воротами ада: *Lasciate ogni speranza voi ch'entrate*. Употребляется в значении „о чем-либо несбыточном, недоступном; о состоянии полной безнадежности, бесперспективности”» [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000: 349]. Например, в романе «Господин Гексоген» читаем: «— *Добро пожаловать в „Электронную Хазарию”, – благодушно, бархатным голосом произнес Буравков, провожая гостей сквозь извивы декадентские интерьеры к стальной, окруженной двумя видеокамерами, электронными запорами двери, на которой Белосельцев мысленно прочитал грозную надпись: „Оставь надежду всяк сюда входящий!”*» («Господин Гексоген» 2010: 145). Герои романа, оказываются в некой «лаборатории», созданной по проекту «Электронная Хазария». Здесь разрабатываются и содержатся модели и проекции «всего»: на экранах программируется «мыслительный процесс человека», «отслеживается движение карьер, репутаций, восхождение по социальной лестнице», при нажатии нужной кнопки можно «углядеть действие оборонного лобби, возглавляемого еврейским вице-премьером», доступным глазу становится «невидимый миру заговор по удушению русского писателя» (там же: 146-150). Все увиденное приводит главного героя романа в ужасное состояние: «Белосельцеву было жутко. Ему казалось, что он попал в

плен к огромному клейкому грибу, который обступал его со всех сторон» (там же: 151). Надпись над воротами ада, вспомнившаяся Белосельцеву при входе в лабораторию, помогает передать адскую обстановку, царящую в «Электронной Хазарии», ее губительное и разрушающее предназначение.

Одно из любимых крылатых выражений А.А. Проханова – *Враг будет разбит, победа будет за нами* – слова, завершающие речь министра иностранных дел СССР В.М. Молотова, которая прозвучала по всем радиостанциям Советского Союза 22 июня 1941 г., в день начала Великой Отечественной войны с фашистской Германией [Серов 2003]. Ср.: «Белосельцев то встраивался в проходящие колонны, то отставал, чтобы видеть всё новые и новые ряды бойцов. **Враг будет разбит, победа будет за нами!** – кричал какой-то демонстрант, подымая стиснутый кулак» («Последний солдат империи» 2010: 268). Употребление этой ФЕ в речи героев А.А. Проханова способствует созданию особого колорита происходящего события, демонстрирует боевой настрой, решительность участников.

Другая крылатая фраза, употребленная в романе-автобиографии «Надпись», – *Белеет парус одинокий* – давно приобрела символический смысл. Она используется как символ одиночества или идеальной, несбыточной мечты. Первоначально она взята М.Ю. Лермонтовым из неоконченной поэмы «Андрей – князь переяславский» (1828) русского писателя-романтика, офицера-декабриста А.А. Бестужева-Марлинского: «Белеет парус одинокий, / Как лебединое крыло, / И грустен путник ясноокий, / У ног колчан, в руке весло». В 1832 г. М.Ю. Лермонтов написал свой «Парус», который он начал строкой из А.А. Бестужева-Марлинского. И после публикации стихотворения эта строка – но уже как лермонтовская – стала крылатой. Позже советский писатель В.П. Катаев использует эту фразу для названия своей повести «Белеет парус одинокий». Примечательно, что у А.А. Проханова данное выражение наделяется добавочным смыслом: оно остается символом, но становится иллюзией, в которую радостно верить и упоминание о которой реализует мотив воспоминания. Ср.: «Смотрели [Коробейников, Васенька, На-

стенка и Валентина – Е.А.] в солнечную, прозрачно-зеленоватую воду, где мелькали рыбки, и Васенька все не мог разглядеть, где же на озере *„белеет парус одинокий“*, а Настенька радостно кричала: *„Вижу!.. Вижу!..“* – хотя никакого паруса не было, а летели по воде далекие вспышки ветра» («Надпись» 2010: 36).

УФ способны вступать в антонимичные отношения в соответствии с контекстом. Ср.: «–... Пусть себе *«буря мглою небо кроет»!* А мы ей: *«Да здравствует солнце, да скроется тьма»!*..» («ОКО» 2010: 433). Первая фраза приобретает в данном контексте метафорический смысл: под ненастной погодой подразумеваются социальные беды общества или конкретных людей. Второе выражение употребляется в значении «пожелания, чтобы добро и справедливость победили. Используется как способ выразить собственную решимость следовать тому образу действий, который кажется говорящему наиболее справедливым и верным» [Серов 2003].

Таким образом, фраземы и УФ занимают важное место во фразеологическом фонде А.А. Проханова. Функции таких фразеологизмов, как и источники, их происхождения, разнообразны. Они активно участвуют в создании речевой характеристики героев, в выражении авторской позиции, в реализации интертекстуальных связей, раскрывая смысл художественного произведения, формируемый «посредством ссылки на тот или иной текст», взятый «в предшествующей литературе» [Смирнов 1995: 11]. Апеллятивная функция интертекста в языке А.А. Проханова проявляется в том, что отсылки к каким-либо текстам в составе данного текста могут быть ориентированы на совершенно конкретного адресата – того, кто в состоянии интертекстуальную ссылку опознать, а в идеале и оценить выбор конкретной ссылки и адекватно понять стоящую за ней интенцию.

Кроме того, крылатые ФЕ в языке А.А. Проханова выполняют экспрессивную функцию: посредством интертекстуальных ссылок писатель сообщает о своих культурно-семиотических ориентирах, а в ряде случаев и о прагматических установках: тексты и авторы, на которых осуществляются ссы-

ки, являются одиозными и хорошо известными в обществе. Все это в значительной мере является важным элементом самовыражения автора.

1.4 Функционально-стилистическая характеристика фразеологических единиц

Русская фразеология отличается богатством функционально-стилевых и эмоционально-экспрессивных синонимов.

Стилистическая окраска фразеологизмов, как и слов, обуславливает закрепление их в определенном стиле речи. При этом в составе фразеологии выделяется две группы фразеологизмов:

- 1) стилистически нейтральные фразеологизмы, не имеющие постоянной связи с тем или иным функциональным стилем;
- 2) функционально закрепленные ФЕ.

К первым можно отнести, например, такие ФЕ, как *сдержанное слово*, *иметь в виду*, *время от времени*, *имеет значение* и под. Они находят применение как в книжной, так и в разговорной речи.

Однако в большинстве своем фразеологизмы функционально закреплены, чаще всего это разговорная речь. Разговорные ФЕ бывает непросто отличить от стилистически нейтральных, употребляемых в различных стилях речи. Более или менее ясно отграничиваются от разговорных ФЕ только фразеологизмы со стилистически сниженной характеристикой, стоящие за пределами литературного языка [Молотков 1977: 223]. К таким ФЕ относятся просторечные и грубо-просторечные фразеологизмы.

Стилистически маркированные фразеологизмы обычно отличаются высокой степенью экспрессивности, выразительностью, эмоциональностью и т. п.

1.4.1 Разговорно-бытовая и просторечная фразеология

Самый большой стилистический пласт фразеологии составляет разговорная фразеология, которая используется преимущественно в устной форме общения, а в письменной речи – в художественной литературе: *абы как, давать поблажку, без году неделя, во всю ивановскую, водой не разольешь, как сыр в масле, как у Христа за пазухой, как с гуся вода, ни шатко ни валко, семи пядей во лбу, на роду написано, спустя рукава, дырка от бублика* и т. д. Принадлежащие к ней фразеологизмы часто даются в толковых словарях без стилистических помет, однако все же выделяются на фоне общеупотребительных фразеологизмов яркой разговорной окраской, чуть сниженным, фамильярным оттенком в звучании.

Употребление разговорных фразеологизмов весьма частотно в романах А.А. Проханова (около 80 % от всех ФЕ), что обусловлено, во-первых, их особенностями: разговорно-бытовые ФЕ, как правило, образны, что придает им особую экспрессию, живость. Функционирование таких ФЕ в речи служит сильным противодействием штампам и канцеляризмам. Во-вторых, своеобразие творческой манеры самого писателя – экспрессивность его стиля, колоритность создаваемых художественных образов и характеров, яркость прорисовываемых деталей – нуждается в ярких, экспрессивных, образных языковых средствах.

Ряд разговорных ФЕ характеризует человека через отношение с окружающими: *закадычный друг* – иногда ироничное или шутливое выражение в значении „близкий, душевный друг, приятель”, буквально обозначающее „собутыльник”, что мотивируется выражением «залить за кадык» «выпить» [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 202]. Ср.: «*Сидящие, посвященные в тайны купца и банкира, улыбались, кивали, соизмеряли свой успех и свою судьбу с судьбой и успехом двух закадычных друзей*» («Красно-коричневый» 2010: 399) или «– Так, значит, это вы тот самый Арон, который принес Голосевичу серебряный рубль с изображением Государя Императора? И вы ви-

дели, как тот проглотил этот рубль? – Я тот самый Арон, – рассмеялся хозяин кабинета, осторожно помещая недокуренную сигарету на кромку стола. – Но про царский рубль он, мой **дружок закадычный**, выдумал» («Алюминиевое лицо» 2011: 214). Во втором случае уменьшительно-ласкательная форма номинатива *дружок* в составе ФЕ действует как усилитель фамилльярности.

Безусловно, лень как качество характера определенного человека и безделье как следствие этого качества вызывают у людей отрицательные эмоции, отторжение. В то же время известно, что пассивность свойственна русскому народу. Неудивительно, что именно просторечные ФЕ участвуют в создании образа бездельника или человека, занимающегося несерьезным делом. Например, варианты ФЕ *валять дурака* и *ваньку валять*, имеют значения: «1. Дурачиться, паясничать, потешать глупыми выходками. 2. Делать глупости; поступать не так, как следует. 3. Притворяться глупым, непонимающим. 4. Праздно проводить время, бездельничать» [ФСРЯ 1967: 55]. В языке А.А. Проханова они употребляется в первом и третьем значении, создавая образы представителей «элиты» общества. Ср.: «– По-моему, это луна, – сказал он [Белосельцев – Е.А.], поднимая стакан и глядя, как черное вино начинает краснеть, словно в нем зажгли лампаду... – Это слон, – сказала она [Мария Луиза – Е.А.] – Это кувшин... – Это женщина... – Нехорошо смотреть в незанавешанные окна... Они **валяли дурака**, и он на луне, как на белой стене, начертал: „Мария Луиза“. Она стерла, но он опять начертал. Она смеялась, пила вино. Он радостно, жадно смотрел...» (В островах охотник» 2010: 512). В данном контексте реализуется первое значение. В другом случае употребления ФЕ *ваньку валять* актуализируется значение „притворяться непонимающим, стараясь обхитрить собеседника“. Ср.: «– Мне стало известно, что „Альфа“ готовится к штурму... Вы должны передать офицеру, чтобы „Альфа“ отказалась от штурма. Не запятнала себя кровью народа... Пусть откажутся стрелять, как в девяносто первом году! Пусть имитируют действия! Отлынивают под любыми предлогами! <...> –

Пусть они валяют ваньку!.. Ссылаются на неполные разведданные!..» («Красно-коричневый» 2010: 578). Таким образом, в данных контекстах реализуются два различных, но фиксируемых словарем значения вариантов ФЕ *валять дурака* и *ваньку валять*.

Достаточно резко звучит грубо-просторечная фразеология, широко распространенная в речи определенных героев А.А. Проханова: *дуракам закон не писан, ни кожи ни рожи, языком трепать, к едрене фене* и др. Показательными в этом смысле становятся герои романа «Дворец» – солдаты с огрубевшим на войне сердцем. ФЕ *языком трепать* имеет значение „заниматься пустой, бесцельной болтовней, пустословить; балагурить” [Телия 2006]. Ср.: «– *Что зря языком трепать! Не люблю! – произнес благоразумный Баранов. – Особистов нет среди нас, а трепать языком не люблю!*» («Дворец» 2010: 604).

ФЕ *к черту* и *к едрене фене* употребляются в значении „долой, ко всем чертям, прочь, к чертям” [Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений 1999]. Ср.: «– *Вы подвиньте, пожалуйста, вещи. Здесь положат носилки с ранеными, – сказал он, не глядя на Квасова. – Как я подвину? Они аккуратно уложены. Там стекло, хрусталь! – Хрусталь? А кости людские – не хрусталь?.. А трупы не аккуратно уложены?.. – Валите к черту!.. Слышите!.. Вон!.. Башку продырявлю!.. – Да вы что! – защищался от его ненависти Квасов. – Не имеете права!.. Ответите!.. Я по личному распоряжению посла!.. – К едрене фене!.. Прапорщик! – крикнул Калмыков. – Выкинь это дерьмо с чемоданами!.. Чтоб духу не было!..» [там же: 819]. В данном случае негативные эмоции усиливаются, благодаря соседству обозначенных ФЕ с выражением *чтоб духу не было* в качестве «требования немедленно уйти, удалиться» [БСРП 2007].*

Бранные устойчивые сочетания представляют собой грубое нарушение языковой нормы, поэтому герои А.А. Проханова нередко употребляют фразеологические эвфемизмы. Например, ФЕ *бляха-муха* в значении „выражение досады, недовольства своеобразное нежное ругательство” [Кузьмич 2000: 7]

часто употребляется персонажами А.А. Проханова: *«Небритый, нетрезвый мужичок в поношенном пиджачке и нахлобученной кепке, свидетель происшествия, обращаясь к собравшимся, хлопал себя по бедрам, приседал, словно хотел взлететь: – Она, бляха-муха, как побежит, а он бляха-муха...»* («Скорость тьмы» 2010: 311). К подобным «острым фразеологическим словам» следует отнести не менее частотные в речи прохановских персонажей: *к едрене фене, твою мать* и др.

Таким образом, разговорно-бытовая и просторечная фразеология в романах А.А. Проханова создает колорит жизни простого народа, а также помогает раскрыть художественные образы героев; в частности, благодаря речевой характеристике создается более полный и детальный портрет.

1.4.2 Фразеологизмы книжного характера

Другой стилистический пласт образует книжная фразеология. Она употребляется в книжных функциональных стилях, преимущественно в письменной речи.

В составе книжной фразеологии выделяется научная, представляющая собой составные термины (*архимедов рычаг, центр тяжести, щитовидная железа, грудная клетка, точка опоры*); публицистическая (*гонка вооружения, горячая линия, путем мирного урегулирования*); официально-деловая (*давать показания, скамья подсудимых, имеет место*). Книжные ФЕ составляют около 20 % от всего числа ФЕ в языке художественной прозы А.А. Проханова.

Примечательно, что книжные ФЕ с «серьезной» семантикой в текстах А.А. Проханова способны изменять свое основное значение, выражая ироническое или сатирическое отношение писателя к изображаемому. Ср.: *«– Тебе нельзя в ресторан в таком виде. – Ерунда. Мой вид вызывает почтение. Вот увидишь, почтение к сану обеспечит нам достойные места в ресторане. – Он [отец Лев – Е.А.] встал, пошатнулся, ухватился за край стола. – Важно*

найти точку опоры, архимедов рычаг. Дайте мне рюмочку коньяка, и я переверну весь мир» («Надпись» 2010: 632). Физический термин, таким образом, соседствует с трансформированной крылатой фразой *Дайте мне точку опоры, и я переверну мир (сдвину землю)*, приписываемой «древнегреческому математику и механику Архимеду Сиракузскому, который, открыв законы рычага, якобы гордо сказал: „Дайте мне точку опоры, и я сдвину Землю”». Об обещании сделать нечто великое, грандиозное, неимоверно трудное при условии получения чего-либо необходимого» [Берков, Мокиенко, Шулержкова 2000: 133]. В результате замены компонента *точка опоры* на сочетание *рюмочка коньяка* (варьирование компонентного состава фразеологизма [см.: Бондаренко 2011]) меняется стилистическая окраска ФЕ и усиливается юмористический эффект в создании образа подвыпившего героя романа.

Книжных фразеологизмов в языке А.А. Проханова насчитывается около 20%. В их числе не только собственно фразеологизмы, но и фразеологизированные выражения из научно-терминологических и профессиональных сфер, употребляемые в переносном значении: *сводить к нулю, сгущать краски, брать на абордаж, ставить знак равенства*. Например, ФЕ *бросать тень* в значении «чернить, порочить своими действиями или словами» [Телия 2006]. Ср.: «Его задержание чеченцами **бросает тень** на Премьера, - вкрадчиво пояснил Гречишников, глядя на Белосельцева... – Это лишь маленький, изящный штрих в операции по устранению Премьера» («Господин Гексоген» 2010: 269).

Книжную окраску имеют и фразеологизмы, бытующие в общественно-политической и публицистической сферах: *гражданский долг, служить отечеству, дух времени, культ личности, бюрократический аппарат, гуманитарное преступление*.

ФЕ *колесо фортуны* употребляется в ироничном значении «колесо счастья». «Фортуна – имя богини судьбы и удачи у древних римлян. Обычно изображалась стоящей на колесе или шаре, которые имели крылья по бокам. Такое ее подножие символизировало переменчивость и ненадежность» [Се-

ров 2003]. Ср.: *«Пользуясь тем, что большинство москвичей вышли на улицы в масках и в противогазах или просто напялив на головы поношенные колготки, Мэр и Плинтус, оба в домино, встретились наконец в Парке культуры и отдыха, у чертова колеса, переименованного в **Колесо фортуны**»* («Крейсера соната» 2010: 258). В контексте романа ФЕ, с одной стороны, выполняет номинативные функции (становится названием известного игрового аттракциона), а с другой – подчеркивает ненадежность удачи в человеческой жизни, понимаемой героями романа как игра, исход которой зависит не от самих людей-марионеток, а только от группы избранных.

Широко распространены в текстах произведений А.А. Проханова книжные ФЕ, объединенные семантикой определенной эпохи (времени, места, конкретного предмета). В языке А.А. Проханова они функционируют как взаимосвязанные элементы системы, создавая многогранные образы, колоритные картины. Так, ФЕ *братская могила, коктейль Молотова, третий Рейх* возникли и получили распространение в годы Великой Отечественной войны. Например, ФЕ *коктейль Молотова* – общее название простейших жидкостных зажигательных гранат (название Molotov Cocktail имеет распространение в английском языке, в русский язык попало из английского в конце XX века), считавшихся «оружием бедных» из-за своей простоты и дешевизны, благодаря лёгкости изготовления и поныне является распространённым оружием партизанской и уличной войны; «бутылка с зажигательной смесью» [БСРП 2007]. Ср.: «– ... В первые же минуты диктатуры, когда танки грохочут по улицам Москвы, их сожгут не из гранатометов, не бутылками с „коктейлем Молотова“, а массированным информационным ударом, и танкисты пойдут сдаваться девушкам, которые под платьем не носят бюстгалтеров» («Последний солдат империи» 2010: 49).

Особое место в языке А.А. Проханова занимают фразеологизмы, обозначающие отвлеченные и конкретные понятия, называющие бытовые или политические феномены определенной эпохи. Многие из таких ФЕ представляют собой наименования реалий, имевших место в истории России или яв-

ляющихся характеристиками современной страны. Излюбленные идеи писателя: союз «белых» и «красных», монархистов и коммунистов, деятелей Церкви и светской власти, необходимость глубинного слияния идеологий, мечта о «новой религии России» и др. Вновь и вновь А.А. Проханов обращается к дорогому для него понятию «империя» (см., например, статьи: Россия – империя света // Завтра. 2001. №24; Имя Империи – Россия // Завтра. 2004. №27). Вне контекста имперской идеологии он не мыслит будущего своего Отечества: «Только она хранит в себе национальную идею России» (см.: газета «Завтра». 2004. №13).

ФЕ *железный занавес* дало жизнь использовавшееся ранее в театре приспособление – железный занавес, который, чтобы уберечь зрительный зал от огня, опускали на сцену в случае возникновения на ней пожара. В современном русском языке ФЕ обозначает изоляцию какой-либо страны, жесткого политического или идеологического барьера между народами. В СССР ФЕ ассоциировалась с именем Уинстона Черчилля, который заявил, что «от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился „железный занавес“». В СССР еще до Второй мировой войны это выражение было широко употребительным – именно в переносном смысле» [Серов 2003]. Ср.: *«С тех пор, как рухнул „железный занавес“, отделяющий „красных старообрядцев“ от иных народов, Россия открывала себя, совлекала ветхие одежды, готовая предстать перед миром в своей ослепительной наготе»* («Крейсерова соната» 2010: 94).

Другой фразеологизм – *холодная война* – также часто используется в романах А.А. Проханова. ФЕ *Холодная война* обозначает „крайне враждебные отношения между государствами, но не доходящие до прямого вооруженного конфликта – постоянное балансирование на грани войны и мира; в отношениях между людьми – напряженные, натянутые отношения на грани открытой вражды” [Серов 2003]. Ср.: « – ... Я заказал во всех епархиях молитвы о твоём спасении, и в трехстах монастырях молились о тебе денно и нощно, окружив защитным покровом, отбивая адскую атаку... Я написал

тебе знаменитую „мюнхенскую речь“, и американцы умолкли, испугавшись новой „холодной войны”» («Виртуоз» 2010: 30). В данном случае речь идет не о широко известном феномене, имевшем место в истории взаимоотношений СССР и США, а о возможной перспективе развития этих отношений в современном мире.

Значительное количество подобных ФЕ в романе «Последний солдат империи». Такая «плотность стиля» (термин М.А. Фокиной) не является случайностью. Роман-мистерия, роман-бурлеск А.А. Проханова «Последний солдат Империи» о схватке «демократов» и «государственников» посвящен трагическим событиям августа 1991. Его главный герой, всю жизнь служивший государственной идее, становится свидетелем того, как один президент боролся с другим и как в результате этого рушится великая Держава.

Получившие широкое распространение фразеологизмы, начиная от «старорусских» (*шапка Мономаха*) и «имперских» (*двуглавый орел*) и постепенно приходя к «советским» и фразеологии новейшей России (*красное знамя Победы, горячие точки, Дом Советов, холодная война, ядерный чемоданчик*), находят отражение в текстах А.А. Проханова и способствуют раскрытию художественного замысла писателя: «свою художественную модель мира А.А. Проханов накладывает на мгновенно проявляемые снимки мировых событий» [Цит. по: Вл. Бондаренко 2010: 13-14]. Ср.: «*Пережив у Дома Советов утреннее ликующее чувство одоления и победы, Белосельцев ожидал увидеть здесь, в стане врагов, смятение совершивших ошибку и преступление людей, ожидающих возмездия, ищущих возможность покаяться, избежать неминуемой кары*» («Красно-коричневый» 2010: 495).

Источником ряда книжных ФЕ стал язык библейских текстов: *блудница вавилонская, блудный сын, Вавилонская башня, Вифлеемская звезда, Всевидящее око, геенна огненная* и др.

Подобная фразеология многочисленна в романе «Крейсерова соната», что объясняется художественной и идейной спецификой образа столицы, созданного А.А. Прохановым на страницах трагифарса о гибели подводной

лодки «Курск»: изображение Москвы и отдельных москвичей сопоставимы с образами Вавилона и его жителей. Как отмечают В.П. Берков, В.М. Мокиенко и С.Г. Шулежкова, в Апокалипсисе Рим и Вавилон характеризуются как «воплощения праздной роскоши, тирании и развращенности нравов» [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000: 49].

Так, в диалоге героев данного романа (Модельера и следователя-юмориста) «в сводчатой камере», где жестоким пыткам подвергалась «доставленная в Лефортово из „Рэдиссон-Славянской“, из толпы рыдающих вдов» женщина Нинель, указано прямое сходство двух городов греха: «— *Нуте-с, — Модельер, потирая ладони, довольный средневековым видом застенка, обратился к следователю-юмористу... — Дает показания? — Да нет, ваша светлость... Всё какой-то бред, какой-то лепет... Про какого-то русского праведника, который спасет Москву — **Блудницу Вавилонскую...***» («Крейсера соната» 2010: 170). ФЕ *Блудница Вавилонская* — выражение из Нового Завета: „И пришел один из семи Ангелов, имеющих семь чаш, и, говоря со мною, сказал мне: подойди, я покажу тебе суд над великою блудницей, сидящею на водах многих; с нею блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле. И повел меня в духе в пустыню; и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами. И жена облечена была в порфиру, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодействия ее; и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным” (Откр., 17, 1-5). О развратной, распущенной и фривольной женщине» [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000: 49]. Но в контексте романа ФЕ *Вавилонская блудница* становится метафорой образа целой столицы, что подчеркивает неизбежность жизни во грехе каждого, чья жизнь связана с Москвой.

А.А. Проханов постоянно обращается к различным известным образам и идеям литературы и искусства, опирается на опыт русской и мировой фи-

лософии. Важную роль в художественно-образной системе А.А. Проханова играет противопоставление сил добра и зла, воплощением которых становятся конкретные существа. Особенно контрастны в прозе А.А. Проханова предметные ФЕ *Христов воин* и *Князь Тьмы*. *Христов воин* – защитник православной веры, тот, кто отстаивает веру с оружием в руках. Выражение *Христов воин* известно со времен Крестовых Походов. В нашей стране классическими Воинами Христа были Святые Александр Невский и Дмитрий Донской [Богданов 2009]. *Князь Тьмы* – дьявол, сатана [БСРП 2007]. Ср.: « – Слышал о тебе, - обратился монах к Белосельцеву. – Знаю, ты воин. А воин на Руси – **Христов воин**. Ты вел земную брань, проливая кровь за Отечество, а значит, вел брань Небесную, проливая кровь за Христа. Страшна земная брань, ужасен вид земных сражений, непосильны для глаз зрелища убитых и растерзанных тел, разоренных городов и селений. Но ещё страшней брань Небесная! Ужасен лик **Князя Тьмы**. Страшными кольцами опоясал он вселенную, удушая целые миры и галактики. Ужасны пожары и разорения, которые оставляет он за собой. И с ним, с отцом Тьмы, с Князем Погибели, сражается **воин Христов**» («Красно-коричневый» 2010: 245-246). Данные ФЕ выступают своеобразными проводниками общих идей писателя-государственника, реализуют его философию, согласно которой *Христов воин* – пассионарий, способный спасти русский народ от уныния. Сам писатель дает такое объяснение идеи пассионарности: «Пассионарность есть чудо, превращающее покоренный народ в Народ-Победитель, бездеятельный и усталый люд в общество созидателей, бездуховное и аморфное скопище в организованную нацию. Идея великого Государства. Идея светоносного мессианства. Идея красоты и блага. Идея вселенской любви и безграничного познания. Именно это побуждает народ строить дворцы и храмы, запускать марсианские проекты, рожать детей, благоговеть перед цветком и звездой небесной» [1Проханов 2007].

Особого внимания заслуживает стилистическая характеристика фразеологических средств с точки зрения эмоционально-экспрессивной. Вся

фразеология делится на две группы: нейтральная, не обладающая коннотативными значениями, и экспрессивно окрашенная.

Кроме того, специальные фразеологизмы (научные, официально-деловые), имеющие определенную функциональную прикрепленность, также лишены дополнительных коннотативных значений: *знаки препинания, адамово яблоко, вирусный грипп, магнитная стрелка, трудовой стаж, выслуга лет, очная ставка*.

Метафорическое употребление многих терминологических сочетаний, которое сопровождается их детерминологизацией, изменяет их стилистическое качество: они становятся экспрессивными, как и всякие образные выражения.

Большой стилистический пласт в языке художественной прозы А.А. Проханова составляют фразеологизмы с яркой эмоционально-экспрессивной окраской, которая обусловлена их метафоричностью, использованием в них разнообразных выразительных средств.

В языке А.А. Проханова фразеологизмы, окрашенные в фамильярные, шуточные, иронические, презрительные, пренебрежительные тона (*ни рыба ни мясо, сесть в лужу, только пятки засверкали, как снег на голову, как корове седло, мокрая курица*), служат средством создания ярких эпизодов. Поскольку речевая характеристика персонажей играет важную роль в создании портретов литературных героев, постольку ФЕ, употребляемые героями А.А. Проханова, способствуют раскрытию их характеров, социального статуса и внутреннего мира. Книжные ФЕ, которым присуще возвышенное, торжественное звучание, помогают акцентировать внимание на отдельных деталях повествования и описания, способствуют репрезентации высоких идей.

1.5 Социально-функциональная характеристика фразеологических единиц

Социально-функциональная характеристика ФЕ предполагает выделение двух классов единиц, которые разграничиваются: 1) по сфере употребления и 2) по степени распространенности. Фразеологизмы обеих групп занимают заметное место в художественной прозе А.А. Проханова.

1.5.1 Характеристика фразеологических единиц по сфере употребления

Фразеологию русского языка по сфере употребления «можно разделить на два общих класса: 1) общеупотребительные ФЕ; 2) необщеупотребительные ФЕ» [Бондаренко, Колодезнев 1996: 125]. Общеупотребительные ФЕ имеют неограниченную сферу употребления, известны всем или многим говорящим на данном языке и являются ядром, основным материалом фразеологического состава языка. Необщеупотребительные ФЕ «ограничены в своем употреблении каким-либо одним условием, определенной сферой. Данный класс подразделяется на 3 разряда: а) диалектные ФЕ, б) специальные ФЕ, в) жаргонные ФЕ» [там же].

К общеупотребительной фразеологии относятся ФЕ, без которых невозможно общение ни в одной сфере человеческой деятельности. Таких фразеологизмов и в речи вообще, и в художественном языке А.А. Проханова достаточно много: *железная дорога, Новый год, друг друга, время от времени, иметь значение, иметь в виду, сдержать слово*.

Такая фразеология составляет важную часть всего фразеологического фонда языка художественной прозы А.А. Проханова. Например, ФЕ *время от времени* в значении „иногда, временами” [ФСРЛЯ 2008]. Ср.: «Он [Белосельцев – Е.А.] не различал слов, а слышал одну гроыхающую, страстную, верящую интонацию. Так и шел, окруженный людьми, **время от времени** по-

лучая в лицо шлепок красного ситца, превращавшего небо и солнце в горячее зарево» («Красно-коричневый» 2010: 161). В романах «ОКО» и «В островах охотник» широко распространенной становится ФЕ *железная дорога* в значении „дорога, которая служит для перевозки грузов, пассажиров, багажа, почты в специализированных вагонах, перемещаемых локомотивами по рельсовому пути” [МАС 1999]. Связано такое распространение с художественными и стилистическими особенностями этих произведений. Образ железной дороги в романе «ОКО» связывается с образами героев, связавших свою жизнь с промышленностью, работой на предприятиях. Ср.: «Он [Фотиев – Е.А.] работал на фабрике у коптящей вагранки, а в армии – на строительстве *железных дорог*» («ОКО» 2010: 98); «Звонили с *железной дороги*. Прибыли цистерны с топливом. Платформы с кирпичами. Тупики были забиты вагонами» (там же: 101). В последнем контексте железная дорога выступает в роли своеобразного связующего звена в системе производства.

С другой стороны, ведущим мотивом в романе «В островах охотник» становится мотив путешествия, а главный герой романа – Белосельцев – оказывается в экзотических странах. Образ дороги, созданию которого способствует ФЕ, репрезентирует мотив военного путешествия. Ср.: «– *Признак подготовки к войне – состояние железной дороги*, – продолжал секретарь, выпукло шевеля губами, позволяя Белосельцеву по их форме и выпуклости угадывать неслышанные слова. – Дорога проходит от океанского порта Кампонгсаома, через Пномпень, сквозь джунгли Баттанбанга и Сиемреапа, до тайландской границы» («В островах охотник» 2010: 381-382); «Встревоженный возможностью новой большой войны на Востоке, противник направляет эту молодую прелестную женщину [разведчицу – Е.А.] в зону боев и засад, в край малярии и лихорадки, предложив ей исследовать состояние *железной дороги*» (там же: 401). По мнению А.А. Проханова, «именно технологии – основа русской мощи» [Беляков 2009].

Другим примером общеупотребительной ФЕ стал фразеологизм *Новый год* – „первый день января, наступивший год” [БАС т. 7: 1365]. Например, «–

*Этот стенд заказал мне муниципалитет, – сообщил художник. «...» Скоро, вы знаете, мы празднуем **Новый год**. Эти стенды будут установлены на месте народных гуляний» («В островах охотник» 2010: 547).*

Использование А.А. Прохановым общеупотребительных фразеологизмов способствует созданию картин действительности, возникающих с развитием сюжета художественного произведения.

Необщеупотребительные ФЕ используются только в какой-то определенной сфере. Этот класс фразеологизмов представлен несколькими разрядами. Среди ФЕ ограниченной сферы употребления выделяют специальные, диалектные и жаргонные ФЕ. Специальные фразеологизмы – единицы, используемые в речи людей, объединенных какой-либо специальностью, родом занятий, деятельностью, профессией. Сфера употребления таких ФЕ ограничена социальным фактором. Специальные фразеологизмы подразделяются на терминологические и профессиональные. Такие фразеологизмы получили распространение в языке А.А. Проханова, в отличие от диалектных ФЕ, частотность которых в его произведениях невелика. Специфика диалектных ФЕ заключается в территориально-региональных ограничениях их употребления в речи.

Выявление специфики функционирования ФЕ перечисленных разрядов в художественной прозе А.А. Проханова начнем с анализа специальной фразеологии. Часто герой А.А. Проханова – это либо профессиональный военный, либо участник военных действий, либо обычный человек, так или иначе оказавшийся на пути войны. Сферой занятий героев обусловлено распространение в художественной прозе А.А. Проханова соответствующих ФЕ. Так, выражение *вызывать огонь на себя* пришло из речи военных и обозначает «тактический приём на войне: отвлекая противника от главных сил, подвергаться обстрелу» [ФСРЛЯ 2008]. В романах А.А. Проханова данная ФЕ способствует созданию картины войны, вносит динамику в описание происходящего. Ср.: «– *Восьмой, докладываю: большие потери!.. Позицию*

удержать невозможно!.. На прорыв идет крупная группа противников!.. Вызываю огонь на себя!..» («Господин Гексоген» 2010: 383).

Язык «чеченских» романов испестрен подобными ФЕ. Широко используется в создании картин действительности в романе «Идущие в ночи» фразеологизм *волчья яма*. Происхождение этого фразеологизма связано и с сюжетообразующими линиями: главного боевика Басаева отличает волчий взгляд, а противопоставление русских и чеченцев реализовано как художественный прием антитезы русских собак и чеченских волков. ФЕ имеет два значения: 1. Спец. Препятствие к наступлению, устроенное в виде глубоких ям с вбитыми на дне острыми кольями или с другими приспособлениями для истребления врага. 2. Прост. Ловушка [ФСРЛЯ 2008]. В романе «Идущие в ночи» ФЕ использован во втором значении, но прямо связан с характером происходящих событий и их участниками. Ср.: *«Генерал-лейтенант, кому предстояло на завтра продолжать операцию в Грозном, многомерный бой, продвигая утомленные части через центр на юго-восток, выдавливая отряды Басаева, остановил начальника разведки: – Анатолий Васильевич, что я подумал... Тебе нужен сейчас холодный ум и спокойные нервы... От тебя зависит, затолкаем ли мы зверье в „волчью яму“...»* («Идущие в ночи» 2010: 296).

Кроме того, подобные ФЕ служат одним из важнейших средств создания местного колорита «чеченских» и «афганских» эпизодов других прохановских произведений. Одной из наиболее частотных ФЕ такого характера является фразеологизм *горячие точки*. Первоначально *горячая точка* – в геологии район продолжительного вулканизма с расплавами мантийного происхождения. Но в современном русском языке произошло переосмысление значения этой ФЕ: *горячая точка* – устойчивое сочетание, обозначающее место, регион, где происходит вооружённый конфликт, война [см.: «Жизнь национальностей» 2002: ЭР]. В этом же значении ФЕ употреблена и в романах А.А. Проханова. *Горячие точки* на постсоветском пространстве – вооруженные конфликты, вспыхнувшие на территории СССР и государств, обра-

зовавшихся после его распада, в конце 1980-х начале 1990-х, общей причиной которых была национальная и региональная политика руководства. Ср.: *«Когда я слышу о ваших вояжах по войнам и горячим точкам, – продолжал Трунько, – я не показываю вида, что знаю, почему вы колесили по этим местам»* («Последний солдат империи» 2010: 18). В данном случае ФЕ имеет значение места, где разворачивается военный конфликт.

Контраст мирного и военного времени в воспоминаниях героя романа «Холм» Михаила Владимировича Коробейникова усиливается благодаря «внедрению» в художественный мир парадоксальной идеи о возможности найти занятие для души среди жестокого военного времени: *«Одна стена от потолка была увешана иконами... Другие две стены блестели стеклянными коробками, в которых плотными рядами переливались бабочки, словно застывшие на параде батальоны. Коллекция была собрана им [Коробейниковым – Е.А.] в „горячих точках“ - в джунглях, саваннах и сельвах, где снаряды и пули пронзали разноцветные тучи порхающих бабочек... Это была модельня, потаенная келья, куда он укрывался от грохочущего мира, останавливая его на пороге тайными заговорами»* («Холм» 2010: 62). Фразеологизм способствует раскрытию концепта войны, которая не только окружает главного героя, но и поселяется против его воли в душе. В образе Коробейникова угадываются черты самого А.А. Проханова, который «постепенно пришел к описанию своего боевого опыта. Ему потребовались „горячие точки“ планеты как предчувствие реального будущего державы» [Вл. Бондаренко 2010: 18].

Особое место в языке художественной прозы А.А. Проханова занимает фразеология уголовного и преступного мира, целью которой становится создание картин темных сторон современной российской жизни. Среди таких жаргонных ФЕ: *брат на понт, жадность фраера сгубила*. Выражение *брат на понт* употребляется в значении «действовать по отношению к кому-либо обманом, хитростью, угрозами» [БСРП 2007]. Ср.: *«– Ты мне, Василий, брат. И Куприяныч брат. Жалею, что между вами базар. Я поговорю с*

Куприянычем, чтоб перестал тебя брать на понт» (Теплоход «Иосиф Бродский» 2010: 277).

Примечательно, что фразеологические арготизмы появляются не только в речи представителей блатного мира, но и в речи персонажей, не имеющих к нему прямого отношения. Автор использует это для того, чтобы раскрыть одну из ситуаций, распространенных в современной жизни, при которой реалии уголовного мира достаточно свободно входят в повседневную жизнь отдельных групп людей. Так, фразеологизм *жадность фраера сгубила* обозначает, что «невоздержанность, отсутствие чувства меры может сыграть порой злую шутку с человеком» [Кузьмич 2000: 38]. Ср.: *«Грузовик повело. Клеть накренилась... Качалась секунду, а потом рухнула на бок, выламывая крепи, заваливая кабину. – Гребаный в рот!.. – взревел водитель, ударяясь о дверь кабины. – Жадность фраера сгубила!.. Гребаные твои деньги!»* («Пятая империя» 2010: 570). Подобная фразеология демонстрирует грубость и вульгарность во взаимоотношениях персонажей.

1.5.2 Характеристика фразеологических единиц по степени распространенности

По степени распространенности во фразеологии русского языка выделяют обычно, как и в лексике, два класса: 1) ФЕ активного запаса и 2) ФЕ пассивного запаса.

К ФЕ активного запаса принадлежат ФЕ, «являющиеся фактами современной языковой системы и не имеющие поэтому ни оттенка устарелости, ни оттенка новизны. Сюда включаются как единицы общенародные, так и единицы ограниченного употребления, ставшие необходимыми, привычными и обязательными в той или иной сфере общения» [Бондаренко, Колодезнев 1996: 126].

К ФЕ пассивного запаса «относится все то, что не стало еще или перестало уже быть привычным и повседневно употребительным» [там же]. В

пассивный запас фразеологии русского языка входят: 1) устаревшие ФЕ и 2) ФЕ-неологизмы. В свою очередь в группе устаревших ФЕ выделяют: а) ФЕ-историзмы и б) ФЕ-архаизмы.

Фразеологизмов, имеющих в своем составе устаревшие для современного русского языка компоненты, в художественных произведениях А.А. Проханова немного. Их употребление может быть связано, во-первых, с созданием особого колорита какой-либо исторической эпохи. Во-вторых, такие фразеологизмы способствуют раскрытию художественных образов. Например, женщина, «похожая на монашку», с которой повстречался Сарафанов в романе «Пятая империя», рассказывая о старинном священном источнике, произносит ФЕ *во времена оны* в значении «когда-то очень давно» [БСРП 2007]. Ср.: «— Вода святая... В воде целебная сила. Лечит от немоци, порчи, бесплодия. <...> К этим ручьям ещё **во времена оны** спускались воины Трувора» («Пятая империя» 2010: 173). Употребление такого обстоятельства подчёркивает необычность и самой встречи героев, и особого святого источника. Сарафанов как бы попадает в мир, отличный от привычной городской суеты, отдаляется от современности в прошлое, «ключом» к которому становится, в том числе, и фразеологизм, создающий образ чего-то давно забытого. Аналогичную роль играет в том же романе ФЕ *почить в бозе*, который содержит устаревшую форму слова *Бог*. *Бозе* — это локатив от *Богъ*, результат III переходного смягчения. Фразеологизм имеет значение „умереть, скончаться” [ФСРЯ 1967: 350]. Ср.: «„Великаны” не успели проторить дорогу в партийные и правительственные центры... Школа «Великанов» померкла. Коллектив рассыпался. Иные уехали в штаты, питая своими идеями централизм враждебной империи. Другие **почили в бозе**» («Пятая империя» 2010: 223). Употребление устаревшей ФЕ создает картину давно забытого прошлого, оно придает иронический оттенок образам «великанов» государственного правления, величие которых исчезло вместе с прекращением их земного существования.

Употребление в романе «ОКО» другого фразеологизма *притча во языцах*, имеющего значение „предмет всеобщих разговоров, постоянных пересудов” [ФСРЛЯ 2008], помогает создать картину взаимоотношений героя с коллегами раньше и в настоящем времени. Ср.: «— *Здесь, на стройке, вас травили, попрекали, язвили. Не хотели забывать о вашем черномыльском бегстве. Вы были притчей во языцах. Я окружил вас заботой, взял под свою опеку. Пресекал все издевательства и насмешки. Подчеркивал ваши лучшие качества – профессионализм, трудолюбие. И люди постепенно оставили вас в покое, поверили мне*» («ОКО» 2010: 415). Использование устаревшей ФЕ в данном контексте способствует созданию картины нелицеприятного общественного положения героя в его прошлом, большого влияния чужого мнения.

Среди устаревших фразеологизмов выделяются ФЕ-историзмы и ФЕ-архаизмы. Фразеологические историзмы вышли из активного употребления в связи с исчезновением (устареванием) соответствующего явления или предмета: *вождь пролетариата* (В.И. Ленин), *железный Феликс* (прозвище Ф.Э. Дзержинского), *запечных дел мастер* (палач).

Вождем пролетариата в эпоху империализма и пролетарских революций называли В.И. Ленина, скрытое упоминание о деятельности которого может служить своеобразным предупреждением о возможных революционных событиях сегодня. Факт употребления А.А. Прохановым данной ФЕ становится примером следования принципу историзма: Российское государство осознается писателем как изменяющаяся во времени реальность, развивающаяся по циклическим моделям (Ср.: идея Пятой империи в творчестве А.А. Проханова). «*На повестку дня был поставлен один-единственный вопрос, как собрать на завтрашний митинг, посвященный памяти Ленина, максимальное количество народа. Как сделать так, чтобы активисты партии обошли как можно большее количество квартир и собрали на Октябрьской площади, у памятника вождю пролетариата «критическую массу». Такая масса прорвет оцепление милиции. Митинг превратится в шествие*» («Пятая империя» 2010: 636).

Фразеологические архаизмы устарели сами по себе и были вытеснены другими ФЕ, оказавшимися более подходящими для выражения соответствующих понятий: *возводить хулу – грязь лить* в значении „клеветать, оговаривать кого-либо” [БСРП 2007]. Ср.: *«Вторым говорил священнослужитель отец Пётр, настоятель одной из московских церквей – известный в Москве проповедник, собиравший на свои проповеди тысячи обожавших его прихожан. <...> Напутствовал оскорбленных верующих, громивших экспозиции модернистов, где осквернялись иконы и возводилась хула на Духа Святого»* («Пятая империя» 2010: 126) и *«–... Мы, инженеры потомственные, создали индустрию... Мы армию сколотили... Мы в космос вышли... А теперь на нас грязь льют...»* («ОКО» 2010: 246).

Герои А.А. Проханова употребляют целую россыпь ФЕ-неологизмов: *героиновая война, горячая линия, Город Золотых Унитазов, Карибский кризис*. Большинство из ФЕ-неологизмов в идиостиле А.А. Проханова выполняют функцию создания колорита современного российского общества. В некоторых случаях описание этого колорита становится саркастическим и гротесковым. Сочетание *город золотых унитазов* можно считать новой в нашей речи, хотя еще не зафиксированной фразеологическими словарями ФЕ со значением „место, объединяющее самых богатых и финансово состоятельных представителей общества”. (Например, одна из книг современного писателя И.Л. Васюкова содержит в заглавии данную ФЕ: *«Бунт в городе золотых унитазов»* [Васюков 2009]). Ср.: *«Город Золотых Унитазов был задуман Плинтусом в далекое время его коммунистической молодости, когда он входил в эзотерический кружок Андропова на правах еврейского интеллектуала и русского националиста, принявшего ислам и поддерживающего Израиль в борьбе с арабами»* («Крейсерова соната» 2010: 199).

Отметим также семантическую связь двух выражений, появившихся в русском языке сравнительно недавно: *город золотых унитазов* и *золотой миллиард*. ФЕ *золотой миллиард* – «метафора, описывающая имущественное неравенство между населением развитых стран и всего остального мира. Ав-

торство выражения не вполне ясно. Некоторые приписывают фразу „*золотой миллиард*” Полу Эрлиху, биологу и экологу. Термин образовался как синтез двух крупных идей современной западной культуры. ...термин *золотой миллиард*, как сильно „идеологически нагруженная” метафора, не употребляется в официальных документах» [Кара-Мурза 1999: ЭР]. Одна из глав книги А.А. Проханова «За оградой Рублевки» носит название «Город Золотых Унитазов», в ней рассказывается о жителях Рублевского шоссе, «где, укрытые от глаз, свили гнездо пришельцы „золотого миллиарда”» [2Проханов 2007].

Все эти новые в языке фразеологизмы являются отражением тех или иных сторон и явлений жизни современного русского человека, в том числе, и самые страшные. ФЕ *героиновая война*, стала особенно распространенной в последнее время в современной России.

По замечанию писателя, богослова и философа А.В. Кураева, «... против России ведется героиновая война. И это не метафора, так как жертвы этой войны насчитывают миллионы» [Кураев 2009]. А.В. Кураев отмечает, что словосочетание *героиновая война* имеет значение „наркотизация населения какой-либо страны; особый прибыльный бизнес, основанный на реализации наркотических препаратов” [там же]. На наш взгляд, здесь уместно вспомнить о художественном фильме режиссера Ю.В. Елькиной «Героиновая война», вышедшем на экран в 2000 году. По сюжету, «на границе с Таджикистаном пограничники, ценой своей жизни сдерживают вал наркотиков, приготовленных для России» [Информация о фильме «Героиновая война»: ЭР].

Таким образом, сочетание *героиновая война* имеет в современном русском языке несколько значений: 1. Борьба криминальных группировок за рынки сбыта наркотиков. 2. Борьба представителей правоохранительных органов с криминальными группировками, имеющими отношение к распространению наркотиков. 3. Внедрение героинового трафика в какое-либо общество. Ср. у А.А. Проханова: « – ... Из Афганистана речку переходили наркокурьеры, и много русских ребят погибло в „героиновых” перестрелках. – Я

слышал об этой „героиновой войне”, – сочувственно произнес Маерс» («Человек звезды» 2012: 50). Внимание героев романа заостряется на тяжело разрешаемой проблеме современного общества, обозначаемой как *героиновая война*, что вносит трагедийность в образ сегодняшней России.

В художественной прозе А.А. Проханова есть ФЕ-неологизмы, которые имеют отношение непосредственно к нему самому, его роду деятельности: *государственный писатель, соловей Генштаба*.

Значение ФЕ *государственный писатель* в точности не определено. «В последнее время многие спорят, нужны ли России „государственные писатели”; обычно эти разговоры сходят на нет из-за того, что никто не понимает, что конкретно это значит. Удостоверение секретаря Союза писателей? Дача в Переделкино? Билет на Франкфуртскую ярмарку?» [Государственный писатель: китайский вариант 2012: ЭР]. Творчество государственного писателя имеет, в первую очередь, общественно-политическое значение. «Я исповедую религию, именуемую государственной. <...> Государство – это высшая ценность, в которой народ аккумулирует свою способность к историческому творчеству», – признаёт А.А. Проханов в интервью программы «Познер. Понедельник. Около полуночи» [Проханов 03.03.2013: ЭР].

В образе одного из персонажей романа-автобиографии «Надпись» угадываются черты самого А.А. Проханова. Ср.: «– Помните, я говорил вам, что писатель, если он талантлив и обладает государственным сознанием, является «стратегическим ресурсом», как дальний бомбардировщик? Хотите посмотреть на настоящего „государственного писателя”? Оглянитесь... Коробейников повернулся и у соседнего стола в окружении множества людей увидел Шолохова» («Надпись» 2010: 510). В данном контексте употребление ФЕ способствует приданию фундаментальности портрету писателя М.А. Шолохова, который своей значимостью и талантом может быть противопоставлен всем остальным, окружающим его.

Другой фразеологизм, также часто применяемый А.А. Прохановым по отношению к самому себе, – *Соловей Генштаба*. «Я птица всесоюзного мас-

штаба. / Но распеваю не в кленовой роще. / Меня прозвали соловьем Генштаба, / Певцом страны, ее военной мощи» [«Соловей Генштаба». Стихотворение 2011: ЭР]. Примечательно, что благодаря данной ФЕ в романе «Последний солдат империи» писателем создается своеобразный автопортрет, сильно раздражающий его оппонентов. Ср.: *«В ресторан входил худощавый, бледного вида писатель... Его появление страшно возбудило гартий. Они подняли на загривах остатки выщипанных хохолков...– Вот он, Алла, твой „соловей Генштаба“. Мочи его, мерзавца, из всех калибров!»* («Последний солдат империи» 2010: 130). С помощью употребления таких ФЕ А.А. Проханов вводит в художественный мир произведения героя-писателя, что вносит в роман биографические ноты.

Как видим, фразеология, возникшая на различных историко-временных срезах, широко распространена в языке А.А. Проханова и реализует различные функции. В подавляющем большинстве ФЕ, возникшие в прошлом, употребляются писателем с целью придания создаваемым картинам происходящего своеобразного исторического колорита. Устаревшие и выходящие из активного употребления ФЕ в речи персонажей романов подчёркивают индивидуальность героев, раскрывая особенности их характеров. Раскрытию особенностей индивидуально-авторской манеры писателя служит употребление ФЕ, сравнительно недавно появившихся в русской речи.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. Произведения А.А. Проханова вызывают растущий неподдельный интерес и неоднозначные отклики читателей и критиков. Это обусловлено многогранностью личности «короля метафор» и оригинальной манерой подачи и раскрытия им материала литературных произведений, в художественной форме и идейном содержании которых находят отражение особенности мироощущения писателя, авторские концепции и принципы художника слова, факты богатой его биографии. Меткой образностью и яркой метафоричностью отличается стиль А.А. Проханова, а одним из средств создания такого стиля является фразеология русского языка.

2. В языке художественной прозы А.А. Проханова ФЕ представлены следующими семантико-грамматическими классами (по классификации А.М. Чепасовой) в выявленном процентном соотношении: предметными – 39 %, процессуальными – 28 %, качественно-обстоятельственными – 19 %, атрибутивно-предикативными – 8 %. Выбор фразеологических средств обусловлен авторским замыслом произведения, его концептуальным содержанием, композиционными особенностями текста и структурой повествования. Сами ФЕ в художественных произведениях А.А. Проханова выполняют стилеобразующую, жанрообразующую, сюжетообразующую функции.

3. Предметные ФЕ участвуют в пространственно-временной организации текстов, играя хронотопическую роль. Показательной для предметной фразеологии А.А. Проханова является частотность ФЕ, обозначающих фольклорных (сказочных) персонажей и мест (6 % от общего количества предметных ФЕ), что объясняется стилистическим и художественным своеобразием писательской манеры А.А. Проханова и способствует репрезентации определенного ряда концептов картины мира писателя. Благодаря употреблению таких ФЕ в сюжете произведений искусно переплетаются реальное и ирреальное.

4. Предметные фразеологизмы, обозначающие отвлеченные понятия, придают повествованию аллегоричность, усложняют жанровую структуру текста, переплетая языковые особенности сказки и романа. Многие из таких ФЕ, употребляемых А.А. Прохановым, являются обозначением философско-этических понятий, что объясняется особым вниманием писателя-метафизика, к психологии героев и антигероев своих художественных произведений.

5. Процессуальные ФЕ представлены в языке А.А. Проханова фразеологизмами с семантикой активной деятельности (динамики) и с семантикой пассивного состояния (статики). Среди процессуальных фразеологизмов выделяются частотные ФЕ, обозначающие физические действия (относительно внешние проявления); ФЕ, обозначающие ментальную деятельность человека (относительно внутренние действия); ФЕ, обозначающие коммуникативную деятельность (вербальная и невербальная коммуникация); ФЕ со значением воздействия на кого-либо.

6. Качественно-обстоятельственные ФЕ в художественной прозе А.А. Проханова активно участвуют в создании хронотопа, обозначая место и время происходящих событий как в реальности, так и ирреальности, что способствует раскрытию авторского замысла преимущественно в сопоставлении желаемого и действительного, нередко с критической оценкой последнего. Ряд ФЕ обозначает качественный признак действия, степень проявления действия. Употребление в художественных текстах таких фразеологизмов может раскрывать авторскую оценку происходящего или отношение героя произведения к какой-либо стороне действительности.

7. Немногочисленные (8% от всего фразеологического пространства) в языке А.А. Проханова атрибутивно-предикативные ФЕ подразделяются на две группы: фразеологизмы, обозначающие качественную характеристику лица или состояния лица и фразеологизмы с семантикой качественной характеристики предмета (относительно постоянный признак или характеристика предмета в определенный период времени). Такие ФЕ участвуют в создании

образов героев А.А. Проханова и в характеристике взаимоотношений персонажей.

8. В соответствии со структурно-грамматической классификацией В.Л. Архангельского все фразеологизмы, употребляемые А.А. Прохановым, были разделены на ФЕ, построенные по модели словосочетаний, – фраземы (80%) и ФЕ, построенные по модели предложения, – устойчивые фразы (20%). Наиболее широко в художественной прозе А.А. Проханова представлены фраземы, которые по характеру господствующего компонента (по типологии В.Т. Бондаренко) мы разделили на субстантивные, адъективные, вербальные и адвербиальные ФЕ.

УФ у А.А. Проханова представлены пословицами и поговорками, а также крылатыми выражениями, употребительность которых в языке писателя свидетельствует об интертекстуальности его произведений. УФ в текстах А.А. Проханова выполняют стилеобразующую функцию, отражая на фразеологическом уровне своеобразие авторского стиля, особенности языковой личности писателя. Употребление героями А.А. Проханова в речи разнообразных народных пословиц, поговорок и крылатых фраз помогает создать яркие образы этих персонажей через их речевую характеристику.

9. Высокая частотность употребления книжных ФЕ в художественной прозе А.А. Проханова служит созданию многоаспектных картин разнообразных исторических событий и целых эпох, что в своей совокупности призвано, во-первых, репрезентировать концепт «Государство». Во-вторых, А.А. Проханов видит опору в опыте русской и мировой философии, о чем свидетельствует его многократное обращение к известным образам и идеям литературы и искусства, зафиксированным во фразеологии.

10. ФЕ активного и пассивного запаса в художественной прозе А.А. Проханова в процентном соотношении составляют около 68% и 32% соответственно. Употребление ФЕ пассивного запаса в большинстве случаев создает образы «особых» героев и картины «необычной» жизни, скрытой от глаз невнимательного человека, персонажей, далеких от городской суеты.

Устаревшие ФЕ и ФЕ-неологизмы участвуют в раскрытии особенностей исторического колорита, в создании картин прошлой и современной действительности. Важную роль в создании колорита современного российского общества – от реалистических до гротесковых и саркастических изображений – играют ФЕ-неологизмы. Они участвуют, во-первых, в раскрытии авторского видения современного мира и происходящих в нем событий, а во-вторых, помогают создать образ героев с позиции их отношения к современным реалиям.

11. ФЕ ограниченного употребления во фразеологическом пространстве языка художественных произведений А.А. Проханова выполняют различные функции. Чаще всего употребление специальной фразеологии в авторской речи и речи героев способствует созданию портретов героев (речевая характеристика персонажей).

ГЛАВА 2. ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ УЗУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ФРА- ЗЕОЛОГИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ А.А. ПРОХАНОВА

2.1 О фразеологическом варьировании как предмете дискуссии

Варьирование – явление, которое наблюдается на всех ярусах языковой структуры. Проблема изучения фразеологического варьирования принадлежит к числу дискуссионных. Между учеными ведутся споры относительно масштабов охвата и распространения фразеологического варьирования и характера изменчивости ФЕ. Так, В.П. Жуков и В.В. Гвоздев считают, что границы варьирования фразем шире, по сравнению с пословицами и поговорками. Другие, напротив, считают, что и для ФЕ-максимум, и для ФЕ-минимум характерна широкая вариативность [Саввина 1984: 200].

В.П. Жуков придерживался узкого (традиционного) взгляда на явление вариантности: варианты – это такие видоизменения, которые не вносят каких-либо смысловых оттенков в содержание ФЕ [Жуков 1986]. Такому определению удовлетворяют лишь общенародные варианты, в индивидуально-авторских вариантах возможно изменение смысла и стандартной формы.

Напротив, В.Л. Архангельский исходил из широкого понимания вариантности, основанного на противопоставлении варианта и инварианта: «Варианты связаны с инвариантом как отдельное и общее, конкретное и абстрактное, явление и сущность» [Архангельский 1964: 135]. По отношению к норме общенациональной русской литературной речи В.Л. Архангельский различал варианты узуальные, ставшие традиционными, и окказиональные, принадлежащие к явлениям индивидуальной речи и фразеологического новаторства.

Вслед за В.Л. Архангельским и В.Т. Бондаренко мы придерживаемся широкого понимания вариантности ФЕ. Подобная ориентация в изучении фразеологического варьирования прослеживается в исследованиях

Л.Ф. Козыревой [Козырева 1964], С.И. Вяльцевой [Вяльцева 1977], Ю.А. Гвоздарева [Гвоздарев 1977], Л.Б. Савенковой [Савенкова 2002], Т.В. Сафоновой [Сафонова 2012]. При этом в центре внимания оказываются динамические свойства фразеологизмов, изменчивость их облика как результат производства единиц, их перехода из одного состояния в другое. Такая точка зрения дополняет узкую трактовку фразеологической вариантности [Бондаренко 2011: 20]. В.М. Солнцев дает убедительное обоснование целесообразности широкого подхода в изучении языковой вариантности. В.Т. Бондаренко считает особенно важными следующие мысли В.М. Солнцева: вариантность – это способ существования и функционирования всех без исключения единиц языка; варианты содержат в себе черты общего и частного; варианты, хотя и являются проявлением одной и той же сущности, имеют отдельное существование и относительно самостоятельное взаимодействие с окружающей средой, что создает предпосылки приобретения некоторыми вариантами таких свойств, которые «отрывают» их от своего класса и превращаются в новые сущности; «варьироваться может не только звуковой облик языковых единиц, но и их смысловая сторона» [Солнцев 1984: 31-42].

Часто понятие варианта фразеологизма дается на фоне тождества его целостного значения или образа. Многие ученые признают, что «варианты фразеологического оборота – это его лексико-грамматические разновидности, тождественные ему по значению и степени семантической слитности» [Шанский 1985: 55]. С начала исследования вариантности идиом определился подход, ориентированный на понимание вариантности как видоизменения только плана выражения ФЕ. Основными критериями в определении и выделении фразеологических вариантов признаются признаки семантического тождества и материально выраженной общности, дополняемые вспомогательными – единством образа (внутренней формой) и дистрибуции (окружения) [Бондаренко 2011: 17-18].

Решение проблемы фразеологической вариантности в традиционном русле «сталкивается с рядом трудностей, во многом обусловленных как узким пониманием категории вариантности, так и недостаточной надежностью критерия семантического тождества» [там же: 18]. Как отмечает В.Т. Бондаренко, существует «невероятная сложность квалификации вариантов ФЕ, установления границ между вариантами и синонимами (а также между вариантами и грамматическими формами)», и потому неизбежно «наличие во фразеологии интегральных (синкретичных) зон видоизменений идиом» [там же]. Этим объясняется соседство в науке противоположных позиций фразеологов относительно вопроса вариантности ФЕ.

Так, Е.И. Диброва считает, что ФЕ типа *переливать из пустого в порожнее* – *переливание из пустого в порожнее* следует относить к разным ФЕ, «хотя и близким в своих понятийных ядрах» [Диброва 1981: 77]. Основанием для такого суждения служит разная дистрибуция сравниваемых ФЕ, т. е. «совокупность всех окружений (контекстов)», в которых может встречаться каждая из данных языковых единиц [Ахманова 2005: 137]. Напротив, М.М. Копыленко и З.Д. Попова [Копыленко 1972], Ю.А. Гвоздарев [Гвоздарев 1977] занимают другую позицию. Для них главным основанием идентификации ФЕ является семантическая константность, а грамматические признаки рассматриваются как второстепенные.

Трудности, возникающие при анализе фразеологической вариантности, в значительной степени могут быть преодолены, если единицей исследования считать и план выражения ФЕ, и план ее содержания. В.Т. Бондаренко отмечает, что идея расширенного понимания категории вариантности как формально-содержательного изменения ФЕ находит все больше последователей. Рассматривая вариантность фразеологизмов как особую форму переходности, А.В. Жуков подчеркивает, что «более совершенной и объективной является типология фразеологической вариантности, построенная с учетом как плана выражения, так и плана содержания фразеологизма» [Жуков 1984: 52-53].

В сферу исследования вариативного пространства ФЕ вовлекаются семантические варианты, варианты, обусловленные флективными модификациями компонентов фразеологизма или деривационные варианты.

Основными типами фразеологического варьирования являются формальные трансформации и лексические замены компонентов фразеологизма. Формальное варьирование компонентов фразеологизма определяется фактом генетической общности слова и фразеологического компонента, поэтому виды варьирования компонента аналогичны видам варьирования лексем.

Вариантами признаются ФЕ, содержащие разные, но одинаково семантически пустые компоненты (*гроша ломаного не стоит* – *гроша медного не стоит*); ФЕ, содержащие слова, различающиеся грамматически (*бросить камень* – *бросить камнем*); полную и сокращенную разновидности ФЕ (*быть в интересном положении* – *быть в положении*) [Шанский 1985: 51]. В.П. Жуков предлагает рассматривать также фонетические и словообразовательные варианты. Таким образом, «варианты могут быть самыми разнообразными: фонетическими, морфологическими, видовыми, конструктивными, словообразовательными, лексическими» [Жуков 1986: 167].

Целостность образа и раздельнооформленность фразеологизма обеспечивают взаимозаменяемость его компонентов и в то же время семантическую стабильность фразеологической единицы при её варьированности. Благодаря этим свойствам становится возможна трансформация уже имеющихся в языке фразеологических оборотов и узнаваемость трансформированных фразеологических единиц.

Вариантность свойственна и пословично-поговорочным выражениям. В пословицах и поговорках, в отличие от идиом, явление вариантности охватывает, как правило, отдельные слова и не распространяется на весь лексический состав, «ввиду чего образуется относительно небольшое количество разновидностей одной и той же пословицы» [Жуков 1986: 37].

Проблема границ вариантности вызывает острые дискуссии в сфере практической фразеологии. Большинство ученых признает широкую ампли-

туду фразеологической вариантности и определяет видоизмененный фразеологизм как вариант при условии его изменений в пределах семантического тождества языковой ФЕ [Третьякова 2011: 23]. В.М. Мокиенко, В.П. Жуков имеют схожую точку зрения на проблему вариантности ФЕ. Согласно ей, лексические замены в пределах семантической целостности ФЕ, не нарушающие единства внутренней мотивировки, не изменяющие образ и характер фразеологизма, а также тождественность его синтаксической конструкции, целесообразно рассматривать в контексте вариантности. Выход за указанные пределы варьирования считается трансформацией фразеологизма. В отличие от варьирования, в результате трансформации образуется фразеологизм, не идентичный языковому: его значение уточнено, дополнено, расширено, а иногда даже противоположно исходному. Определяющее значение при выявлении семантических преобразований имеет контекст. Вне контекста говорить о семантических трансформациях фразеологизмов невозможно.

В качестве воспроизводимой языковой единицы фразеологизм всегда имеет определённое значение, постоянный состав и структуру. Когда речь идет о фразеологическом фонде языка, лингвисты подчеркивают его традиционность, устойчивость, количественное и качественное постоянство состава. Однако в речи постоянно наблюдаются различные преобразования значения и формы ФЕ, обусловленные динамичностью данного языкового пласта. Иногда это связано с неграмотностью носителей языка, а также с трудностью усвоения ФЕ. Это так называемая «дефектная» трансформация фразеологизмов, фразеологическая ошибка [Гусейнова 1997: 7]. В другом случае фразеологизмы трансформируются намеренно, с целью создания определённого эффекта. Это индивидуально-авторские преобразования ФЕ.

Авторские преобразования устойчивых выражений оправданы как лингвистически, так и психологически. Трансформация расширяет границы индивидуально-авторской мысли, помогает проявить творческие способности, способствует раскрытию своеобразия мировидения писателя. Кроме того,

преобразование привычных выражений делает речь более разнообразной и яркой.

Трансформация ФЕ рассматривается в работах многих исследователей фразеологии: А.И. Молоткова [Молотков 1977], Н.М. Шанского [Шанский 1985], А.М. Мелерович [Мелерович 1986], В.В. Горлова [Горлов 1992], В.Н. Вакурова [Вакуров 1994], В.Т. Бондаренко [Бондаренко 1995], Т.С. Гусейновой [Гусейнова 1997], Э.Д. Головиной [Головина 2003], Ю.В. Архангельская [Архангельская 2008] и др. Явление разрушения структуры ФЕ (дефразеологизацию, разрушение, аллюзию, распад, имплицирование), когда фразеологический оборот перестает существовать как таковой, анализировали В.П. Жуков [Жуков 1986], А.Г. Назарян [Назарян 1987], В.М. Мокиенко [Мокиенко 1990], А.Г. Ломов [Ломов 1998], Г.Н. Абреимова [Абреимова 2004], Т.В. Сафонова [Сафонова 2012]. Ученые отмечают, что чаще всего разрушение происходит в результате деформации структуры: введения новых слов, морфологической перестройки компонентов, изменения их последовательности, сокращения компонентного состава оборота.

Широкое изучение фразеологической вариантности и стилистическое употребление ФЕ в художественной литературе демонстрирует динамический характер фразеологии, ее открытость различным структурно-семантическим изменениям [Мелерович, Мокиенко 1997]. Многообразие фразеологических вариантов и трансформаций является, во-первых, следствием «свободного, стихийного или индивидуального поэтического творчества» [Бондаренко 2011: 21]. Во-вторых, в самой фразеологии имеет содержаться «богатый запас материалов для новотворчества, для выражения новых мыслей и чувств» [Щерба 1957: 134].

Изучение фразеологического варьирования помогает проникнуть в сферу семантики фразеологизмов, выявить глубину семантических связей компонентов со словами свободного употребления, определить долю участия варьируемых компонентов в формировании внутреннего образа ФЕ, связать проблему тождества и различия фразеологизмов с явлением фразеологиче-

ской синонимии. С другой стороны, в процессе такого исследования языка писателя становится доступным понимание глубины языковой личности, своеобразия писательской манеры, идейно-образного наполнения индивидуально-авторской картины мира.

2.2 Индивидуально-авторское варьирование фразеологических единиц в прозе А.А. Проханова

Всякая речь «начинается с интенции её субъекта», а отправной точкой в процессе отбора той или иной ФЕ для построения речи является «авторские интенции» [Третьякова 2011: 42-43]. С другой стороны, «за каждым текстом стоит языковая личность» [Караулов 1989: 5]. Под субъектом речи и языковой личностью мы понимаем «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений» [Бондаренко 2011: 22]. В данной работе речь идет о языковой личности А.А. Проханова.

Процесс «рождения» индивидуально-авторского фразеологизма – яркого выразительного средства, способного реализовать идеи автора, – обусловлен реализацией творческой мысли автора [Третьякова 2011: 33, 44]. Исследование индивидуально-авторского фразеологического варьирования показывает повторяемость вариантов ФЕ, моделируемость и подчинение языковой системности и нормативности. Четких границ между узуальными и окказиональными вариантами нет [Бондаренко 2011: 22]. По мнению В.Г. Гака, «вариант можно считать узуальным, если он встречается по меньшей мере у двух разных авторов (носителей языка), либо неоднократно у одного автора» [Гак 1987: 61]. Окказиональные фразеологизмы не являются единицами национального языка, не содержатся в памяти носителей языка в устойчивой форме с устойчивым значением, а, следовательно, не воспроизводятся в речи; «они, обладая образностью и метафоричностью, способны усилить проявле-

ние этих качеств, увеличить экспрессивное воздействие на читателя» [Третьякова 2011: 18-20].

Окказиональные преобразования ФЕ представляют собой реализацию возможностей, потенциально заложенных в системе [Басенко 2009].

Изучение отклонений от языковой нормы интересно теоретически и практически потому, что вскрывает внутренний механизм фразеологии в речи. Кроме этого, отклонения ярче оттеняют заложенные в языке потенции и, следовательно, важны для его более глубокого познания [там же]. «Подобно тому как норма отчетливее всего выявляется из случаев отступлений от нее, явления окказиональные позволяют полнее характеризовать языковой узус и очертить границы нормы» [Гельгардт 1966: 73].

С целью сообщения ФЕ дополнительной экспрессии, создания эмоциональной окраски, определенного колорита в распоряжении писателя имеется целый ряд приемов окказионального изменения ФЕ.

Выделяется два вида окказионального преобразования ФЕ: семантические и формально-семантические преобразования. Первый вид преобразований представлен двойной актуализацией значения, буквализацией и переосмыслением ФЕ. Ко второму виду относятся расширение компонентного состава ФЕ, фразеологический эллипсис, замена компонентов фразеологизмов целым рядом коррелятов, образование окказиональных фразеологизмов по моделям узуальных ФЕ, различные фразеологические контаминации, сегментация ФЕ, ролевая инверсия [см.: Третьякова 2011].

2.2.1 Семантическое варьирование фразеологизмов

Фразеологизм как языковая единица вне контекста обладает «законченностью значения» абстрактного характера. Семантическую определенность ФЕ приобретает в контексте речевого акта. По отношению к реализации фразеологического значения выделяют два основных свойства контекста: 1) контекст как условие для установления однозначности ФЕ (уточнение

и фиксация содержания ФЕ); 2) контекст как условие для осуществления семантического варьирования ФЕ (возможность приобретать контекстно обусловленный вариант значения) [Бондаренко 2011: 26]. Семантическое варьирование охватывает дескриптивную и коннотативную (оценочную) зоны фразеологического значения и, как правило, не связано с изменением лексического состава, грамматической структуры или синтаксической роли ФЕ.

Характер дескриптивного варьирования определяется денотативным потенциалом – соотнесенностью фразеологизма с объектами действительности. В.Т. Бондаренко различает два вида дескриптивного варьирования фразеологизмов: 1) одноплановое денотативное варьирование и 2) двухплановое денотативное варьирование [там же: 29].

Семантические преобразования, по мнению Н.М. Шанского, представляют собой наполнение фразеологического оборота новым содержанием при сохранении его лексико-грамматической целостности. Например, ФЕ, бытующая в разговорной речи, *забивать козла* – „играть в домино” [ФСРЛЯ 2008] в речи героя романа «Красно-коричневый» получает трансформацию значения. Ср.: *«Белосельцев всматривался в пассажиров, старался угадать давнишний, наполнявший вагоны люд. Бойких долгоносых старушек в плюшевых пальтушках и валенках, с набитыми кошелками. Подвыпивших, в телогрейках и ушанках рабочих, которые громко плюхались на лавки и тут же начинали забивать «козла», распространяя вокруг запах водки, мазута и лука»* («Красно-коричневый» 2010: 172) и *«– А я говорю своим: «Мужики, так и будете козла забивать, пока к вам в дом не придут, баб ваших не заберут, детей в канаву не выкинут?» – Рабочий в каске говорил сипловатым голосом, как бы подхватывая слова священника, истолковывая их по-своему, предлагая на суд собравшихся свое толкование. – Я говорю: «Союз развалили, Родину продали, а вы все козла забивали! В карман вам залезли, до копейки вычистили, а вы козла забивали! Завод закрыли, пионерлагерь, поликлинику, клуб – все разорили, а вы козла забивали! Теперь этот хам, пьяница на вас крест ставит, а вы что, так и будете козла забивать?..»* (там же: 556).

В контексте романа А.А. Проханова ФЕ *забивать козла* приобретает значение не безобидной „игры”, а „состояния отдельно взятого человека или целого общества, бездействующего в момент необходимости решительных действий”, иллюстрируя тем самым болезнь века – равнодушие.

Другая ФЕ – *лапу сосать*, имеющая два значения „жить без средств к существованию, довольствуясь малым” и „жить без больших запросов и высоких стремлений, заботясь только о пропитании” [ФСРЛЯ 2008], – претерпевает семантическое изменение в романе «Охотник за караванами». Ср.: «– Ты всё жаловался на безделье, – сказал Оковалков. – Говорил, замкомбрига лапу сосет. Кажется, он вытащил лапу из пасти. Говорит, пора воевать. <...> С тех пор, как в батальоне началась „борьба с потерями” и прекратились выходы на засады, капитан изнывал от безделья, клял „трусов командиров” и „идиотов политологов”» («Охотник за караванами» 2010: 365). Из контекста становится понятно, что синонимом к ФЕ *лапу сосать* в данном случае служит глагол *бездельничать* или, говоря словами самого А.А. Проханова, «*изнывать от безделья*». Новое значение ФЕ образовано с помощью метонимического переноса (причинно-следственного типа): медведь в берлоге лапу сосет и при этом не только голодает, но ничего не делает.

Особый вид семантического варьирования – двойная актуализация, при которой «соответствующий буквальному плану денотат, послуживший поводом для языкового обыгрывания, получает в тексте двойное осмысление – в конкретно-прямом и обобщенно-переносном значениях», как бы вложенных, по определению В.Т. Бондаренко, «друг в друга» [Бондаренко 2011: 39]. Так, пословица *Не спросясь (не зная) броду, не суйся в воду*, употребляемая в речи в значении „не предпринимай чего-либо без знания дела. Говорится тому (или о том), кто, делая что-либо, из-за неосведомленности, незнания терпит неудачу” [Жуков 1991: 221] в контексте романа А.А. Проханова получает совмещение смыслов. Например: «*Тем временем далеко от стройки, медленно к ней приближаясь, по пустынной и скользкой дороге, мимо редких деревьев и занесенных снегом опушек, ехал автобус. <...> – Вы везете в Броды*

подарок? – Она [Антонина – Е.А.] посмотрела на его [Фотиева] старый портфель. – Вот здесь? <...> В Бродах трудно чем-нибудь удивить... Может быть, вы не на станцию? Просто в город? Учителем литературы, истории? – Да нет, я не учитель. Хотя действительно недавно прочитал несколько исторических книг. Историю этих мест полистал. Захотелось узнать, кто эти Броды закладывал. Кто здесь брёл до меня. А то говорят: **„Не зная броду, не суйся в воду!”**» («ОКО» 2010: 53). В данном случае мы наблюдаем пример двойной актуализации: с одной стороны, употребление в речи героем романа Фотиевым пословицы подтверждает, что он едет в новые, неизвестные ему места, а с другой стороны, лексический компонент в составе УФ *Не зная броду, не суйся в воду* – «брод», омонимичный названию населенного пункта, куда собирается Фотиев, – «Броды», – служит конкретизатором смысла пословицы: в населенном пункте с названием Броды „не предпринимай чего-либо без знания дела”.

Другое выражение *умывать руки* имеет значение „отстраняться от чего-либо, снимать с себя ответственность за что-либо. У некоторых древних народов судьи и обвинители в знак своей беспристрастности совершали символический обряд: умывали руки. Особое значение этому обряду придавалось тогда, когда судья не был согласен с вынесенным приговором. Умывая руки, он как бы снимал с себя ответственность за принятое решение. Широкое распространение выражение *умывать руки* получило благодаря евангельской легенде, согласно которой Пилат, вынужденный согласиться на казнь Иисуса, умыл руки перед толпой и сказал: „Не виновен я в крови праведника сего”» [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 610]. Ср. у Проханова: «Они [Белосельцев и Аурелио – Е.А.] вышли наружу, и у входа в блиндаж Аурелио поливал из кувшина, а Белосельцев ловил ладонями тонкую блестящую струйку, плескал на лицо... – После всего случившегося мы **умываем руки**, – усмехнулся он [Белосельцев – Е.А.], забирая кувшин у кубинца. – Обряд омовения рук. – Среди нас нет Пилата. – Аурелио брызгал воду на свою волосатую грудь, промывал лицо. – Мы успешно провели две фазы сложнейшей

операции, и нам предстоит третья, самая опасная и сложная. Мы вынуждены рисковать своими и чужими жизнями. В случае успеха мы можем позволить себе угрызения совести. Но только на несколько минут, до начала следующей операции» [«Африканист» 2010: 137]).

В контексте упоминается имя Понтия Пилата, что становится аллюзией на библейскую историю. В то же время герой романа Аурелио подчеркивает разницу между мотивом их с Белосельцевым действий и мотивом поступка Пилата: они, в отличие от библейского персонажа, не могут испытывать угрызения совести, т. к. рискуют чужими жизнями во имя успеха важной операции. Кроме того, наблюдаем двойную актуализацию фразеологического значения ФЕ *умывает руки*: к основной семантике прибавляется смысл, создаваемый ситуативно, т.к. в момент говорения герои романа, действительно, моют руки под водой. Использование Белосельцевым ФЕ в данном контексте характеризует его как человека, отличающегося остроумием, способного мыслить метафорически.

Важное место в идейно-художественной системе произведений А.А. Проханова занимает предметная ФЕ *черный квадрат*. Собственно фразеологизм «черный квадрат» пока не фиксируется словарями. Тем не менее, в современной русской речи существует ряд употреблений этого сочетания как устойчивого, фразеологического: «Темно, как у Малевича в квадрате», «Порочный Круг хорошо вписывается в *Черный Квадрат* Малевича», «Он мордой и ценой не уступал *чёрному квадрату* Малевича», «Иногда любовный треугольник напоминает "*Черный квадрат*" Малевича» [Самый полный сборник афоризмов: ЭР]. Во всех приведенных выше примерах речь идет об известной и широко обсуждаемой одноименной картине Казимира Малевича, получаемой различные отзывы и оценки: «неудавшаяся картина», «бунт в искусстве», «политический ход», «отказ от содержания», «кризис идей в искусстве» и др. [Десять смыслов «Черного квадрата»: ЭР]. Тем не менее в романах А.А. Проханова *черный квадрат* употребляется в отличном от общеизвестного значения. Предысторию возникновения данной ФЕ в языке писателя

рассказывает Л.А. Данилкин: «В этом подростковом эдеме был свой глаз ужаса, „дверь в преисподнюю“, на описание которого в среднестатистическом прохановском романе обычно отведена минимум двухстраничная квота: лестница в подъезде, ведущая вниз, в подвал, где раньше находилось оборудованное бомбоубежище. Ужас, сочившийся из-за этой двери, был настолько чудовищен, что в течение всей жизни Проханов заставляет своих героев признаваться в этом „реликтовом страхе“» [Данилкин 2007: 54]. Ср.: «Он [Белосельцев – Е.А.] встал и начал ходить, желая сбросить наваждение. Шёл вдоль стен, заложив скованные руки за спину, воспроизводя квадрат. **«Черный квадрат**, – усмехнулся он, шаркая плечом по бетону – Рисую **черный квадрат**» («Красно-коричневый» 2010: 843) или «В результате этих стерилизующих методик уходили из жизни протестно настроенные индивиды, не способные вписаться в „Квадрат“ нового мироустройства, – те, кто вступал с этим священным **„Черным квадратом“** в психологический и моральный конфликт» (там же: 147). Воображаемое или действительно существующее темное место, пугающее своей неизвестностью, представляющее опасность, – в этом значении употреблена писателем данная ФЕ. Сам А.А. Проханов дает такое объяснение употреблению ФЕ *черный квадрат*: «Элемент метафизики абсурда».

В целом семантическое варьирование ФЕ в языке А.А. Проханова призвано отразить специфику конкретной ситуации, сложившейся либо в жизни отдельных героев, либо в обществе. Такие изменения ФЕ приводят к акцентированию внимания на отдельной, наиболее важной в данный момент стороне действительности, конкретизируя общее значение.

2.2.2 Формально-семантическое варьирование фразеологизмов

2.2.2.1 Варьирование компонентного состава фразеологизмов

Фразеологическое варьирование, основанное на замене лексических компонентов в составе ФЕ, отличается особой массовостью и обусловлено генетическим сходством лексемы и фразеологического компонента. Установлено, что в основе лексического варьирования ФЕ лежит ассоциативная субституция двоякого порядка, которая обусловлена системообразующими и системоприобретенными свойствами варьируемых компонентов. Подобная «двоякость» заключается в следующем. С одной стороны, поскольку лексемы-корреляты «сохраняют отдельные черты лексико-семантической подсистемы, то их замена в составе фразеологизмов системно детерминирована семантическими отношениями и связями между собой (в первую очередь, синонимическими, тематическими и гиперо-гипонимическими) [Бондаренко 2011: 50]. С другой стороны, «становясь фразеологическими компонентами, они под воздействием фразеологической подсистемы приобретают своеобразное (внутрифразовое) обобщенное значение». При этом обязательным фактором для «вхождения субститутов в одну вариантную группу на основе общности фразообразующей значимости, приобретаемой субститутами в составе ФЕ, выступает семантическая взаимосвязанность лексических компонентов и всего фразеологизма в целом» [там же].

Вслед за Е.И. Дибровой, Е.И. Селиверстовой и В.Т. Бондаренко, мы различаем два типа лексического варьирования ФЕ: денотаторный и десигнаторный. Первый тип варьирования затрагивает денотативный (референтный) план значения ФЕ (замена компонентом-денотатором), второй тип, традиционно представленный во всех работах по фразеологической вариантности, протекает на уровне сигнификативной стороны фразеологического значения (замена компонентом-десигнатором) [Диброва 1979; Селиверстова 2010; Бондаренко 2011].

Варьирование компонентного состава ФЕ классифицируется по источнику образования лексических вариантов. Говоря о лексических вариантах, В.Т. Бондаренко употребляет термин *лексическая субституция*.

В дескриптивной лингвистике под субституцией (от англ. *substitution*) понимается «основной метод определения тождества – различия языковых единиц, объединения их в классы (разряды), определения их функциональных свойств и т. п. путем взаимной замены их в данной совокупности контекстов» [Ахманова 2005: 461]. Кроме того, субституцией называется «взаимное отношение вариантов в плане выражения; отношение между двумя элементами обозначающего (выражения), состоящее в том, что замена одного из них другим не вызывает соответствующего изменения в обозначенных ими элементах содержания» [там же]. В словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой упоминается фонетическая субституция (*substitution phonétique*), при которой, действительно, в элементах содержания языковой единицы не наблюдается изменений. Так «происходит в тех случаях заимствования, когда заимствованное слово содержит фонему, чуждую заимствующему языку: переход *ž* в *š* при заимствовании в немецкий язык франц. *génie* „гений” (произносимого [*chénie*]) [Марузо 1960]. Напротив, субституция лексическая во фразеологии может привести к изменениям в плане содержания ФЕ. В.Т. Бондаренко различает виды лексических субституций: на основе синонимического ряда, на основе тематического ряда, на основе метонимии, на основе эвфемизации, субституции паронимического и антонимического типов [Бондаренко 2011]. Именно «лексические замены путем антонимической поляризации» приводят «к иному семантическому результату» [там же: 60].

Примеров окказионального варьирования компонентного состава фразеологизмов в языке художественных произведений А.А. Проханова можно найти достаточно. Рассмотрим их разнообразие.

Лексические субституции на основе синонимического ряда

Одним из источников образования лексических вариантов ФЕ служит «генетическая синонимичность заменяемого и заменяющего компонентов», которые в лексической системе отличаются друг от друга смысловыми и экспрессивно-стилистическими оттенками или же, напротив, совпадают по своей семантике, активности-пассивности и сфере употребления [Бондаренко 2011: 51].

Хотя, по замечанию В.Т. Бондаренко, синонимия лексических компонентов в составе ФЕ служит «основным источником образования лексических вариантов» [там же], примеров лексической субституции на основе синонимического ряда в языке А.А. Проханова немного. Среди них – трансформация ФЕ *закадычный друг* в значении „близкий, душевный друг” [Бирх, Мокиенко, Степанова 2005: 202] в *закадычный товарищ*. Ср.: «Сидящие, посвященные в тайны купца и банкира, улыбались, кивали, соизмеряли свой успех и свою судьбу с судьбой и успехом двух **закадычных друзей**» («Красно-коричневый» 2010: 399) и «Образы толпились в реторте, переходили один в другой. Реторта накалялась, вскипала, дергалась пламенем, в ночи или в беседе с **закадычным товарищем**, в битком набитом троллейбусе или на тихой прогулке, всегда внезапно случалось чудо. Реторта взрывалась, наполненная сияющей плазмой и в буре огня вставал ослепительный ангел. Совершалось открытие» («Надпись» 2010: 548).

Отметим, что лексические субституции на основе синонимического ряда не получили в языке художественной прозы Проханова широкого распространения. Объясняется это тем, что в результатемены одного компонента в составе ФЕ на другой компонент-синоним сохраняется семантическое тождество исходного фразеологизма и полученного варианта. Напротив, для А.А. Проханова интересны и важны изменения именно в значении ФЕ. Добавление и конкретизация тех или иных семантических оттенков к основному значению ФЕ активно происходит в результате следующих трансформаций.

Лексические субституции на основе тематического ряда

Замена компонента на основе одного тематического ряда относится к регулярным способам формирования вариантов ФЕ. В семантике компонентов одной тематической группы выделяется гиперсема (терминология В.Т. Бондаренко [2011: 54]), или семантическая тема (термин Д.Н. Шмелева [1977: 105]), которая становится общим началом в парадигматической цепи всего предметного ряда и включении составляющих этого ряда в вариантные ФЕ.

В.Т. Бондаренко определяет «наиболее характерные тематические объединения слов, смещение которых в пределах одного родового понятия (темы) приводит к созданию лексических вариантов»: названия животных, названия предметов домашнего обихода и хозяйства, названия продуктов питания, названия единиц счета, глаголы движения [Бондаренко 2011: 54-57]. Между тем в языке художественной прозы Проханова встречаются и лексические варианты, образованные в результате взаимозамен наименований из других тематических рядов. Рассмотрим конкретные примеры.

Например, в прозе А.А. Проханова встречаются следующие варианты ФЕ: *висеть на волоске* – *висеть на паутине*, *висеть на нитке*. Фразеологические словари фиксируют два узуальных варианта ФЕ: *висеть [держаться] на волоске* и *висеть [повиснуть] на нитке [ниточке]* – „оказываться в опасности, под угрозой гибели” [ФСРЯ 1967: 69]. Ср. у А.А. Проханова: «– У меня нет основания вам не верить, – сказала она [Дочь – Е.А.], медленно приходя в себя, растирая пальцами виски. – В нашей семье не забыли всё, что вы сделали для отца. И в девяносто первом, когда сообщили отцу о готовящемся путче... И в девяносто третьем, когда власть **висела на волоске...**» (там же: 443); «Стройка у нас тяжелая, аховая. Да и в других местах не легче! Там бастуют, там митингуют, а там воруют! Всё **на последней нитке висит**» («ОКО» 2010: 524) и «Его [Зарецкого – Е. А.] богатство устроено нами так, что оно **висит на тоненькой паутинке**. Оно отрежется от Зарецкого и упадет нам в руки» («Господин Гексоген» 2010: 64). Лексическая

субституция в данном случае происходит на основе одного тематического ряда, в котором располагаются компоненты: *волосок* и *нитка* (узуальные) – *паутинка* (оказиональные), выступающие в роли своеобразного средства «крепления» одного предмета к другому, причем *паутинка* в сравнении с *волоском* и *ниткой* тоньше и потому менее прочная. В результате употребления компонента *паутинка* в составе ФЕ подчеркивается особая опасность материального положения героя романа «Господин Гексоген» – Зарецкого.

Другая ФЕ [*сам*] *бог* [*господь*] *послал* имеет значения: „1. Кому-то посчастливилось приобрести что-то. 2. Неожиданная удача, счастливый случай” [ФСРЛЯ 2008]. В речи героев А.А. Проханова ФЕ употребляется во втором значении, причем в устах героя романа «Дерево в центре Кабула» узуальная ФЕ трансформируется в иное выражение на основании замены компонентов одного тематического ряда: *Бог* и *Аллах*. Ср.: «– Я молюсь за вас, как и все патриоты России! Вы окружены спасительным полем молитв! Вас **Бог послал** России! Вы – наши Пожарский!» («Красно-коричневый», 2010: 85) и «– Хоть бы уж нам, целинникам, в этом году **Бог или Аллах погоду послал!**» («Дерево в центре Кабула», 2010: 257). Такая замена компонентов в составе ФЕ способствует созданию местного колорита: военные действия разворачиваются на территории Кабула, где господствует ислам.

Варьирование компонентного состава ФЕ в языке писателя может реализовывать различные цели в соответствии с творческим замыслом писателя. В намерение А.А. Проханова часто входит интенсификация эмоционально-экспрессивного плана. Одной из главных целей такого намерения, а вместе с тем – и лексического варьирования – является создание комического эффекта: от юмора и иронии до сарказма.

В романе А.А. Проханова «Последний солдат империи» в речи Истукана, обращенной к Меченому, содержится пример трансформации субстантивной узуальной фраземы *профессор кислых щей*, как иронично говорят „о самоуверенном глупце, выскочке” [БСРП 2007] в *президент кислых щей*. Ср.:

*«Ты уйдешь со всех постов!.. Добровольно!.. У тебя больше нет власти!.. Силловые министерства я замкнул на себя!.. С Америкой я договорился сам, и они тебя больше не примут!.. Через два дня я запрещу Компартию!.. Через три месяца распушу Союз!.. Ты будешь **президент кислых щей!**...»* («Последний солдат империи» 2010: 491). В данном случае компоненты *профессор* и *президент* можно отнести к одному тематическому ряду, т. к. оба они характеризуют лицо по роду занятия. Замена компонента *профессор* на *президент* приближает шутливое содержание фраземы к шутливо-сатирическому: речь идет о наблевшем вопросе – переходе государственной власти от одного человека к другому и о несоответствии лица занимаемой высокой должности.

Трансформации подвергается и широко распространенное название формата телевизионных и радиопередач, на которые приглашаются политические деятели, – «Без галстука»: *«—... Сегодня у Президента встреча с некоторыми губернаторами. Она состоится в формате „без обуви“»* («Крейсера соната» 2010: 497). Лексическая субституция происходит на основе замены компонентов одного тематического ряда – *галстук* – *обувь* – в названии формата встречи. А.А. Проханов производит мену компонентов ФЕ, доводя тем самым ситуацию до абсурда.

Сниженность характера мыслей и мировоззрения отдельных представителей современного российского общества отражает и другой результат индивидуально-авторского варьирования компонентного состава ФЕ в романе «Господин Гексоген». На этот раз речь идет о трансформации ФЕ *обводить / обвести вокруг пальца* в значении «хитро обманывать кого-либо», «перехитрить кого-либо» [ФСРЛЯ 2008; БСРП 2007]. Ср.: *«— После бездарного провала Прокурора, этого похотливого козла правосудия, на которого мы убухали столько денег и которого **обвел вокруг его собственного полового органа** какой-то опер из ФСБ, – после этого меняется вся схема замещения гнилого и трухлявого Истукана...»* («Господин Гексоген» 2010: 257). Пример

мены лексического компонента на основе тематического ряда «части тела человека» усиливает негативную авторскую оценку.

Кроме особенностей речевой ситуации, в которой используется трансформированная ФЕ, влияние на процесс и результат варьирования оказывает и эмоциональный аспект: то отношение, с которым говорящий обращается к собеседнику, обуславливает и характер полученного варианта. Компонент *кролик* в составе ФЕ *подопытный кролик*, которая имеет значение: „такой, который служит предметом научного опыта, на котором производятся научные опыты” [МАС 1999] заменяется на компонент *баран*. Ср.: «— ... Ну что, Виктор Андреевич, — меняя тон, становясь нагло-самонадеянным весельчаком, произнес Зеленкович, — может, всё-таки повторите на камеру вашу замечательную шутку про аресты, про диктатора?.. На русском, английском, китайском? — На суахили, — усмехнулся Белосельцев... — Приходите к нам в студию. Разумеется, не в качестве **подопытного барана**, а как наблюдатель. Посмотрите, как мы работаем» («Последний солдат империи» 2010: 50). Мена компонентов происходит на основе тематического ряда — названия животных. Однако субстантив *баран* в русском языке употребляется и в переносном значении, обозначая человека глупого и упрямого. Ср.: Ср.: *баран* — „глупец, кроткий; как бараны в стаде” [Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений, 1999]; *как баран на новые ворота* — „недоуменно, тупо, не понимая, не соображая ничего; растерянно, глуповато (уставился, смотрит и т. п.)” [ФСРЯ 1967: 33]. В результате мены компонентов в составе ФЕ *подопытный кролик* → *подопытный баран* в диалоге Белосельцева и Зеленковича создается образ третьего лица — человека глупого и недалекого ума.

Кроме создания комического эффекта, конкретизации семантики, лексическое варьирование ФЕ в творчестве А.А. Проханова нередко способствует созданию местного колорита, на фоне которого происходит действие. Например, варьирование компонентного состава ФЕ *Колосс Родосский* и превращение его в романе «Крейсера соната» в *Колосс Московский*. Взаимо-

заменяемые компоненты в составе ФЕ расположены в одном тематическом ряду: адъективы *Родосский* и *Московский* образованы от собственных имен *Родос* и *Москва* и соответствуют названиям географических объектов: остров на юго-востоке Греции и столица России. *Колосс Родосский* – одно из семи чудес света, огромная (около 70 метров) медная статуя бога солнца Гелиоса, воздвигнутая греческим скульптором Харесом из Линдоса на острове Родос в III веке до н. э. и служившая маяком. Впоследствии она была разрушена землетрясением. Так говорят о чем-либо исполинском, выдающемся по своим размерам или величию [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000: 228]. Ср.: «— *Через месяц состоится твое венчание... Я сам разрабатываю ритуал небывавшего действия, которому хочу придать вид вселенской мистерии. Лучшие дизайнеры, художники и режиссеры планеты готовят в Москве мистерию... На Воробьевых горах будет установлен **Колосс Московский**, создаваемый нашим известнейшим скульптором*» («Крейсера соната» 2010: 97). А.А. Проханов иронизирует над характером произведений Зураба Церетели, скульптуры которого часто отличаются большим размером и видом, зачастую изменяющим привычные лица городов, в которых устанавливаются творения скульптора.

А.А. Проханов подвергает трансформации крылатое выражение «*Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в царство небесное*».оборот представляет собой евангельское изречение «...удобнее верблюду пройти сквозь игольные ушки, нежели богатому войти в Царство Божие», употребляемый в речи в случаях, когда говорят «о полной невозможности постижения или совершения чего-либо» [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000: 246]. Один из героев романа «Красно-коричневый», Павлуша, «не умолкал за рулем, провожал скептическими замечаниями обгонявшие его лимузины. — *А этот-то, с наеденной шеей, будет в аду гореть!.. Прав я или нет, отец Владимир?.. Легче верблюду пролезть сквозь игольное ушко, чем на этом „мерседесе“ въехать в рай!..*». Далее, в диалог вступает ещё один говорящий, и «дискуссия» продолжается: «— *А ты, Павлуша, на своем*

„москвиче”, похоже, *въезжал в рай и возвращался обратно!* – подшучивала над ним Катя» («Красно-коричневый» 2010: 379). Употребляемая в речи героя ФЕ является результатом мены компонентов состава УФ на основе тематического, а точнее – ассоциативного ряда: *богатый – мерседес* (как марка дорогого автомобиля – атрибута жизни богатых людей). Такая мена компонентов в составе ФЕ представляет собой метонимический перенос, реализацию причинно-следственной связи: если человек богатый, то он имеет или может иметь мерседес. Кроме того, героям романа, вступающим в диалог, вспоминается более краткое наименование *царства небесного – рай*, в результате чего происходит мена компонентов одного синонимичного ряда: *царство небесное → рай*. По религиозным представлениям, Рай – „место вечного блаженства для душ праведников после их смерти” [БАС т. 12: 559]. Стилистически нейтральный инфинитив «пройти» заменяется на просторечный «пролезть», что является лексической субституцией на основе тематического ряда: меняются глаголы движения. Такая мена обусловлена речевой ситуацией, в которой рождается и произносится новый вариант фразеологизма. Вторая часть рассматриваемой фразы, а именно – «*чем богатому войти в царствие небесное*» – исчезает вовсе, а на ее место эмоциональный Павлуша ставит альтернативное и, как ему кажется, более подходящее к ситуации «*чем на этом „мерседесе” въехать в рай*». Таким образом, в данном случае мы наблюдаем результат окказиональной трансформации фразеологизма – замены нескольких компонентов, которая вполне может быть объяснена экспрессивной задачей писателя.

С тематическими заменами компонентов в составе ФЕ «тесно соприкасаются переименования, построенные на отношении подчинения: родовых (сужении, когда слово с широким значением замещается словом с узким значением) и видо-родовых (расширении – обратном процессе)» [Бондаренко 2011: 57]. Так, трансформации на основе родо-видовых отношений подвергается ФЕ *кухаркины дети*, происхождение которого связано с «Циркуляром о кухаркиных детях» – неофициальным названием циркуляра «О

сокращении гимназического образования». Циркуляром предусматривалось, что в гимназии можно допускать только обеспеченных детей, а «детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, коих, за исключением разве одаренных необыкновенными способностями, не следует выводить из среды, к коей они принадлежат», к обучению не допускать. В современном русском языке ФЕ *кухаркины дети* имеет значение „дети малоимущих классов населения” [БСРП 2007]. В романе «Надпись» персонаж Саблин употребляет данный фразеологизм в его изначальном значении, но применительно к конкретному человеку, в результате чего в составе ФЕ происходит мена компонентов (*дети* → *сын*) где компонент *дети* является родовым по отношению к видовому и конкретному – *сын*. Ср.: «– **Хам, кухаркин сын**, – кинул ему [писателю – Е.А.] *вслед Саблин, открывая в злой усмешке блестящие влажные зубы...* – *Полагаю, если правы буддисты и существует переселение душ, то „гегемон”, то бишь рабочий класс: все эти молотобойцы, стахановцы, сталевары и передовики – после смерти превратятся в кувалды, канализационные трубы, болты и костыли*» («Надпись» 2010: 80).

Лексические субституции паронимического типа

Широко распространены в индивидуально-авторском варьировании ФЕ А.А. Проханова лексические субституции паронимического типа, к которым мы (вслед за В.Т. Бондаренко [Бондаренко 2011: 61-63]) будем относить мены компонентов ФЕ на паронимы и парономазы. Паронимы – однокоренные слова, которые вследствие не только сходства в звучании, но и «частичного совпадения морфемного состава могут либо ошибочно, либо каламбурно использоваться в речи» [Ахманова 2005: 313]. Парономазы – «разнокоренные слова, имеющие отчасти сходное звучание и вследствие этого смешиваемые в речи» [Жеребило 2010: 255].

В прозе А.А. Проханова лексической субституции подвергаются компоненты не только фразем, но и устойчивых фраз: крылатых выражений, по-

слов и поговорок. Яркий пример находим в романе «Крейсера соната», где юмористический эффект рождается за счет явления языковой игры. В эпизоде столкновения агентов спецподразделения и людей «со свалки» из уст некоего Ивана Ивановича звучит: *«Сотни помидоров красными комочками полетели навстречу незванным пришельцам, попадали им в голову, расплющивались на шляпах, залепляли пистолетные стволы и песьи глаза... Вдогонку им [агентам – Е. А.] полетел старый футбольный мяч, начиненный взрывчаткой, который лопнул над убегающими пышным, трескучим взрывом. – Псы-рыцари!.. – презрительно произнес Иван Иванович. – **Кто с мячом к нам придет, от мяча и погибнет!..**»* («Крейсера соната» 2010: 445).

Исходная крылатая фраза *Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет* претерпевает трансформацию – замену компонента *меч* на *мяч*, которые в формах творительного и родительного падежей, фонетически перестают дифференцироваться (содержат гласную фонему в слабой позиции), являясь омофонами. Игра слов в данном случае представляет собой пример лексического варьирования, основанного на паронимии. Таким образом, употребленная фраза, с одной стороны, звучит нелепо, приводит к снижению общего значения: изначально «слова ассоциируются с именем Александра Невского как его личная, «историческая» фраза», цитируемая в качестве «наказания и предостережения на будущее поверженному или потенциальному агрессору» [Серов 2003]. С другой – такая трансформация ФЕ обусловлена самой ситуацией (что может стать основанием для отнесения такого варьирования к денотаторному), обесценивающей идею героизма и подвига: «сражение» превращается в стычку и происходит на свалке, у персонажей нет оружия – меча, но есть мяч. Такая мена приводит не столько к юмористическому, сколько к ироническому эффекту, а само событие на свалке становится уменьшенной моделью происходящего в целой стране, лишенного всякого смысла.

Нередко паронимия становится средством выражения юмора, балагурства или глума [Лихачев, Панченко, Понько 1984]. В романе «Теплоход

„Иосиф Бродский”» примером простонародного, грубоватого юмора может служить комментарий, сопровождающий появление в «Дебатах» политика Федора Васильевича Есаула: *«На Есаула, когда он вышел, зашикали. Кто-то, кажется, шляпа Боярского, негромко свистнул. Лысинка Жванецкого ехидно произнесла: „Казачок-то засранный!” – и все засмеялись»* («Теплоход „Иосиф Бродский”» 2010: 384). Угадывается связь с репликой из кинофильма «Неуловимые мстители». По свидетельству В. Серова, выражение *засланный казачок* «сложилось на основе двух фраз из фильма: „Засланный у тебя казачок... лазутчик” и „Батьков казачок, а выходит дело – засланный”. О неожиданно открывшемся предательстве, измене» [Серов 2003]. Мена компонентов ФЕ основана на паронимии. Таким образом, мы имеем дело с особой юморемой (по терминологии В.Д. Девкина) – окказиональным вариантом крылатого выражения, «отмеченным лингвистическим комизмом» [Бондаренко 2001: 76]: *засланный казачок* → *засранный казачок*.

Примечательно, что обычно смех вызывают «неожиданность слова, непредсказуемость дела. Основной источник смеха не действие, а слово. Слово, которое вызывает энергию действия» [Колесов 2008: 5]. Важно заметить, что своеобразие «прохановского» юмора состоит в том, что художественные образы людей в его прозе часто подобны уродливым отражениям в кривых зеркалах, а значит, юмор как добродушный смех связан в идиостиле А.А. Проханова с иронией и сатирой. Так, название телевизионной передачи «Момент истины» в этом же романе претерпевает изменения компонентного состава на основе паронимии. Ср.: *«Здесь их [Счастливого и Модельера – Е.А.] встретил распорядитель, который в миру был известен как тележурналист Крокодилов, автор программы „Минет истины”»* («Крейсера соната» 2010: 499).

Вполне понятно, что функции лексической субституции на основе паронимии заключаются не только в создании комического. Ее роль гораздо сложнее. В этом смысле следует вспомнить слова Е.И. Дибровой о языковой игре в художественном тексте, смысл которых справедливо можно отнести и

творчеству А.А. Проханова: реализация «образности, экспрессивности, эмоциональной оценочности ФЕ создает языковую игру в тексте художественного произведения и ярче высвечивает целеустановки (иллюксии) авторского повествования» [Диброва 2001: 358-425]. Действительно, результаты варьирования ФЕ в языке А.А. Проханова служат средством выражения его собственного отношения к тем или иным реалиям. Для примера обратимся к контексту романа «Теплоход „Иосиф Бродский“»: «— *Да это только начало! — с энтузиазмом воскликнули усы Михалкова, которые, едва отошел капитан Яким, заняли свое место рядом с Есаулом. — Сбывается замечательный „Национальный проект“, задуманный Никитой Сергеевичем. Сам он сейчас на съемке автобиографического фильма „Сервильный цирюльник“, он бы лучше вам рассказал. Но я кое-что знаю. Желаете, расскажу? — Усы Михалкова смотрели на Есаула выпуклыми глазами беспардонного плута и весельчака*» («Теплоход „Иосиф Бродский“» 2010: 376). В результате замены лексического компонента «сибирский» (из названия кинофильма режиссера Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник») на адъектив-парономаз «сервильный» в значении «рабски угодливый, раболепный» [Ушаков 2006: 924] в языке А.А. Проханова появляется название фильма «Сервильный цирюльник» — «автобиографического», по сатирическому замечанию героя А.А. Проханова, фильма режиссера «Никиты Сергеевича».

Название гротескового романа «Крейсера соната» А.А. Проханова представляет собой результат мены компонентов-парономасов: *крейцера* → *крейсера*. Сочетание *крейцера соната* является прецедентным (по терминологии Ю.Н. Караулова [Караулов 2003: 216]). Такое название получила соната № 9 для скрипки и фортепиано ля мажор, ор. 47 — одно из наиболее известных камерных произведений Людвиг Ван Бетховена, первоначально посвященное скрипачу Джорджу Бриджтауэру, который и стал её первым исполнителем. Но в печать соната попала с посвящением уже не Бриджтауэру, а Родольфу Крейцеру, считавшемуся первым солистом того времени. В литературе содержатся различные причины такого «перепосвя-

щения»: от ссоры Бетховена с Джорджем Бриджтауэром после премьеры музыкального произведения до большей популярности Крейцера в сравнении с Бриджтауэром [см., например: Слонимский 2002: 103]. Соната приобрела особую известность благодаря повести Л.Н. Толстого «Крейцера соната», многократно инсценированной и экранизированной.

В романе А.А. Проханова речь идет о столкновении американской подводной лодки «Колорадо» с крейсером «Москва» и последующей гибели российского судна. Основой сюжета послужила катастрофа атомного подводного ракетоносного крейсера «Курск» в августе 2000 года. От субстантива *крейсер* А.А. Проханов и образует адъектив *крейсера* в названии романа «Крейсера соната» – «гроссбуха», по определению Л.А. Данилкина, открывающемуся «увертюрой, посвященной собственно катастрофе „Курска”» [Данилкин 2007: 599].

В романе «Крейсера соната» замена лексического компонента происходит на основе паронимии взаимозаменяемых компонентов в составе ФЕ. Ср.: *«Вся бритоголовая масса заревела, зашевелила белыми страусиными яйцами, вскидывая вверх руки и выкрикивая: – Хайль!.. Жидов на мыло!.. И дым Освенцима нам сладок и приятен!..»* («Крейсера соната» 2010: 196). Выражение, звучащее из уст героя комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» Чацкого, впоследствии ставшее крылатым, *И дым Отечества нам сладок и приятен*, приобретает саркастический смысл в процессе создания А.А. Прохановым картины митинга нацистов.

Трансформирование ФЕ в прозе А.А. Проханова часто достигает саркастического эффекта: автор высмеивает обесценивание духовного начала в обществе, что вообще характерно для «галлюцинаторных» романов А.А. Проханова, в которых писатель «своими метафорами предлагает новое распределение предметов по категориям, новую таксономию мира» [Данилкин 2007: 455]. На основе игры слов происходит трансформация часто повторяемой фразы «такова воля Господа» в разговоре политиков о кандидате в президенты: *«Но уж видно, **такова воля Госдена**, если он поддерживает*

кандидатуру Аркадия Трофимовича» («Теплоход „Иосиф Бродский”» 2010: 156). Варьирование происходит на основе паронимии взаимозаменяемых лексических компонентов: *Господа* и *Госдепа*.

Средством создания комического часто является отступление от языковой нормы, приводящее к намеренному нарушению стандарта. Так, в романе «Господин Гексоген» наблюдаем искажение имени царицы Семирамиды в составе ФЕ *висячие сады Семирамиды* в значении „о чём-л. великолепном, прекрасном, чудесном” [БСРП 2007]: «...Мэр соорудил через Москву-реку магистральный бетонный мост, а старый, облицованный камнем, из утомленной от времени узорной стали, передвинул на новое место, к Нескучному саду... Подарил его москвичам как стеклянную, переброшенную через реку галерею, из которой открывался великолепный вид на воду. <...> Стеклянная галерея напоминала ботанический сад из-за обилия экзотических пальм, араукарий, лавров, магнолий... Проходящая мимо Белосельцева знаменитая актриса громко, желая привлечь внимание, произнесла: – **Висячие сады СеМЭР-амиды!** – и в ответ ей, дымя сигаретой, засмеялся известный парламентарий» («Господин Гексоген» 2010: 507). Комический эффект усиливается с помощью «буквенной» языковой игры: графическое внутрисловное выделение слова-морфемы *мэр* нарушает общепринятое правило написания имени царицы, поскольку языковая игра строится по принципу намеренного использования отклоняющихся от нормы и осознаваемых на фоне системы и нормы явлений. Примечательно, что создание мэром «стеклянной галереи» воспринимается А.А. Прохановым не как предмет высокого искусства, принесенный в дар жителям города, а как наглядный пример обычного «очковитирательства», один из способов «отмывания денег». Именно поэтому появление «висячих садов» в городе вызывает сатирический смех.

Рассмотренный пример может служить иллюстрацией к позиции В.И. Шаховского, исследовавшего социолингвистическую проблему связи языка и общества и утверждающего, что «языковая игра является социальным инструментом, поскольку посредством её возможно сознательное моде-

лирование определённых эмоций в извечной оппозиции «мы» (народ) и «они» (управленческие правительственные структуры)» [Цит. по: Симутова 2008: 4].

Фундаментом для многих трансформаций ФЕ является яркий контраст великого прошлого и ничтожного настоящего. Этот контраст достигается сопоставлением идей и образов. Именно поэтому в художественном мире А.А. Проханова мэр *Юрий Долгоухий* становится не просто комическим образом, но особенно жалким персонажем в результате сопоставления с великим князем Юрием Долгоруким. В результате паронимазии происходит мена компонентов: *Юрий Долгорукий* → *Юрий Долгоухий*. Ср.: «Мэр *Юрий Долгоухий* стянул замшевое кепи, и его смуглые кудри рассыпались за спиной, придавая сходство с благородным рыцарем» («Теплоход „Иосиф Бродский”» 2010: 91).

Таким образом, лексические субституции паронимического типа – достаточно распространенное явление в художественной прозе А.А. Проханова, позволяющее автору достигать комического (сатирического) эффекта. Тем не менее наиболее ярко в творчестве А.А. Проханова данный эффект достигается в результате варьирования компонентного состава ФЕ на основе антонимии.

Лексические субституции антонимического типа

К особому семантическому результату приводят лексические замены путем антонимической поляризации. Поскольку антонимия или антонимика – семантическая противопоставленность, противоположность [Ахманова 2005: 50], то преобразованная форма получает смысл, противоположный или контрастный тому, который имеет ФЕ в своем первоначальном виде.

Оппозиция народа и правительственных структур принципиально важна для А.А. Проханова, который, по замечанию В.В. Личутина, «может быть, <...> излишне сильно ударился в политику, но ему это, видимо, необходимо. Писательство и политика у А.А. Проханова крепко взаимосвязаны. Был бы

он домоседом, далёким от жизни государственной, то не был бы он таким ярким и сочным писателем» [Личутин 1998: ЭР].

Своеобразной кульминации языковая игра, основанная на антонимическом варьировании компонентов фразеологических сочетаний, как «социальный инструмент» достигает при создании А.А. Прохановым целой галереи портретов политических деятелей: *«Доклад „слабовиков” внезапным и не совсем обычным образом прервала дама, **Министр социальной беззащитности, нежности и любви...** Министр неполного образования не мог отмолчаться и произнес: „Многие знания умножают скорбь”, – при этом достал из короба заранее припасенного клопика и незаметно посадил за ворот **Министру путей разобщения. Министр бескультурья и материцины** заметил проделку соседа, но не выдал его... **Министр финансов и романсов** попытался рассказать, как ему, переодетому в стриптиз-жокея, удалось отсрочить выплату долгов „Парижскому ночному клубу”... **Министр разоруженный** самозабвенно танцевал дефиле, крутясь на загипсованной ноге. **Министр катастроф и паводков** рассек целлофановый мешок и выпустил дым сгоревшей тайги в нос **Министра путей разобщения**, от чего тот разом обмяк. **Министр бескультурья и материцины** старательно писал на стене слово из трех букв. **Министр болезней и эпидемий** вел непрерывные споры, в том числе и споры сибирской язвы («Крейсера соната» 2010: 358-359).* Комический эффект в приведенном контексте достигается посредством языковой игры, создаваемой различными способами. Так, *Министр социальной защиты* превращается в *Министра социальной беззащитности* на основе антонимической мены компонентов *защита – беззащитность* (как отсутствие возможности или желания обеспечить защиту кому-либо), что способствует созданию картины состояния абсурда или «помешательства». Ту же функцию выполняет замена компонента *сообщение* на *разобщение* в должности *Министра путей сообщений* и трансформация *вооружения* в *разоружение* в сочетании *Министр вооружения*. Заметим, что во всех приведенных примерах наибольшей семантической нагрузкой обладают приставки *без-, раз-* с се-

мантикой „отсутствие чего-либо”. Поэтому и *Министр культуры* превращается в *Министра бескультурия*, что девуалирует позицию писателя по отношению к современным чиновникам.

Особого внимания, на наш взгляд, требуют наименования *Министр катастроф и наводков* и *Министр болезней и эпидемий*. Для первого сочетания исходной единицей является *Министр чрезвычайных ситуаций*. В этом случае лексическая субституция *чрезвычайные ситуации* → *катастрофы и наводки* происходит на основе мены компонентов, вступающих в родовые отношения. Второй вариант образован от названия *Министр здравоохранения* на основе мены компонентов, выступающих в роли контекстуальных антонимов: *здравоохранение* → *болезни и эпидемии*. Отметим, что оба полученных варианта (и *Министр катастроф и наводков*, и *Министр болезней и эпидемий*) мы рассматриваем в контексте лексической субституции именно антонимического типа, т. к. данные ФЕ приобретают значение, противоположное исходному. Деятельность всех министров в художественном мире А.А. Проханова становится причиной появления и развития того, с чем на самом деле эти министры должны бороться.

Другим характерным для А.А. Проханова примером подобных трансформаций является пример, образованный как результат варьирования компонентного состава крылатого выражения *Мы наши, мы новый мир построим* [Берков 2009: 543]. Строчка взята из «Интернационала», который был признан «государственным гимном страны» – «молодой социалистической республики, возникшей после Октябрьской революции на обломках царской России» [Шулежкова 2012: 342]. Руководство вновь созданного государства, как отмечает С.Г. Шулежкова, «ориентировалось на мировую революцию», и поэтому признание «Интернационала» гимном «было вполне естественным» [там же]. Строящийся мир, однако, совсем не соответствовал представлениям о нем советского человека, мечтавшего о мире, в котором «кто был никем, тот станет всем». Поэтому у А.А. Проханова «новый мир» меняется на «новый ад», в котором окажутся вовсе не грешники, а святые: «Малеев держал

перед собой дрожащую тетрадь... – Большевики для русского человека святые врата доской забили и красноармейца со штыком поставили, а русский человек к Богу не через святые врата, а через черный ход доберется. „Мы свой, мы новый ад построим, кто был святым, тот будет в нем...” («Надпись» 2010: 232).

Лексические субституции на основе омонимии

В языке художественной прозы А.А. Проханова иногда появляются варианты ФЕ в результате мены компонентов-омонимов.

Ярким примером субституции на основе омонимии в романе «Крейсера соната», «любимой прохановской работе из „галлюцинаторных”, „сделанных в босхианской эстетике”» [Данилкин 2007: 617], служит «мена» существительного *грех* на омонимичную фамилию известного политика (в романе А.А. Проханова это персонаж, по фамилии Грех) в ФЕ *грех первородный*. Узуальное значение данной ФЕ – „основной, первоначальный грех, ошибка, от которой происходят все остальные” [БСРП 2007] – превращается в номинацию живого человека из правительства, олицетворяющего собой грехопадение всего государства. Ср.: *«На кафедре находился Министр экономики со странной фамилией Грех, которую он при знакомствах произносил с самоиронией, тут же прибавляя: «Грех первородный», – чем вызывал неизменные улыбки знакомцев»* («Крейсера соната» 2010: 203). В данном случае мена лексических компонентов основана на омонимии компонентов.

В «галлюцинаторных» романах А.А. Проханова одним из главных становится мотив всеобщего помешательства, коллективного «схождения с ума». Именно такая картина представлена в эпизоде, когда Роткопф лишает электричества один за другим регионы России, в том числе и Москву. ФЕ *и смех и грех* в значении „о чём-либо трагикомичном, одновременно и смешном, и грустном” [БСРП 2007] претерпевает замену компонентов, которые по отношению друг к другу синонимами не являются, но своеобразная омонимия которых «усматривается лишь на фразеологическом уровне», т. е. в пре-

делах ФЕ, где «субституты наделяются внутрифразовым смыслом благодаря утверждаемому сходству (отождествлению) замещающего и замещаемого» [Бондаренко 2011: 63-64]. Субстантив «грех» употребляется не в привычном значении „моральное зло, состоящее в нарушении действием, словом или мыслью воли бога” [Философский энциклопедический словарь 1983], а в качестве фамилии политика. Ср.: *«Погасла карта вокруг столицы, а вместе с картой погасли кремлевские звезды, <...> потухли телеэкраны, и на них как духи растворились одесские юмористы, что вызвало шок у москвичей. Тысячами люди повалили на улицу, на горбатый мостик, с гневными политическими лозунгами: «Жванецкого в Президенты!», «Патриарх, заступись за Карцева!», «Задорнов, будь задорней!», «И смех и Грех!»* Здесь имелся в виду *Министр экономики, обещавший гражданам смех по льготным тарифам* («Крейсера соната» 2010: 220). Если в первых трех лозунгах (также представляющих собой примеры языковой игры) звучат фамилии подлинных юмористов, то в последнем, представляющем собой русскую поговорку, – явное обращение к фамилии изображенного в романе политического деятеля, фамилия которого несколько изменена А.А. Прохановым, но вполне узнаваема. Такой «набор» лозунгов свидетельствует об ироничном отношении писателя к определенным «народным избранникам».

Денотаторное варьирование

Как справедливо замечает В.Т. Бондаренко, значение лексического варьирования ФЕ, основанного на отношении денотации, «до сих пор недооценивается по причине характера его проявления (речевого, контекстуального, окказионального)» [Бондаренко 2011: 63].

В то же время в практике индивидуально-авторской речи способ «приложения» ФЕ к единичному денотату (референту), базирующийся на лексической субституции, используется широко. Не становится исключением и художественная речь А.А. Проханова. Суть явления состоит в том, что «при желании или необходимости прямого обозначения актанта ситуации автор

высказывания опускает часть денотатора – лексический компонент с предметным значением, вводя на его место нужный по замыслу речевой денотатор» [там же].

Один из аспектов социально-политической ситуации – отношение к представителям еврейского народа – находит отражение в трансформации ФЕ *дети подземелья*, употребляемой в нескольких значениях: «1. Разг. О беспризорных, предоставленных самим себе детям. 2. Жарг. шк. Шутл.-ирон. Ученики, школьники. 3. Жарг. студ. Шутл.-ирон. Студенты в общежитии» [БСРП 2007]. Само сочетание пришло из адаптированного, изучаемого в советской школе варианта произведения В.Г. Короленко «В дурном обществе» – повести, превращенной в рассказ самим писателем с другим названием «Дети подземелья». В романе А.А. Проханова «Теплоход „Иосиф Бродский”» содержится пример лексического варьирования ФЕ на основе денотаторной мены компонента *дети* на *евреи*: «*Чуть в стороне, с независимым видом, семенили правозащитники одной из катакомбных организаций под названием: „Евреи подземелья”*» («Теплоход „Иосиф Бродский”» 2010: 526). В результате такого варьирования создается образ тайной, нелегальной организации, созданной еврейской диаспорой.

На основе пословицы *Не всё золото, что блестит* в значении «не все то, что ярко, что бросается в глаза, представляет настоящую ценность» [Жуков 1991: 205] в результате денотаторного варьирования компонентного состава возникает два новых фразеологических варианта: *Не всё белое, что снег* в «Крейсеровой сонате» и *Не всё то сон, что снится* в новом романе «Человек звезды». Ср.: «—...самое забавное произошло, когда несчастных пришел проводить Патриарх Хайлий Второй. Святейший забыл предупредить парней из Гринписа, что он эфиоп. И они посадили его в таз и долго терли мочалкой, полоскали в „Ариэле”, драили немзой, окунали в легкий раствор кислоты. И всё напрасно! Патриарх-мученик изрек: **«Не всё белое, что снег!..»** («Крейсерова соната» 2010: 370) и «— Наши вернутся, Ефремыч. Смотри на зарю, и увидишь серебряный звездолет с надписью „СССР”. Ты

говорил о героях, которые прилетят в звездолете. Теперь герои те, кто не пал духом, не изверился, не продался, ждет возвращения звездолета. Больше тебе не скажу. **Не все то сон, что снится**» («Человек звезды» 2012: 76). Трансформации ФЕ приводят к замутнению смысла речи героев в целом, с одной стороны, придавая ей таинственность, а с другой, – репрезентируя мотив всеобщего сумасшествия общества.

Денотаторное варьирование компонентного состава часто обусловлено ситуацией, в которой используется ФЕ. Так, ФЕ *Ни один волос не упадет с головы кого-либо* со значением „кто-либо будет в полной безопасности, совсем не пострадает” в романе «Господин Гексоген» изменяется в зависимости от ситуации, применительно к которой данная единица употребляется в речи героев. Например, в эпизоде с транспортировкой коллекции бабочек герои «Господина Гексогена» употребляют в своей речи трансформированную ФЕ, появившуюся как результат мены лексических компонентов: *волос на усик*. Ср.: «Утром духовный брат позвонил и сказал, что пришло время перенести коллекцию бабочек на заветную квартиру, куда, быть может, уже сегодня вечером нанесет визит Прокурор. <...> Когда коллекцию увезли, опять позвонил Гречишников. – Не тревожься, **ни один усик не упадет с головы твоих гренадеров...**» («Господин Гексоген» 2010: 143).

Пословица *Не в силе Бог, а в правде* [Даль 1989] подвергается денотативной трансформации в речи героев: в угоду политическим тенденциям один из ораторов на митинге заменяет ключевое во фразе слово *правда* на имя конкретного человека. Ср.: «Лидер „Справедливой России”, ещё недавно представлявший в одном эффектном телевизионном проекте Александра Невского, срываясь на фистулу, выкрикнул: „**Не в силе Бог, а в нашем президенте Артуре Игнатовиче Лампадникове**”» («Виртуоз» 2010: 556). Мена компонентов в составе УФ представляет собой денотаторное варьирование, при котором имя президента на месте субстантива «правда» в компонентном составе исходной единицы оправдано проводимой героями романа предвыборной агитацией.

Варьирование ФЕ в языке А.А. Проханова, источником которых является текст Библии, практически всегда приводит к созданию ситуации абсурда существования того или иного персонажа или всего общества в целом. Так, выражение *Время разбрасывать камни, время собирать камни* в значении „для каждого действия, события есть наиболее подходящий момент” [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 127] в романе «Теплоход „Иосиф Бродский”» в результате лексического варьирования, основанного на отношении денотации, принимает другой вид. Ср.: «– Сударыня, – постучал он [Савл Зайсман – Е.А.] в дверь ванной, за которой умолк шум воды. – **Время ложиться в ванну, и время вставать из ванной.** На этот нежный призыв появилась Луиза Кипчак» («Теплоход „Иосиф Бродский”» 2010: 454).

Другой пример – результат денотаторного варьирования компонентного состава ФЕ на основе мены компонентов (*коня* на «*Камю*» как обозначения сорта конька) – содержится в речи прорицателя из романа «Господин Гексоген». Здесь содержится аллюзия на «Песнь о вещем Олеге» А.С. Пушкина. Ср.: «– Скажи мне, кудесник, любимец богов, что сбудется в жизни со мною и скоро ль, на радость соседей-врагов, могильной покроюсь землёю? – Граммофончик, изрядно подшофе, держа рюмку с любимым „Камю”... преградил путь уходящему прорицателю, требуя к себе внимания. – Какова, милостивый государь, моя будущая доля? – **Но примешь ты смерть от „Камю” своего,** - едва слышно обронил прорицатель...» («Господин Гексоген» 2010: 531).

Крылатая фраза *Дайте мне точку опоры, и я сдвину Землю* [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000: 133] подвергается трансформации ради создания, с одной стороны, комического эффекта на основе лексической замены компонента, а с другой, – помогает создать образ персонажа – отца Льва. Ср.: «– Тебе нельзя в ресторан в таком виде. – Ерунда. Мой вид вызывает почтение. Вот увидишь, почтение к сану обеспечит нам достойные места в ресторане. – Он встал, пошатнулся, ухватился за край стола. – Важно найти точку опоры, архимедов рычаг. **Дайте мне рюмочку коньяка, и я пе-**

реверну весь мир» («Надпись» 2010: 632). В данном случае денотаторное варьирование обусловлено пристрастием отца Льва к алкоголю.

Фраза героя Ф.М. Достоевского о красоте, которая «спасет мир», в художественной прозе А.А. Проханова имеет самые разнообразные варианты, неизбежно вызывающие у читателя горький смех. Обратимся к тексту романа «Крейсера соната»: «— Не правда ли, председатель Совбеза Крышайло похож на крысу? — шутил один юморист. — **Крысота спасет мир**, — со смехом отвечал другой» («Крейсера соната» 2010: 83), «Глава **Министерства Внутренних Делишек** носил прозвище Крыша, ибо постоянно повторял на коллегии министерства: „**Крышата спасет мир**”» (там же: 356), «Мэр был лыс, и это давало повод любившим его повторять: «**Лысота спасет мир**» (там же: 318). Мы видим разнообразные примеры денотаторного варьирования компонентного состава ФЕ, которое всякий раз обуславливается ситуацией. Так, председатель Совбеза, похожий «на крысу», вносит в состав трансформированного крылатого выражения компонент «крысота»; если фразу произносит персонаж по фамилии Крыша, то появляется в составе ФЕ компонент «крышата»; фраза в устах мэра, который, по наблюдению А.А. Проханова, «был лыс», приобретает компонент «лысота». Каждый персонаж подстраивает форму и содержание фразы «под себя», постоянно повторяя получившуюся языковую единицу в своей речи, придавая таким образом особую значимость своей собственной персоне, наделяя себя самого «гениальностью». Нетрудно заметить ироническое отношение самого А.А. Проханова к своим героям такого типа. Кроме того, художественными персонажами-«сочинителями» подобных ФЕ всякий раз становятся не «простые смертные», а представители власти («председатель Совбеза», «глава Министерства Внутренних Делишек», Мэр). Они с легкостью не только произвольно трансформируют форму известного выражения, но и всякий раз придают ему новый, «свой» смысл, как бы подтверждая справедливость половицы *Закон, что дышло: куда повернул (повернешь), туда и вышло* [Жуков 1991: 123].

Как справедливо заметил В.З. Санников, «в „каламбурной упаковке” грубая непристойность становится допустимой шалостью, старомодная назидательность – мудростью, тривиальность – любопытным соображением и, наконец, откровенная чушь – загадочным глубокомыслием» [Санников 1995: 59]. Так, существительное *смех* на месте прежних компонентов – *свет* (в названии телепередачи «Вокруг света») и *слово* (в библейской крылатой фразе) раскрывает мотив всеобщего помешательства, коллективного «схождения с ума», который является постоянным в «галлюцинаторных» романах А.А. Проханова: *«В машине с цистерной на табло загорелась надпись: „Вокруг смеха”... Газ из цистерны под мощным давлением хлынул в вентиляционный люк. <...> Модельер и Счастливчик наблюдали по телевизору воздействие на людей веселящего газа. И если Счастливчик от ужаса закрывал глаза руками и горестно вскрикивал, то Модельер победно вскакивал, подносил к алым разгоряченным губам стакан с чинзано, приговаривая: – В начале всего был смех, и смех был у бога, и смехом был бог»* («Крейсера соната» 2010: 546).

Трансформация компонентного состава в крылатом выражении из Ветхого Завета «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», а именно – замена существительного «Слово» на «смех» через иронию выражает отрицательное отношение автора к современным телевизионным развлекательным передачам, создатели которых стремятся рассмешить зрителей во что бы то ни стало. Низкое качество таких передач и вызывает критическое отношение А.А. Проханова, что является причиной подобных трансформаций. Сам А.А. Проханов именует такой способ изображения действительности «метафизической работой, в которой исчезает обнаженная, голая политика, она закрыта этими разноцветными оболочками, кабелями, она вся сверкает, и весь роман похож на такую елку новогоднюю...» [Данилкин 2007: 617].

Таким образом, смех, вызываемый средствами фразеологии, в романах А.А. Проханова способствует раскрытию писательского замысла и индиви-

дуально-авторской картины мира. Трансформированные ФЕ, наделенные в этом случае преимущественно ироническим и сатирическим содержанием, участвуют в создании системы художественных образов прохановских героев и антигероев, представляющих в своем взаимоотношении противопоставление должного, по мысли писателя, и существующего человеческого мира.

Однако лексическая субституция не всегда приводит к комическому эффекту. Так, в повести «Иду в путь мой» трансформации подвергается ФЕ *бросать деньги на ветер*. Компонент «на ветер» меняется на компонент «в реку» на основе денотации: «— *Телеметрическая система последнего выпуска, — говорил начальник проекта. — Гораздо лучше американской. — Ещё бы! Она и должна быть лучше! — „Онега” лучше, товарищ генерал. По всем показателям. На порядок точнее. <...> — Вашу систему ждет армия. Испытания пройдут успешно. От этого зависит, дадут ли деньги. Система должна пойти. Это, надеюсь, всем ясно? — Пойдет, товарищ генерал, — сказал начальник проекта. — Не сомневаюсь. — Её можно финансировать. — Финансировать, говорите? Смотрите, **не выбросьте деньги в реку.** — Это — золотоносная река, товарищ генерал, — тонко улыбнулся начальник проекта*» («ОКО» 2003: 114). В данном случае компонент «река» обозначает вовсе не «водную артерию», а «Онегу» — телеметрическую систему последнего выпуска, новую, еще не известную простым людям, которые относятся к нововведению с недоверием и не желают бросать деньги на «Онегу».

В том же первом сборнике А.А. Проханова «Иду в путь мой» в рассказе «Петров крест» наблюдаем трансформацию пословицы *Журба твоя часовая, гульба моя вековая* со словом журба в значении „печаль, горе, кручина” [Даль 1989]. Ср.: «*Гульба по деревне качает столы, звенит зеркалами, стеклами... — Помню, покойный Назар Григорьевич, когда германская началась, собрал нас и говорит: „Вы, ребята, знайте — **немецкая журба часовая, а русская гульба вековая**”*» («Петров крест» 2003: 200). Замена лексем-местоимений *твоя* и *моя* на адъективы *немецкая* и *русская* приводит к кон-

кретизации значения, актуального в рамках разговора героев о «германской войне».

Идея цикличности истории Государства Российского, отраженная в романе «Пятая империя», становится причиной трансформации фразы *Король умер! Да здравствует король!* С этими словами во Франции обращались к народу, извещая его о смерти короля и вступлении на престол нового. Употребляется в иносказательном смысле – о старых порядках в новом виде [Михельсон 2004]. В романе «Пятая империя», в центре внимания главного героя Сарафанова, а значит, и самого писателя, стоит теория бесконечного развития Государства Российского, неоднократной в истории России смены Империй. Ср.: *«Неодолимы очистительные силы истории. Благославенны свалки отходов. Бесконечна синусоида русской государственности. „Империя умерла, - да здравствует Империя!“»* – так философски размышлял Сарафанов...» («Пятая империя» 2010: 408). Примером варьирования компонентного состава ФЕ на основе денотации являются изменения в компонентном составе лозунга *Пролетарии всех стран – соединяйтесь!* Говоря словами С.Г. Шулешковой, «новые реалии должны были породить новые лозунги, объединяющие граждан» [Шулешкова 2012: 341], к сожалению, и такие: *«Вышел подтянутый, в военном френче, с офицерскими усиками человек: – ...Националисты всех стран – соединяйтесь!»* («Русский» 2011: 276).

Уточнение значения ФЕ путем смены лексического компонента наблюдаем в романе «Человек звезды». Речь идет о преобразовании фразеологизма *каши не сварить [с кем]* в неодобрительном значении «не сговоришься, не сделаешь какого-либо дела с кем-либо» [Бирх, Мокиенко, Степанова 2005: 296]. Изначально выражение связано с древним ритуально-обрядовым назначением каши и процессом ее приготовления. Совместное приготовление обрядовой еды свидетельствовало о желании участвовать в делах всей общины, вкладывать свою долю в общий «котел». Человек, не желающий участвовать в общем обрядовом действе, считался чужим и ненадежным. Отсюда – осуждение, сохранившееся в форме и содержании фразеологизма [там

же]. Герой А.А. Проханова в своей речи меняет конкретизатор в структуре ФЕ, уточняющий информацию не о том, с кем нельзя сварить каши, а где именно это не получится сделать. Ср.: «За ним [Дубковым – Е.А.] выступал местный олигарх Андрей Витальевич Касимов: – ... Я вам честно скажу, господа, я устал от всех вас. **Кашу в России не сварить**, уеду в Англию. У меня там дворец, а в нем сто десять комнат, два бассейна, шестьсот семь слуг» («Человек звезды» 2012: 304).

Таким образом, трансформация компонентного состава ФЕ является продуктивным типом варьирования в языке А.А. Проханова. В результате трансформаций такого характера приобретается или усиливается пародийно-сатирическое звучание ФЕ, что способствует раскрытию авторской позиции по отношению к своим персонажам и повествованию в целом. С другой стороны, лексическое варьирование ФЕ бывает обусловлено ситуацией, в отражении которой фразеологизм принимает участие. Кроме этого, замена писателем фразеологических компонентов и ФЕ, которые в результате этой замены появляются, способствуют раскрытию идейно-художественного своеобразия произведения.

2.2.2.2 Грамматическое варьирование фразеологизмов

Функционирование ФЕ в речи в разнообразных формах их существования служит подтверждением их предрасположенности к различным грамматическим изменениям. Объясняется это самой фразеологической природой: в ФЕ «скрыта живая синтаксическая среда, пронизанная многоразличными синтаксическими потенциями» [Амосова 1961: 12].

В данном параграфе будут проанализированы фразеологические варианты с различными видоизменениями грамматических характеристик компонентов – формальной стороны ФЕ, не затрагивающей ее фразеологического (дескриптивного значения). В.Т. Бондаренко, говоря о грамматическом варьировании УФ, различает собственно грамматическое (формальное) и

структурное (структурно-грамматическое) варьирования. Первый тип соответствует формоизменению УФ, т. е. «основывается на понятии грамматической формы», второй тип «охватывает изменения (преобразования) УФ, связанные с их синтаксическим построением» [Бондаренко 2011: 71]. Вслед за Е.И. Дибровой и В.Т. Бондаренко мы различаем два вида грамматического варьирования: формообразующее и неформообразующее [Диброва 1981; Бондаренко 2011]. Формообразующее варьирование – это парадигматическое варьирование, в результате которого появляются формообразующие варианты, основываясь на реализации грамматических категорий. Неформообразующее варьирование ФЕ ведет к возникновению формальных вариантов с нейтрализованными грамматическими значениями.

Формообразующее грамматическое варьирование представлено различными видами, среди которых выделяют модальное варьирование, варьирование форм времени, осложненное модально-временное варьирование, варьирование форм лица, числа и рода, варьирование УФ по цели высказывания [Бондаренко 2011].

Фразеологическую трансформацию на основе вариации числа существительного наблюдаем в отношении ФЕ *большой человек* в значении „лицо, занимающее значимое социальное положение“. В результате варьирования образуются супплетивные единицы. Ср.: «– *Я вам должен сообщить о характере груза. – Татьянушкин, поддев его локоть, отвел Калмыкова в сторону, под плоскость крыла. – Это люди. **Большие люди**. Из афганского руководства*» («Дворец» 2010: 716) и «– ... Эх, кабы не война, был бы ты теперь *герой, **большой человек***» («Иду в путь мой» 2003: 138).

В романе «Последний солдат империи» глагол в составе УФ *Любишь кататься, люби и саночки возить* употребляется в форме изъявительного наклонения 1 лица и множественного числа в будущем времени, а не в форме 2 лица единственного числа, как в исходном варианте пословицы. Ср.: «– *Мальчики, это наша знаменитость, доктор Адамчик... Он вам сделает укольчик... У вас тотчас вырастут крылышки. И вы станете летать на эк-*

ране... – ... Доктор, превратите этих сонных карликов в великанов. Доктор открыл саквояж. Извлек из него флакон с желтоватой жидкостью... Пронзил иглой резиновую пробку флакона. Сосал целебный настой. Вытащил иглу и брызнул вверх летучим фонтанчиком. – Ну те-с, молодые, талантливые, – по-отечески обратился Адамчик к музыкантам. – Будем кататься, будем саночки возить» [«Последний солдат империи» 2010: 102].

Грамматическое варьирование ФЕ является для А.А. Проханова менее продуктивным, что связано с природой самого процесса: ориентированность на формальные изменения фразеологизма при сохранении его семантики. Напротив, для писателя более важным является смысловое содержание фразеологизмов, а их индивидуально-авторское варьирование в большинстве случаев обусловлено необходимостью тех или иных изменений значения ФЕ.

2.2.2.3 Количественное преобразование компонентного состава фразеологизмов

Наряду с изменением компонентного состава ФЕ и грамматическими видоизменениями фразеологизмов в языке А.А. Проханова нередко обнаруживается изменение количественно-компонентной характеристики ФЕ, выделяемое рядом ученых в отдельный тип фразеологического варьирования (Н.М. Шанский [1985], А.В. Кунин [Кунин 1971], В.Н. Телия [1972], В.Т. Бондаренко [1995, 2011] и др.). Фразеологами подчеркивалась противоположная направленность процессов количественного изменения ФЕ: сужение и расширение числа фразеологических компонентов. Вслед за В.М. Мокиенко эти две тенденции в сфере фразеологического варьирования обозначим соответственно терминами «имплицитность» (стремление к уменьшению лексической протяженности) и «эксплицитность» (стремление к увеличению лексической протяженности) [Мокиенко 1980]. Сущность первого процесса состоит в устранении компонентов, суть второго – в их добавлении. При этом количественное варьирование не сводится только к формаль-

ной стороне дела, предполагающей, что план выражения фразеологизма не нарушает его семантического тождества. Квантитативное варьирование может иметь и качественный характер, приводя ФЕ к семантическому обновлению [Бондаренко 2011: 104].

Основной причиной подобных изменений является раздельнооформленность единиц, асимметричность фразеологического знака, в структуре которого – дискретное означающее и единое означаемое. Причина сокращения компонентного состава – стремление ФЕ к большему экспрессивному эффекту, который вызывает редуцированная ФЕ по сравнению с ожидаемым полным фразеологизмом. Под эксплицированием понимается тенденция фразеологических единиц к увеличению числа компонентов путем введения факультативных и последующего закрепления их в составе фразеологизма. Процессы эксплицирования и имплицирования действуют во фразеологической системе одновременно.

Компоненты, принимающие участие в данных процессах, структурно неоднородны, и их можно разделить на две группы:

1. Простые компоненты (слова).

2. Сложные компоненты (со структурой словосочетания или предложения). Сложные компоненты рассматриваются как единое целое, а не как сумма простых компонентов, т.к. значение фразеологической единицы не равно сумме значений компонентов. Данное положение является основой структурного разделения единиц. Например, семантика ФЕ *заметь следы* в значении „уничтожать то, что может стать доказательством проступка, преступления, вины; скрывать улики” [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 642] в романе «Дерево в центре Кабула» получает вполне конкретное уточнение. Ср.: «– *Прошу вас, не обращайтесь к Чичагову, – сказал Имбирцев. – Хочу во всём разобраться. Следы буду заметить кровавой метлой*» («Дерево в центре Кабула» 2010: 506). Употребляемую писателем ФЕ можно считать результатом контаминации фразеологизмов *заметь следы* и *грязной (поганой) метлой* в значении „грубо, бесцеремонно (гнать, разгонять и т. п. кого-

либо)» [ФСРЛЯ 2008] в совокупности с лексической субституцией (*поганой метлой* → *кровавой метлой*). Контаминацией называется «взаимодействие языковых единиц, соприкасающихся либо в ассоциативном, либо в синтагматическом ряду, приводящее к их семантическому или формальному изменению или к образованию новой (третьей) языковой единицы» [Ахманова 2005: 206]. В данном случае контаминация ФЕ приводит к соединению двух значений: „уничтожать то, что может быть доказательством или уликой” и совершать это „грубо, бесцеремонно”.

Контаминации подвергаются ФЕ *выбиться в люди* в значении „с большими усилиями, стараниями добиваться хорошего, прочного положения в жизни, обществе” [ФСРЛЯ 2008] и *большие люди* в романе «Теплоход „Иосиф Бродский”». Употребление полученной ФЕ способствует усилению эмоциональности и интенсивности значения ФЕ. Герой во всех отношениях стал именно *большим человеком*: и по социальному статусу, и по материальному благосостоянию, и по собственно человеческим качествам. Ср.: «— Франц, — обратился к нему Есаул. — Я продолжу мысль, которую не успел тебе высказать во время дарения подарка. Ты русский человек, плоть от плоти народа. Ты **выбился в большие люди**, стал богачом, угольным олигархом, но сохранил русскую душу» («Теплоход „Иосиф Бродский”» 2010: 132).

Другой разновидностью количественных изменений компонентного состава ФЕ является вычленение фрагмента из их состава. Некоторые фразеологи (например, В.М. Мокиенко) относят такое явление к эллиптированию ФЕ. Однако, как отмечает В.Т. Бондаренко, «нельзя не увидеть, что при всей внешней схожести такого процесса количественного изменения» с явлением эллипсиса «мы имеем дело уже с иным способом фразеологического имплицирования <...>». Особенность данного типа изменения по протяженности состоит в том, что оно не является следствием специфической избыточности плана выражения УФ, результатом экономии сегментных средств по принципу „часть вместо целого”. Ведь вариант, выделяемый из состава фразы, не воплощает в себе целостную семантику всей ФЕ, а передает лишь одно

из понятий (смыслов), входящее в пропозитивное содержание УФ или тесно связанное с ним» [Бондаренко 2011: 112].

Примеры вычленения фрагмента из компонентного состава ФЕ содержатся в речи героев А.А. Проханова. Фразеологизм *пройти все круги ада* в значении „испытать невероятные трудности; выдержать тяжёлые испытания” [ФСРЛЯ 2008] в романе «Русский» становится *кругами Дантова ада* (пример расширения компонентного состава ФЕ): «— В Курской области есть старый карьер огромных размеров, откуда уже вычерпали всю железную руду. <...> Керим Вагипов купил этот заброшенный карьер и хочет создать в нем то, что я назвал „Русским адом”. Это будет суператтракцион, магический театр и, если угодно, своеобразный храм, в котором люди приближаются к Богу не из небесной лазури, а из черной магмы земли. <...> Ярусы этого храма сужаются к центру земли по спирали, и на каждом ярусе происходит своя мистерия, как **в кругах Дантова ада**» («Русский» 2011: 130).

Примеры количественного варьирования можем найти во многих произведениях А.А. Проханова, начиная с романа «Красно-коричневый», который критики причисляют к «православной» литературе, сравнивая А.А. Проханова с Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым [Евдокимова 2009: 18]. В центре романа личность и судьба современного праведника и рыцаря в одном лице — генерала Белосельцева. Он, человек с тонкой душевной организацией, богатым духовным миром, нередко соприкасается с элементами народной культуры Родины: «*Старухи долго пели песни. За это время Белосельцеву показалось, что он прошел по бескрайним пространствам, по прозрачной, бесплотной лазури и вернулся сквозь **игольное ушко** обратно в земную жизнь*» («Красно-коричневый» 2010: 462). Взяв во внимание, во-первых, особенности писательской манеры А.А. Проханова (вспомним важную роль, которую автор отводит душе человека практически в каждом своем романе: «Виртуоз», «Дерево в центре Кабула», «Идущие в ночи», «Крейсерова соната» и другие) и, во-вторых, характерные черты образа самого Белосельцева,

можем утверждать, что в приведенном выше эпизоде главный герой в мыслях переносится в мир иной, в так называемый рай. Сочетание *«игольное ушко»* отсылает нас к известному обороту, части евангельского изречения *«удобнее верблюду пройти сквозь **игольные ушки**, нежели богатому войти в Царство Божие»* [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000: 246]. В данном случае употреблена не целая устойчивая фраза, а только ее часть, эквивалентная по структуре фраземе, что представляет собой пример изменения количественного компонентного состава ФЕ, т. е. количественного варьирования. Образование субстантивной фраземы *«игольное ушко»* происходит в результате расщепления устойчивой фразы на фразеологические части, получающие в тексте самостоятельное употребление [Бондаренко 1995: 135].

В обращении к начальнику строительства Дронову его заместитель Горностаев говорит: *«... Эффект управления последнего месяца был достигнут не в русле „Ока“, а благодаря нашим с вами бессонным ночам, нашему с вами надрыву. Мы протянули стройку сквозь **узкое место**, протолкнули **верблюда** сквозь **игольное ушко**, и теперь **верблюды** несколько недель будет идти спокойно, а потом опять упрется в **иголку**, и снова начнутся наши с вами бессонные ночи: будем обрывать телефоны, стучаться в медные лбы наших субподрядчиков»* («ОКО» 2010: 325). В данном контексте мы наблюдаем процесс, близкий по своему характеру к процессу реализации метафоры. Этим терминов обозначают стилистическое явление, представляющее собой новое осмысление выражения, имеющее порой юмористический и даже гротескный оттенок [Квятковский 1966].

ФЕ *узкое место* имеет значение *„наиболее слабая, уязвимая сторона какого-либо дела“* [ФСРЯ 1967: 246]. В «Большом словаре русских поговорок» читаем: *Узкое место* – недостаток в слабых звеньях производственного процесса, ведения хозяйства [БСРП 2007: 318]. В то же время *«игольное ушко»* в данном случае, функционируя в контексте как уточнение (или синоним) *«узкого места»* лишается в своей семантике *«библейского»* элемента: значение словосочетания не связывается больше с переходом в мир иной, в

рай, а сам фразеологизм произносится в разговоре людей, далеких от религии, поглощенных производственными, строительными и технологическими вопросами. Например, герой романа Горностаев произносит: «... *Синдром Чернобыля действительно имел место, но он преодолен. Сейчас мы пойдем на станцию, и вы лучше почувствуете наши сложности, наши **узкие места** и, надеемся, поможете нам, как всегда помогали!*» («ОКО» 2010: 9).

Начальник строительства Дронов, обращаясь к замминистра, показывает «взаимосвязь» понятий *«игольное ушко»* и *«узкое место»*:

– *Вот, Афанасий Степанович, наше **узкое место**. – Начальник строительства Дронов ничего не скрывал, но и ни в чем не винился. Просто показывал **узкое место**, одно из многих, в которых застряла стройка. **Игольное ушко**, в которое проталкивали упиравшуюся многогорбую станцию* («ОКО» 2010: 16).

Включая в текст определенный фрагмент ФЕ, говорящий сужает фразеологическое значение. Так, фразеологизм *купить kota в мешке* подвергается сокращению компонентного состава (имплицированию) в речи героев романа «Крейсера соната». ФЕ *купить kota в мешке* означает „приобретать что-либо, не видя, не зная заранее ничего о качестве приобретаемого” [ФСРЛЯ 1967: 337]. В контексте А.А. Проханова происходит вычленение фрагмента из состава ФЕ, при котором «вариант, выделяемый из состава фразы, не воплощает в себе целостную семантику всей ФЕ, а передает лишь одно из понятий (смыслов), входящее в пропозитивное содержание» фраземы или «тесно связанное с ним» [Бондаренко 2011: 112]: *купить kota в мешке* → *кот в мешке*. Ср.: «– *Убери руки, дура, - сказал он [Арби – Е.А.] женщине. – А вот мы сейчас устроим тебе **kota в мешке**. Женщину посадили в мешок, завязали сверху тесьмой и вынесли наружу. Солдаты оцепления, толпа с биноклями, окружившая Дворец, Счастливчик и Модельер ... долго не могли понять, что за странный кенгуру скачет по улице, издавая из дерюжного мешка истошные крики: «Свободу малому и среднему бизнесу!.. Развяжите меня, я хочу видеть этого человека!..»* («Крейсера соната»

2010: 527). В данном контексте рассматриваемый фрагмент фразеологизма приобретает совершенно иное значение: происходит своеобразная буквализация значения. По-видимому, употребление данной ФЕ в этом случае призвано передать эффект неожиданности от действий людей, не отличающихся особой честностью, с применением грубой физической силы по отношению к другому человеку. Целью его употребления в нетрадиционном значении становится создание нелепой, практически гротесковой, ситуации.

Из состава другого фразеологизма – *без царя в голове* в значении „о взбалмошном, глупом, пустом, неосмотрительном человек, не умеющем управлять собой” [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 738] – вычленяется компонент *царь в голове* в значении „ум”. Ср.: «–... Ты всё царя Николая вспоминаешь, а **царь** должен быть **в голове**» («Виртуоз» 2010: 158); «Зеркальцев был изумлен. Его поразили слова председателя, в которых сверкнула истина. Монахиня, „заря алая”, которую должны насильно постричь, чтобы она предвосхитила царя, была не монахиней вовсе, не женой премьера Хлебопекова, а сельхозартелью, которую суждено возродить, чтобы у людей вновь появился „**царь в голове**»» («Алюминиевое лицо» 2011: 77).

Другой пример количественного изменения состава ФЕ появляется при создании А.А. Прохановым образа одного из министров в романе «Крейсера соната». Речь идет об эксплицированном изменении: *Министр образования* → *Министр неполного образования*. В.Т. Бондаренко, говоря о фразеологическом варьировании УФ в синтагматическом аспекте, относит подобные трансформации к примерам распространения компонентов ФЕ [Бондаренко 2011: 125]. Полученная единица – результат расширения компонентного состава исходной ФЕ путем добавления компонента «неполного»: «**Министр неполного образования** не мог отмолчаться и произнес: „Многие знания умножают скорбь”» [«Крейсера соната» 2010: 358]. В данном контексте раскрывается авторская позиция: А.А. Проханов дает оригинальную оценку некомпетентным действиям в сфере образования. Адъектив «неполное» несет уточняющее значение, сатирически объясняя, какое именно образование по-

лучил сам Министр образования и какое по своему качеству образование сегодня является приоритетным.

Другой пример трансформации компонентного состава фразеологизма связан с изменением УФ *Худой мир лучше доброй ссоры*, распространителем для которой в романе «Господин Гексоген» становится дополнение, выраженное существительным с предлогом *с Чечней* (*Худой мир* (с кем? с чем?) *лучше доброй ссоры*): «— Мы все здесь „государевы люди“, готовы головы сложить за Отечество, но берусь утверждать, что **худой мир с Чечней лучше доброй ссоры**, и дело здесь не в статусе Ичкерии и не в слабости Москвы, а в том, что перестали гибнуть люди, а это самое главное...» («Господин Гексоген» 2010: 322).

Среди количественных изменений компонентного состава ФЕ в языке А.А. Проханова встречается эллипсис – явление, заключающееся в опущении единиц плана выражения фразеологизма при сохранении плана его содержания [Ренская 1983: 31]. Пример такого количественного варьирования ФЕ *вернемся к нашим баранам* содержится в речи героя романа «Господин Гексоген». Этой фразой в фарсе «Адвокат Пьер Патлен» «судья прерывает речь богатого суконщика. Возбудив дело против пастуха, стянувшего у него овец, суконщик, забывая о своей тяжбе, осыпает упреками защитника пастуха, адвоката Патлена, который не уплатил ему за шесть локтей сукна. Выражение это применяется к тому, кто чрезмерно отвлекается от основной темы своей речи» [Берков, Мокиенко, Шулешкова, 2000: 72]. В контексте романа А.А. Проханова происходит эллиптирование ФЕ: *вернемся к нашим баранам* → *к нашим баранам*. Ср.: «Лосиха лежала посреди двора. <...> Зверя четвертовали, разбрасывали вокруг куски ног, грудину, хребет... Гречишников, жадно запивая обжигающую рот печень стаканом холодного пива, сказал: – Теперь от наших лосей **к нашим баранам**. – Он весело и любовно взглянул на Белосельцева. – Тебе особая благодарность от Избранника. Он восхищен проведенной операцией. Сказал, что она войдет в историю новейшей русской разведки» [«Господин Гексоген» 2010: 224].

Таким образом, фразеологическое варьирование в языке А.А. Проханова отличается ярким разнообразием содержания, формы и реализуемых функций.

2.3 Окказиональная фразеология А.А. Проханова

Термин «окказиональный фразеологизм», образовавшийся по аналогии с термином «окказиональное слово», используется для называния авторских фразеологизмов. Если понимать под окказиональным всё то, что не соответствует общепринятому употреблению, носит индивидуальный характер, то и окказиональные фразеологизмы следует определять как единицы своеобразные, нетипичные, не встречающиеся в широком употреблении [см.: Третьякова 2011].

Окказиональные ФЕ отличаются от узувальных формой и содержанием, утрачивают дифференциальные признаки, свойственные всем фразеологизмам как языковым единицам, и приобретают новые. Устойчивость формы и содержания, сохранение в памяти носителей языка и воспроизводство в речи оказываются несвойственными окказиональным фразеологизмам. Напротив, они «не знаемы носителями языка, не содержатся в их памяти в устойчивой форме с устойчивым значением, а следовательно не воспроизводятся в речи, не повторяются устойчиво в речи говорящих» [Третьякова 2011: 18]. Окказионализмы как «чисто речевое явление» не принадлежат языку: они не воспроизводятся, а творятся для каждого конкретного случая употребления.

А.Г. Лыков, говоря о природе русского окказионального слова, отмечает, что «для канонического слова конкретный акт его употребления – это лишь один из случаев речевой реализации этого слова. Для окказионализма же каждый конкретный акт его употребления является единственным случаем его речевой реализации. Свойство воспроизводимости – важнейший отличительный признак канонического слова; свойство творимости – важнейший отличительный признак окказионального слова». Окказиональное слово

– это «речевая экспрессивная единица, обладающая свойствами невоспроизводимости, ненормативности, номинативной факультативности и словообразовательной производности» [Лыков 1976: 36]. Он подчеркивает, что «необычность», «диковинность» – вот постоянный признак окказионализма. Но такая позиция справедлива только по отношению к окказиональному слову. Вопрос о природе окказионального фразеологизма гораздо сложнее.

Во фразеологии существует точка зрения, согласно которой фразеологические инновации, так же как окказиональные слова, «являются единицами речи и отличаются „творимостью“ в том или ином речевом акте, что позволяет называть их „индивидуальными“ или „речевыми“». Данные образования формируются в конкретном тексте, не входят, как правило, в систему языка и соответственно не фиксируются словарями» [Еременко 1988: 140]. Однако, по справедливому замечанию Ю.В. Архангельской, «в таком подходе есть элемент противоречия. Ведь если мы считаем какую-либо единицу фразеологической, то мы тем самым признаем ее воспроизводимой, а не творимой, так как воспроизводимость, наряду с устойчивостью и раздельнооформленностью, называется большинством ученых определяющим свойством ФЕ» [Архангельская 2008: 118].

Вслед за Ю.В. Архангельской мы будем относить к окказиональной фразеологии единицы протяженностью более слова, обладающие определенным устойчивым значением, не выводящимся из значений составляющих их компонентов, и неоднократно употребляющиеся (воспроизводимые) одним автором.

Отношения между узуальным и окказиональным употреблением единицы языка связаны с отношениями, существующими между нормативным и ненормативным их использованием. «Вопрос об окказиональности и окказионализмах стоит на перекрестке вопросов о норме и системе, об актуальности (реальности) и потенциальности» [Ханпира 1972: 245].

Индивидуальное у писателя осуществляется в пределах стилистических традиций языка. Но каждый талантливый художник выступает и как новатор,

прокладывающий дальнейшие пути развития языка художественной литературы. «Писатель – носитель и творец национальной культуры речи. Пользуясь общенародным языком своего времени, он отбирает, комбинирует и, в соответствии со своим творческим замыслом, объединяет разные средства словарного состава и грамматического строя своего родного языка» [Виноградов 1954: 17]. Одним из многих и плодотворных приемов, применяемых при этом, является образование окказиональных ФЕ. Однако при частом употреблении инновации из индивидуальных превращаются в типичные явления и получают право гражданства в стилистике литературного языка [Galperin 1970: 28]. Критерием для определения индивидуального в языке художника в таких случаях служит его своеобразие по отношению к стилистической манере письма других писателей-современников.

Разумеется, создание той или иной окказиональной ФЕ должно в каждом случае соответствовать индивидуальной задаче, которую ставит перед собой автор, обязанный «внутренне, эстетически оправдать свои речевые новшества...» [Виноградов 1959: 184].

Талант А.А. Проханова, по словам В.Н. Яранцева, «ярче всего проявляется в чрезмерности. У него не метафора, а целая колоннада, не образ, а карикатура или плакат, не теория, а утопия» [Яранцев 2008: 2]. И в добавление: прохановский язык отличается многообразием ФЕ, значительную долю из которых составляют индивидуально-авторские, среди которых выделяется ряд ФЕ с компонентом-адъективом «красный». На наш взгляд, наиболее сконцентрировано, но в то же время полно и ярко отношение писателя к этому цвету выражено в строках стихотворения А.А. Проханова, которое называется так же, как и роман из цикла «Семикнижие», – «Красно-коричневый». Ср.: «Я — *красный*. Я — с *коричневым оттенком*. / Я тот, которого ногами вы лягали. / Но я живой. Я вышел из застенка, / Где вы на лбу звезду мне выжигали. / Я *красный* — в ранах *кровь* моя горяча, / *Коричневый* — она уж запеклась. <...> / *Коричневая* русская икона. / На ней *краснеют* крылья и покровы. / Мне свят и дорог *цвет* ее *исконный*. / То *цвет* России, *обагрённой кро-*

вью» [курсив наш – Е.А.] [Проханов 2011: ЭР]. В этом смысле показательной становится еще одна строчка стихотворения: «*Дворец горел, как траурная роза*» [там же]. Красный цвет для А.А. Проханова – это не только цвет с особым оттенком: красно-коричневый, темный, траурный, местами близкий к черному. Это особый символ с широким значением, имеющий место в личном мировоззрении писателя и на исторической арене, в мирной России и в годы военных конфликтов, «эпоху революций и войн» [Проханов 27.05.2013: ЭР].

Бесспорно, окружающий мир воспринимается в цвете и познается первоначально посредством органов чувств. И.-В. Гете писал, что «цвет является символом самого человека, его мыслей с литературной и психологической точки зрения» [Цит. по: Глушик 2002: 31]. ФЕ с «символами-колоративами» отражают, во-первых, специфику народного мировосприятия. Одно из значений прилагательного «красный» – «имеющий окраску одного из основных цветов спектра, находящегося между оранжевым и фиолетовым» [МАС 1999]. Красный цвет привлекает внимание, свидетельствует о возможной опасности, угрозе (вспомним красный запрещающий цвет светофора). Ср.: Красная книга – «список редких и находящихся *под угрозой* исчезновения животных и растений всего мира» [МАС 1999]. Именно такой семантикой наделен рассматриваемый нами компонент в составе узуальной фраземы *Красная книга*, употребляемой в языке Проханова.

Кроме этого, адъектив «красный» обладает переносными значениями: «употребляется как постоянный эпитет; красивый, ясный, светлый» или устаревшее обозначение с семантикой «парадный». Речь идет об узуальных ФЕ *Красная Москва* и *Красная площадь*, которыми пестрят страницы романов А.А. Проханова, народно-поэтическом эпитете *красное солнышко*, употребляемом писателем при упоминании прозвища великого князя Владимира. Примечательно, что красный цвет имел особое значение в культуре Древней Руси. В этом отношении интересен материал статьи кандидата исторических наук А.В. Елисеева «Древние русы: народ и каста» [Елисеев 1999: 203-219]:

ученый проводит анализ слова *рус* и выявляет его тесную связь с красным цветом, «цветом воинов, князей, королей. Он символизировал воинское сословие у индоариев, иранцев и кельтов. Например, в ведической Индии красный цвет принадлежал варне (касте) кшатриев, т. е. воинов» [там же].

Византийцы называли русов «русиос», т. е. красные. Однако красными называли также и всех славян. А.В. Елисеев утверждает: «Вообще, красный цвет имел большое распространение в Древней Руси. Красные стяги были стягами киевских князей, они видны на старинных изображениях, о них говорит «Слово о полку Игореве». Согласно былинам, красный цвет широко использовался для раскраски русских боевых кораблей. Русы охотно красили в него лица, используя как боевую раскраску» [там же].

Красный цвет получил наименование «стимулирующего» цвета, связанного с процессами ассимиляции, активности и напряжения. Д. Тресиддер дает следующую характеристику этому цвету: «красный цвет связан с активным мужским началом, цвет жизни, огня войны, энергии, агрессии, опасности, импульса, эмоций, страсти, любви, радости, праздничности, жизненной силы, здоровья, физической силы и молодости» [Цит. по: Праченко, 2003: 58]. Выделим еще одно переносное значение: «красный» – связанный с революционной деятельностью, советским строем, Красной Армией» [Ушаков 2006: 376]. Примеров подобных ФЕ находим у А.А. Проханова много, и не случайно «все, написанное Прохановым в 1990-е – начале 2000-х, можно назвать „литературой сопротивления“. Едва ли не все важнейшие события новейшей российской истории нашли отражение в романистике А.А. Проханова этого периода, характеризующейся усилением политической, идеологической составляющей» [Бекедин 2004: ЭР]: «Там, в сраженьях под Псковом и Нарвой, молодая **Красная армия** одержала победу над немцами...» («Пятая империя» 2010: 258); «...штурм должен выполнить ту задачу, которую выполнил **„красный террор“**, обеспечив советскому строю семьдесят лет стабильности» («Красно-коричневый» 2010: 578). В этой связи можно говорить о А.А. Проханове как о «Маяковском наших дней», по

определению В.Н. Яранцева [Яранцев 2008: 2]. Вл.Г. Бондаренко сравнивает роль А.А. Проханова в современной литературе с ролью В.В. Маяковского: «столь же трагичны, столь же истово защищают державные ценности, столь же метафоричны. Разве что Маяковский воспевал красную зарю, а Проханов через изощренные метафоры века, через концентрацию на личном опыте, через равновесие эмоционального и интеллектуального начала описывает красный закат, гибель красных богов, исход красных памятников» [Вл. Бондаренко 2003: ЭР]. «Метафора кажется мне очень экономным способом изображать, – признает А.А. Проханов. – Конечно, метафора громоздка. Проще сказать: столб деревянный, а небо синее. Но через метафору можно описать колоссальное количество явлений и одновременно изобразить пространство, время, цвет, звук, прозрачность, жизнь, смерть» [Цит. по: Глушик 2002: 7].

Важное место в идиостиле А.А. Проханова занимает узуальная ФЕ *Красное знамя* – один из символов революционной борьбы. В этом значении красное знамя было впервые использовано во времена Парижской коммуны [МАС 1999]. *Красное знамя* активно использовалось в советской геральдике и наградной системе, название «Красное знамя» носили газеты и предприятия по всему Советскому Союзу. Красное знамя легло в основу государственного флага СССР и являлось символом Красной Армии. Знамя также упоминается в последних строках государственного гимна СССР версии 1977 года: «...И Красному знамени славной Отчизны / Мы будем всегда беззаветно верны!» Для А.А. Проханова эта ФЕ принципиально важна: «Я шел туда, где город бесновался. / Где на меня враги хотели броситься. / Я знамя нёс. Я шёл. Я улыбался, / Моей страны последний знаменосец» [Проханов 2010: 1]. Подтвердим употребление А.А. Прохановым ФЕ *красное знамя* примерами: «Это был он, Белосельцев, последний солдат империи, примкнувший штык, поместивший себя в самый центр катастрофы, вставший перед ней во весь рост. Приколол Боевое **Красное знамя** с плещущим полотнищем, с венком из дубовых листьев, „Знак Почета“, на котором серебряные стройные люди

несли алые пышные стяги, „Трудовое **Красное Знамя**”...» («Последний солдат империи» 2010: 507); «Мы здесь не для того, чтобы защищать истеричного летчика, привыкшего к тому, что его постоянно сбивают. И не для того, чтобы класть русские головы за чеченца. И не для того, чтобы идти под **красным знаменем** с главарем безумных старух. У нас своя миссия и своя судьба» («Красно-коричневый» 2010: 591).

Кроме узуальных ФЕ (*Красная книга, Красная Москва, Красная площадь, Красная Армия, красный террор, красное знамя*), в романах А.А. Проханова мы имеем дело и с окказиональными фразеологическими образованиями. Употребление и восприятие подобных фразеологизмов в художественном тексте в значительной степени субъективно, поэтому цветообозначение является неотъемлемым компонентом индивидуально-авторской картины мира писателя.

А.А. Проханов – государственный, певец сильной России, но у него не просто государственность, а сразу «имперскость». «Моя сверхзадача, – объясняет писатель, – как я понимаю ее сегодня, – пропеть трагический и грозный гимн *Красной империи* [курсив наш – Е.А.], сыном, солдатом, трубадуром, аналитиком и жрецом которой я являюсь. По воле судеб я, уже немолодой художник, следую за катафалком, на котором лежит дорогой мне покойник, и не даю воронам опуститься на него и выклевывать у моей родины глаза. Я закрыл глаза моей Империи и сторожу, чтобы ее саркофаг не был осквернен» [Цит. по: Глушик 2002: 7]. Под *Красной империей* А.А. Проханов понимает образ сильного могущественного государства, Российской державы, страны, народ которой одержал очередную Русскую победу.

А.А. Проханов – сторонник «имперской модели развития нашего государства» [Евдокимова 2009: 7]. Такими же «империалистами» – теоретиками и практиками разрабатываемой модели – становятся его герои. В «Пятой Империи» Сарафанов, разглядывая фасад здания Центрального Комитета партии, приходит к мысли о существовании в истории России *Красного Духа*: «**Красный Дух** вонзился из неведомых миров в русскую жизнь, испепелил об-

ломки погибшего царства, увлек народ в гигантское творчество... «...» Вступил в сражение с Духом Тьмы, забросавшим страну костями и пеплом... «...» Напомнил человечеству его богоподобие, указал путь к бессмертию. Но вдруг стал блекнуть и вянуть, терять свои красные огненные очертания... Толпа богоборцев «...» повалила наземь памятники красных вождей. Исступленные безумцы истребляли и пускали на ветер громадные труды и свершения, изгоняли из русских пространств Красное Видение. Таинственная сущность, наполнявшая людские сердца Красной Верой «...» иссякла, оставив обессиленную, утратившую веру и смысл страну» («Пятая империя» 2010: 270). В понимании А.А. Проханова, *Красный Дух* – своеобразный сгусток энергии деятелей и героев, жизнь которых была посвящена Советскому народу. Ср.: «У стен кремлёвских, грозных и могучих, / Зашевелились камни и надгробья. / Из них вознесся духов рой беззвучный. / Их цвет был красный. Был их цвет багровый. / Они летели тихим плотным роем. / И их полет брусчатка отражала. / То были космонавты и герои, / Воители и зодчие державы» [Проханов 2010: 1]. А в *Красном Видении* заключена духовная память советского периода.

Можно предположить, что окказиональные ФЕ *Красный Дух* и *Красное Видение* обнаруживают семантическую связь с *Красным призраком*: «„Красный призрак 1852 г.“ – заглавие контрреволюционного памфлета французского журналиста Ромье. «...» Ромье, несомненно имел в виду первые слова „Манифеста Коммунистической партии“ (1848): „Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма“. „Брошюра Ромье, – писал А.И. Герцен в „Письмах из Франции и Италии“, – крик ужаса, раздавшийся у гуляки, невзначай увидавшего в окно столовой, где он привольно пировал с Вероном, *красный призрак*...” Интересно отметить, что выражение „красный призрак“ (Le spectre rouge) первоначально у нас переводился как „красный спектр“. В дальнейшем получил хождение вариант выражения „красный призрак“ – „красная опасность”» [Ашукин, Ашукина 1987: 177-178]. Связь ФЕ *Красный*

призрак и *Красный Дух* очевидна. Тем не менее окказиональное сочетание *Красный Дух* в языке А.А. Проханова имеет более положительную оценку.

Примечательно, что фраземы с компонентом «красный» занимают в образной системе и в художественном тексте А.А. Проханова не обособленную позицию, а вступают в различные отношения с другими единицами. Так, семантика сочетания *Красный Дух*, с одной стороны, совпадает со значением фраземы *Дух света*, неоднократно встречающейся на страницах романов «Красно-коричневый», «Виртуоз», «Господин Гексоген», «Холм»: *«Коробейникову казалось, он наблюдает жестокую схватку, битву света и тьмы. <...> Гора всей мощью и тяжестью выплескивала светоносную воду. Ее хрустальный свет, звонкая бурлящая сила шибились с черной энергией зла. Духи тьмы и света сражались, не уступая друг другу»* («Холм» 2010: 122). С другой стороны, фразема *Дух света* содержит в своей структуре компонент, антонимичный существительному *тьма* (свет – тьма) в составе фразеологического сочетания *Дух тьмы*. *«Душа на фреске была похожа на тряпичную детскую куклу с нарисованными глазами и ртом. Духи света и тьмы бились за нее, как сердитые дети, а душа безмолвно и равнодушно взидала»* («Господин Гексоген» 2010: 14) или *«Нежность, целомудрие, несказанная красота боролись с железными силами, укрощали волю преисподней. Здесь, в Ганиной Яме, шла непрерывная схватка. Духи света сражались с духами тьмы»* («Виртуоз» 2010: 423). Таким образом, окказиональная фразема *Красный Дух* семантически совпадает с сочетанием *Дух света* и является для него контекстуальным синонимом и, напротив, становится антонимом для ФЕ *Духи тьмы*.

Необходимо подчеркнуть, что в творчестве А.А. Проханова особое место занимают религиозные мотивы, образы праведников, бессмертной души, небесного Рая. Но в романе «Скорость тьмы» появляется новый, связанный с затопленной страной, образ Русского Рая: *«Ходит легенда, что где-то на дне находятся врата Русского Рая. Пусть миф, пусть легенда. Но она дает основание создать целую индустрию туризма. Хотите попасть в Русский*

Рай, садитесь на теплоход, плывите в море, погружайтесь в аквалангах и ищите свои золотые ворота» («Скорость тьмы» 2010: 138). Мы считаем, что сочетание *Русский Рай* справедливо считать индивидуально-авторским фразеологизмом, потому что оно, во-первых, употребляется на страницах романов А.А. Проханова более 60 раз. Во-вторых, как и любая ФЕ, *Русский Рай* имеет свое значение: „желанное и обязательное будущее России; некое состояние, которого России предстоит достичь”.

Контекстуальным синонимом к фразеологизму *Русский Рай* служит построенный по той же модели индивидуально-авторский фразеологизм ***Красный Рай***. Герой романа «Пятая империя» Алексей Сергеевич Сарафанов в разговоре с Кулымовым утверждает: «— ...возникает первый эскиз государства. Первый набросок будущей великой страны. История становится осмысленной. Воодушевленные люди приступают к строительству. Среди них появляется некто, кто формулирует суть проекта: „Москва – Третий Рим”, „Россия – дом Богородицы”, „СССР – **Красный Рай на земле**” («Пятая империя» 2010: 279). Разница между *Русским* и *Красным Раем* – в оттенках семантики: *Русский Рай* – образ желанного и обязательного будущего России, «спроецированный на всю Галактику» [Данилкин 2007: 442], а *Красный Рай* – наименование состояния Родины в прошлом, обусловленного существованием коммунистического строя, господством *Красного Духа*. Таким образом, мы имеем дело с окказиональным фразеологизмом.

Исследователями отмечается многогранность писательской манеры А.А. Проханова: «резок и угловат, мужественен и вроде бы излишне холоден», и в то же время «порой лиричен до прозрачности сиреневого апрельского заката» [Бондарев 1998: 16]. В основе событий романа «Скорость тьмы» лежит лирическая легенда о так называемой «*Русской Атлантиде*» – стране Молоде, которая ушла под воду и жители которой приняли библейскую смерть. Согласно мифу, рассказанному Платоном в «Тимее» и «Критии», Атлантидой назывался «огромный остров в Атлантическом океане к западу от Гибралтарского пролива, существовавший 10-12 тыс. лет назад. По

преданию, Атлантида была населена культурным и могущественным племенем атлантов, которые вели войны на западе и востоке, воздвигали крупные города. Согласно Платону, Атлантида опустилась вследствие страшного землетрясения на дно океана. Попытки решить вопрос, существовала ли Атлантида в действительности, неоднократно предпринимались рядом учёных, но неопровержимых доказательств пока нет; нет также и единого мнения относительно местонахождения Атлантиды и причин её гибели» [БСЭ 2008].

Отметим ещё один контекстуальный синоним к затопленному *Русскому (Красному) Раю* – *Красная Атлантида*: «Изгнанный из нового, прогрессивного общества, о котором так мечтал потомок бедуинов, сын солнечных пустынь академик Сахаров и за которое так страстно и мученически боролся писатель, чья фамилия странным образом передавала притчу про то, как задумала „солё жениться“, эти люди с потерпевшего крушение корабля жили на необитаемом острове, как робинзоны, сохранив обычаи и нравы **Красной Атлантиды**» («Красно-коричневый» 2010: 426). Несмотря на то, что вообще Атлантидой называют феномен, имеющий отношение не к будущему, а к прошлому, в данном случае справедливо говорить о синонимичных отношениях ФЕ *Русский (Красный) Рай* и *Красная Атлантида*. Оба фразеологизма обозначают будущее состояние России с той разницей, что *Русский (Красный) Рай* – состояние желанное, но небывалое, а *Красная Атлантида* – желанное состояние, которое, возможно, уже достигалось в прошлом.

У А.А. Проханова встречается синонимичный *Красной Атлантиде* окказиональный фразеологизм – *Русская Атлантида*. Ср.: «Она [женщина-экскурсовод – Е.А.] говорила о затоплении Молоды. <...> Всю зиму над Молодой в морозном беззвездном небе трепетало северное сияние, бледно-розовые и зеленые сполохи. <...> А оставшиеся умирать старожилы уверяли друг друга, что это ангелы посланы им в утешение. – Почему мы ничего об этом не знали? – спрашивал изумленный поэт, увлеченный своим поэтическим замыслом. – Ведь это **Русская Атлантида**! Это сказочный град Китеж!» («Скорость тьмы» 2010: 13-15) или «– Как воскресить Молоду? Как

поднять *Русскую Атлантиду*? – он [Ратников] побуждал ее [Ольгу Дмитриевну] продолжить рассказ...» (там же: 166).

Бесспорно, что одним из важнейших свойств индивидуально-авторских образований является экспрессивность: «автор текста, создающий окказионализм, преследует цель – выразить свои мысли, чувства, оценку явлений внешнего мира особым, оригинальным способом» [Лыков 1976: 25].

В сравнении с существительным в составе рассматриваемых фразеологизмов адъектив со значением цвета более семантически нагружен. Субстантивы могут меняться, но ФЕ, имеющие в своем составе компонент *красный*, так или иначе участвуют в создании образа сильного государства, примером которого для писателя является Советский Союз. «*Руками одних уничтожить других, а последних, обессиленных в кровавом конфликте, приковать к своей политической колеснице и протащить, как по булыжной мостовой, через пятилетки, коллективизацию и чистки. После чего он [Сталин – Е. А.] остался единственным властелином огромной **Красной Империи**, которую сделал мировой и космической. Этот метод, опробованный с библейских времен, в совершенстве освоенный Дзержинским и Берией, был теперь единственным средством борьбы, которую вело подполье разведчиков. И он, Белосельцев, не испытывал угрызений совести*» («Господин Гексоген» 2010: 66).

В другом романе, «Пятая Империя», речь идет о том же сталинском государстве, коммунистическом СССР – *Красном царстве*, и, хотя «империя» заменяется на «царство», красный цвет, характеризующий идеологическую и символическую составляющие Советской эпохи, продолжает участвовать в создании образа государства. Ср.: «*Сарафанов размышлял о своей судьбе, о своей духовной и исторической смерти. И о своем таинственном воскрешении. Ревнитель **Красного царства**, носитель «красного смысла», после крушения «Четвертой Империи» он сам был выброшен на свалку истории*» («Пятая империя» 2010: 404).

В романе-фарсе «Крейсера соната», посвященном трагедии атомной подводной лодки «Курск», читаем рассуждение одного из обитателей свалки, своеобразного символа ушедшего в прошлое, рассыпавшегося СССР: «– Мы ждем момента, когда на складе соберется достаточное количество опорных предметов, составляющих символы нашего строя. Тогда методами генной, социальной и исторической инженерии мы восстановим нашу „**красную цивилизацию**“, воспользовавшись для этого какой-нибудь знаковой „**красной**“ датой». Днем Победы, или празднованием Великой Октябрьской Социалистической революции, или Днем Советской Армии. Ибо в этих днях сконцентрирована колоссальная энергия нашего общества, которая будет использована при акте воссоздания...» («Крейсера соната» 2010: 431).

Тот же мотив воспоминания о прошлом страны возникает и в романе «Пятая Империя»: «– Вы помните те недавние дни, когда разрушался **Советский Союз**? Гибель «**красной страны**» напоминала отлив – великие воды уходили в земную расщелину, обнажая мокрое дно, на котором шевелились умирающие морские чудовища» («Пятая империя» 2010: 364). Таким образом, можно говорить о следующем синонимичном ряде фразеологизмов, содержащих в своем составе адъектив «красный»: *Красная Атлантида – Красная Империя – Красное царство – красная цивилизация – красная страна*. Безусловно одно – все указанные ФЕ способствуют реализации главной задачи писателя, раскрытию мировоззрения А.А. Проханова, его картины мира: «**Красный полк красного князя** Игоря poleg в половецкой степи, а я, израненный, искусанный, изрезанный, хромым, с выбитым глазом, с отрубленной рукой, с пробитым копьём легким, вернулся в тихий монастырь. Я должен успеть написать свою летопись „**Красная Империя**“. Потому что я разведчик» [Цит. по: Шурыгин 2013: ЭР]. С.В. Солнцев, не отрицающий, что «Проханов – прежде всего искренний и пламенный борец за Красную империю», подчеркивает, что даже и писатель он лишь постольку, поскольку он борец за эту идею [Цит. по: Данилкин 2007: 14].

Обратимся к другому фразеологическому «прохановизму» (термин Л.А. Данилкина) [там же: 443], помогающему раскрыть философию писателя. В «галлюцинаторном» романе «Господин Гексоген» выдающийся ученый, так называемый «Доктор мертвых», дает подробное объяснение Белосельцеву о содержании понятия «*красный смысл*»: «... *ген коммунизма здесь! – Он [Доктор – Е.А.] снова ткнул себя в лоб длинным, как гвоздь, пальцем. – В этой лаборатории хранится реторта „красного смысла“. Все поддается воскрешению, все бессмертно! <...> „Красный смысл“ ... состоит в единственном – в преодолении смерти. <...> Иисус – „смертию смерть поправ и сущим во гробе живот даровав“ – был „красным“. <...> Советский Союз был громадной лабораторией, где триста миллионов людей, научившись грамоте и наукам, овладев атомной энергией и построив ракетный флот, готовились к выходу в мироздание. <...> Казимир Малевич, написавший красный и черный квадраты, изобразил генетический код Вселенной, где противоборствуют „красный“ и „черный“ смыслы» («Господин Гексоген» 2010: 472-474). Значение ФЕ *красный смысл* приобретает философский оттенок, напрямую связывается А.А. Прохановым с идеями бессмертия, вечной жизни, но не конкретного человека, а целого государства. «И светлые лики героев сопротивления, носителей смысла, ясного, чистого и божественного: „Бог есть. Ты умрёшь. Россия бессмертна“» [Вл. Бондаренко 2003: ЭР]. Эти слова отражают философские и религиозные установки А.А. Проханова, репрезентирующие концепт государства в особом, прохановском понимании.*

Примечательно, что религиозные мотивы в романе раскрываются при помощи тех же фразеологизмов-символов с цветовым компонентом *красный*: «*Ликующие толпы проносили мимо алые знамена и лозунги, иконостасы „красных апостолов“*. *Вожди непреклонной тесной кагортой стояли на могильной плите, демонстрируя незыблемую связь с основателем „красной религии“*» («Господин Гексоген» 2010: 480).

Другая фразема, в своей исходной форме служащая наименованием художественного образа на живописном полотне «Купание красного коня» ху-

дожника К.С. Петрова-Водкина, в романе А.А. Проханова «В островах охотник» не только получает своеобразную трактовку, но и приобретает символическое значение. Герои А.А. Проханова – Виктор Андреевич Белосельцев и Даша – разговаривают в Доме художника: « – *Я люблю Петрова-Водкина. Мне кажется, он не умер, а все еще живет среди нас. Наблюдает за тем, как мы любим его живописью. Во всяком случае, он верит в бессмертие. <...> Красный конь* врезается в синие воды. Наездник золотой и волшебный. Повод отпущен. Синева ослепительна. Волшебные очи наездника. Ярые очи коня. <...> Мне кажется, *красный конь* – это сам художник. А всадник у него на спине – это его судьба! – сказала она [Даша – Е.А.]» [«В островах охотник» 2010: 480]. И известный в искусстве образ красного коня приобретает новый, философский оттенок: становится самим художником, жизнью которого управляет судьба.

В уста героев романа А.А. Проханов, конечно, вкладывает свое понимание культуры и творчества, и это своеобразное «резонирование» приоткрывает завесу над истоками образования ФЕ *красный конь* в рассмотренных контекстах: «Но если оглядываться назад, я вижу ту чашу культуры, из которой я пил. Это культура двадцатых годов XX века. Русская культура двадцатых годов... Период великого воплощения утопий. В утопию входила и живопись, и литература. <...> Таким было для меня явление двадцатых годов. Там я находил вдохновение. Я страшно любил Кузьму Петрова-Водкина с его красными конями, комиссарами, с его красными конями, комиссарами, с его ярко-голубым цветом...» [Цит по: Вл. Бондаренко 1998: ЭР].

Для понимания значения символа *красный конь* вспомним строки С.А. Есенина: «На рассвете он завтра промчится, / Шапку-месяц пригнув под кустом, / И игриво *взмахнет кобылица* / Над равниною *красным хвостом*» [курсив наш – Е.А.] [Есенин 1971: 40]. Поэт писал о революции, подразумевая под образом «дорогого гостя», новые порядки, новую жизнь. Ср. у А.А. Проханова: «*Солидарно* [поколение Белосельцева – Е.А.] *с молодыми, охватившими мир революциями. Готово питать их своими „красными сока-*

ми”. Родина, отделенная от своих „красных истоков” двумя поколениями, все так же видит мир глазами Петрова-Водкина. *Купает в водах истории красного коня революции*» («Африканист» 2010: 278). Как видно из контекста, сочетание *красный конь* становится для автора и его героев символом революции.

Как объясняет Вл.Г. Бондаренко, «умение подмечать детали у А.А. Проханова идет со школьных лет. Весь класс распевал озорной стишок про учителя литературы, вечно ходившего в мятых, годами неглаженных брюках: „Кузьмичишко, Кузьмичишко, где добыл свои портишки? — Было мне шешнадцать лет, подарил мне их мой дед”... Острый глаз студента авиационного института Проханова замечал живописные детали самых, казалось бы, скучных технологических процессов производства ракет... Лесничий в карельских лесах поражал своих друзей острой наблюдательностью, импрессионистическими зарисовками мира природы... Давние друзья помнят его стихи, рассказывают о знании им сотен древних духовных песен. Он воспевал лад старой России, но, как никто другой среди современников, постигал душу машины. В русской литературе XX века, пожалуй, найдется лишь три писателя, сумевших одухотворить технический мир. Это Андрей Платонов, Евгений Замятин и Александр Проханов. Прочувствовав мир техники, они сумели прочувствовать и мир технической цивилизации, мир цельного государства как единого организма. Многие в этом мире они не принимали, многое — отвергали, но до конца остались и государственниками, и знатоками технического мира. Разрушение государства привело Александра Проханова к апокалиптическим мотивам» [Вл. Бондаренко 1998: ЭР].

Помимо окказиональных фразем, в языке А.А. Проханова употребляются и окказиональные УФ. Среди них особое место занимают единицы, построенные по аналогии с известными пословицами, с сохранением рифмы, но являющиеся в творчестве писателя окказиональными.

Ряд выражений в речи героев А.А. Проханова образован по синтаксической модели пословиц, в частности, реализуя принцип контраста. Контраст

репрезентирует «дихотомическое восприятие мира и предмета речи, создающий или воспроизводящий дуальную модель действительности». В таком случае, по мнению Т.Г. Бочиной, мы наблюдаем «взаимодействие различных точек зрения», своеобразный диалог: «в диалогической сути контраста, его полемической основе коренится особая значимость данного принципа развертывания речи для организации и функционирования пословицы, являющейся обобщенным результатом филогенетического диалога между прошлым, настоящим и будущим. Оппозитивная пословица представляет собой резюме диахронического диалога, свернутого в риторический монолог, что объясняет коммуникативную активность пословицы, ее предназначенность служить строевым элементом текста, репликой в диалоге» [Бочина 2003: 11]. Например, «ОКО» *хорошо, а дело лучше* в следующем контексте: «Вошел [Горностаев – Е.А.] в кабинет, где поджидала его горячая желанная чашечка кофе, усмехнулся: „**ОКО**” *хорошо, а дело лучше*» («ОКО» 2010: 230). В словах героя скрывается злая усмешка по отношению к новой теории повышения эффективности производства, именуемой «ОКО». Исходной структурой, по модели которой построен рассматриваемый вариант, можно считать пословицу *Одна голова хорошо, а две лучше*. При этом следует говорить о замене лексического компонентов «одна голова» и «две» на «„ОКО”» и «дело» соответственно. Однако не все из образованных А.А. Прохановым ФЕ имеют известный «прототип». Поэтому, на наш взгляд, правильнее будет говорить о тождестве синтаксических моделей, по которым данные УФ построены, своеобразных структурных формул. Так, УФ *Есть почин, а есть кончин* построена на основе антитезы. О распространенности среди узуальных пословиц подобной модели пишет Т.Г. Бочина: «Характерная для антитезы двучленная структура определяет распространенность в пословицах и поговорках конструкций, где противопоставляются и темы, и ремы антитетического высказывания: *Умереть легко, а жить трудно; Ничего нельзя, а все молено; Старое проживай, а новое наживай!* Грамматический параллелизм, сходство синтаксических структур подчеркивают, делают еще более контра-

стной противоположность, выраженную лексическими средствами» [Бочина 2003].

Целый ряд русских пословиц построен по рифмованным моделям: *Мирская молва что морская волна; Рыбак рыбака видит издалека; Черного кобеля не отмоешь добела; Мороз не велик, да стоять не велит* и др. Ср. у А.А. Проханова: «Белосельцев очнулся... Протянув к огню скрюченные черные пальцы, стоял человек. Мохнатый, заросший до бровей клочковатой шерстью, в драных одеждах, он был похож на лесовика, вылезшего из-под коряги... Белосельцев слушал его невнятное бормотание. Дорожил его присутствием, как последним, вместе с ним уцелевшим на земле существом, с которым теперь предстояло доживать свой век... – Он говорит – Боря, а я говорю – буря!.. Потому что **борется, так что бор ломится!**.. Потому Боря, что бурый, а не каурый! – человечек задумался...» («Красно-коричневый» 2010: 469). В том же романе «Они [Белосельцев и Катя – Е.А.] проснулись одновременно... – Здравствуй, - сказала она [Катя – Е.А.] – **Пора подниматься, за дело приниматься.** – Дело-то у нас какое? – Он улыбнулся, обнимая ее под одеялом. – Встанем, оглядимся. Глядишь, и дело найдется!» (там же: 434).

В другом романе, «Скорость тьмы», при проведении мероприятий, посвященных Дню города, гражданам бесплатно раздавались пакетики «с порцией водки»: «На пакетиках было начертано затейливое нравоучение: **«Знай меру, доверяй мэру!»** К пакету прилагались чипсы и недорогие, но вкусные соевые батончики» («Скорость тьмы» 2010: 383). Все эти окказиональные ФЕ образованы на основе рифмы. «Услышав такую пословицу однажды, невозможно не запомнить ее на всю жизнь, и не отдельными словами, а так, как есть, целым слитком слов. Рифма придает дополнительную магическую власть незабываемости. Афоризм становится музыкой» [Евтушенко 2005: ЭР]. Что касается последней единицы – *Знай меру, доверяй мэру*, – то ее можно сравнить с узуальной УФ, зафиксированной в «Словаре русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова, – *Знай край, да не падай* в значении «знай

меру, не переходя границ дозволенного» [Жуков 1991: 127]. Если соотнести смысловое наполнение первой и второй частей сложного предложения, по модели которого построены данные узуальная и окказиональная УФ, то можно сделать вывод о скрытой иронии А.А. Проханова в отношении к «затейливому нравоучению» про доверие к мэру. Скорее всего, правильное «знать меру», но не доверять мэру (Ср.: нужно «знать край», но не падать). Окказиональные УФ А.А. Проханова часто по форме близки к афоризмам. Афоризмом называется «изречение, выражающее с предельной лаконичностью в отточенной форме какую-либо оригинальную мысль» [МАС 1999: 289].

Показательным с точки зрения образования окказиональных УФ по модели афоризмов, следует считать диалог двоих друзей в романе «Скорость тьмы». Ср.: « – **Чтобы не упасть, надо лететь**, – возгласил в телефонной трубке голос друга. – **Хочешь лететь, создавай небо**, – мгновенно отозвался Ратников, вспоминая афоризмы из созданного ими цитатника. – **Если упал, сразу взлетай**. – **Лучше быть пятном на солнце, чем кратером на луне**. – **Рай – это Рублев, помноженный на скорость света**. – **Ад – это Босх, помноженный на скорость тьмы**. – **Один плюс один равняется бесконечность**. – **Дружба – не арифметика, а геометрия Лобачевского**. – **Подлетая к черной дыре, застегни привязные ремни**» («Скорость тьмы» 2010: 119). Все выделенные единицы являются окказиональными, индивидуально-авторскими афоризмами, принадлежащими перу А.А. Проханова. Целый ряд из этих приведенных УФ построен по модели контраста, о которой говорилось выше. В данном случае этот контраст реализуется, во-первых, посредством контекстуальных антонимических пар в структуре УФ (*упасть – лететь, солнце – луна, рай – ад*). Ср. узуальные ФЕ: *Давши слово, держись, а не давши, крепись; Дорого, да мило, дешево, да гнило; Дружно – не грузно, а врозь – хоть брось* [здесь и далее пословицы цит. по: Жуков 1991]. Во-вторых, в структуре сложного предложения раскрываются различные обстоятельственные отношения явлений (*Хочешь лететь, создавай небо; Если упал,*

сразу взлетай; Подлетая к черной дыре, застегни привязные ремни). Ср. с узуальными УФ: *С глаз долой – из сердца вон; С кем поведешься, от того и наберешься; Сам кашу заварил, сам и расхлебывай; Пешком ходить – долго жить; Где тонко, там и рвется*. В-третьих, некоторые УФ построены по модели дефиниции (лат. *definitio* – определение) – логической операции, выраженной в следующей структуре: дефиниендум (определяемое имя) и дефиниенс (определяющее выражение, раскрывающее смысл определяемого имени либо устанавливающее значение термина) [Новейший философский словарь, 1998]. Ср. окказиональные УФ: *Дружба – не арифметика, а геометрия Лобачевского; Рай – это Рублев, помноженный на скорость света. – Ад – это Босх, помноженный на скорость тьмы* и узуальные УФ: *Мужик в семье что матица в избе; Муж да жена – одна сатана; Риск – благородное дело; Старость не радость*.

Разумеется, считать выделенные нами единицы в полной мере фразеологизмами нельзя, но обратить внимание на их существование в романе А.А. Проханова необходимо, так как они играют важную роль в раскрытии взаимоотношений героев романа: совместное создание цитатника афоризмов с глубоким философским смыслом характеризует их как хороших друзей и людей с особым философским складом ума и души.

Известная пословица *и волки сыты, и овцы целы* употребляется в значении: «и для одних, и для других удобно, выгодно. О положении, которое создается в результате стремления угодить людям с различными взглядами, интересами и т. п.» [Жуков 1991: 129]. В.И. Даль связывает значение этой пословицы с понятиями «прямоты-лукавства» [Даль 1989]. Авторскими трансформациями и синонимами исходной пословицы являются окказиональные УФ: *Коза сыта и капуста цела; Капитал приобрести и невинность соблюсти*. Две части предложения, соединенные повторяющимся союзом *и* в исходном варианте и одиночным союзом – в трансформации, подразумевают двуличие человека. На основе замены компонентов, как результат лексического варьирования, в романе «Господин Гексоген» рождается индивидуаль-

но-авторские ФЕ: «— *Теперь и белки сыты, и пчелки здоровы*, — произнес Николай Николаевич, удовлетворенный сделанными покупками. — *Теперь и мы в силе, и Бог во славе!* — добавил он, увлекая Белосельцева к своему экипажу» («Господин Гексоген» 2010: 121).

Таким образом, индивидуально-авторские фразеологизмы, воспроизводимые в пределах одного или нескольких текстов, являются свидетельством яркой самобытности писателя, выполняя стилеобразующую функцию. Употребление окказиональных ФЕ в художественных текстах способствует раскрытию своеобразия стиля писателя, особенности его языковой личности, служат средством выражения авторских интенций.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1. В художественной прозе А.А. Проханова широко представлено индивидуально-авторское варьирование узуальных и образование окказиональных ФЕ, оправданное как лингвистически (ФЕ строятся по определенным моделям), так и психологически (идейно-художественным замыслом писателя).

2. В прозе А.А. Проханова значительное место занимает окказиональное семантическое и формально-семантическое варьирование ФЕ с численным преобладанием второго.

Среди типов формально-семантического варьирования наиболее важную роль играют трансформации компонентного состава ФЕ и количественное варьирование.

3. Для художественных произведений А.А. Проханова характерно преобладание лексических субституций на основе тематического ряда, а также мен антонимического и паронимического типов. В ряде случаев варьирование компонентного состава ФЕ, основанное на фонетическом и графическом

сходстве заменяемых компонентов, реализуется в художественном тексте А.А. Проханова как языковая игра, материалом для которой становятся фразы из кинофильмов, песенные строки, названия телевизионных передач, крылатые слова. Авторские преобразования ФЕ сохраняют образно-ассоциативные и смысловые связи с общеизвестными фразеологизмами.

4. Важную роль в раскрытии авторского замысла и мировидения играет окказиональное денотаторное варьирование. Фразеологические варианты, образованные в результате такого преобразования, участвует в раскрытии идейно-художественного содержания как целого художественного произведения, так и определенного эпизода.

5. Индивидуально-авторское варьирование компонентного состава ФЕ призвано реализовать ряд функций:

- обеспечение комического эффекта: от юмора и иронии до сарказма;
- создание каламбуров, целью которых становится «сглаживание острых углов» протеста против несоответствия идеалов и действительности;
- создание ситуации абсурда в «галлюцинаторных» романах А.А. Проханова;
- изображение колоритных картин из жизни современного российского общества, когда варьирование ФЕ выступает в роли «социального инструмента»;
- раскрытие авторской позиции и своеобразия художественной манеры А.А. Проханова.

6. Количественное варьирование ФЕ, основанное на эксплицитности, А.А. Проханов использует для уточнения и конкретизации фразеологического значения и для расширения семантической наполняемости ФЕ.

7. Сочетания, имеющие в составе компоненты-адъективы «красный» и «русский» в художественной прозе А.А. Проханова отличаются частотой употребления, что позволяет считать их окказиональными фразеологизмами. ФЕ с компонентом «красный» участвуют в репрезентации важных для автора смыслов (сильное государство, народе – борец и победитель, победа духа) и

являются неотъемлемыми компонентами индивидуально-авторской картины мира писателя.

8. Ряд окказиональных УФ в речи героев А.А. Проханова образован по моделям пословиц, во-первых, по принципу контраста и, во-вторых, по рифмованным моделям. Их употребление способствует раскрытию речевой характеристики героев. В ходе анализа выявлены индивидуально-авторские афоризмы, которые строятся по нескольким моделям: посредством контекстуальных антонимических пар в структуре УФ (по модели контраста); на раскрытии различных обстоятельственных отношений, сформулированных в предикативных частях сложного предложения; по модели дефиниции.

9. Образование окказиональных фразеологизмов становится для А.А. Проханова характерным способом использования языковых средств, участвующих в создании и раскрытии идейно-образного своеобразия художественных произведений писателя.

Окказиональная фразеология в ткани художественных текстов А.А. Проханова активно выполняет жанрообразующую и стилеобразующую функцию, играя хромотопическую и сюжетообразующую роли и отражая характерные особенности стиля писателя.

10. Окказиональные фразеологизмы в художественной прозе А.А. Проханова функционируют в трех направлениях:

- отражают нарративные признаки текстов А.А. Проханова: характеризует происходящие события и героев, участвующих в осуществлении этих событий;
- репрезентирует ментальные представления писателя о мире, транслирует индивидуальные черты его языковой личности;
- способствуют раскрытию социокультурных стереотипов определенной исторической эпохи (прошлого и современности).

ГЛАВА 3. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА А.А. ПРОХАНОВА

3.1 О когнитивном подходе в изучении фразеологии

На современном этапе развития фразеологии в связи с антропоцентрическим характером исследований в лингвистике особенно актуален интерес исследователей к разработке таких теоретических направлений, которые позволят взглянуть по-новому на накопленный веками богатый фразеологический материал, обратившись к проблеме ментального образа фразеологизмов. Таким направлением является когнитивная лингвистика. Когнитивную лингвистику интересует вопрос о том, каким образом знания хранятся в человеческом сознании; как они извлекаются из человеческого сознания; как эта информация структурируется и систематизируется.

Возникновение когнитивной лингвистики относят к первой половине 70-х годов XX века и связывают с именами Дж. Лакоффа и Х. Томпсона. Положения когнитивной лингвистики представлены в работах отечественных и зарубежных лингвистов: Дж. Лакоффа [Лакофф 1987], Ч. Филлмора [Филлмор 1988], Е.Г. Беляевской [Беляевская 1991], А.Г. Шмелева [Шмелев 1992], А. Вежбицкой [Вежбицкая 1996, 1999], А.Н. Баранова [Баранов 1997], С.А. Жаботинской [Жаботинская 1997], Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1997], Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1999, 2007], Р.М. Фрумкиной [Фрумкина 1999], И.А. Стернина [Стернин 2000], Т.Н. Алейниковой [Алейникова 2002], В.И. Карасика [Карасик 2002], О.Н. Селиверстовой [Селиверстова 2002], З.Д. Поповой [Попова 2010] и др. В русле когнитивной лингвистики работают многие современные фразеологи. Это работы таких лингвистов, как М.Л. Ковшова [Ковшова 1996], А.П. Бабушкин [Бабушкин 1998], В.И. Шаховский [Шаховский 1999], Л.Б. Савенкова [Савенкова 2000] и др.

В рамках данного направления язык рассматривается как носитель когнитивных процессов, как общий когнитивный механизм, когнитивный инст-

румент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформации информации [Кубрякова, Демьянков, Панкратов, Музина 1997: 53.]. Джерри Фодор показал, что ментальные процессы человека, в том числе и ментальные основы понимания и продуцирования речи, осуществляются посредством ментальных репрезентаций, рассматриваемых в качестве ментальных посредников [Fodor 1983]. Т. е. «в ходе теоретической и практической деятельности люди имеют дело не непосредственно с миром, а с репрезентациями мира, когнитивными картами и моделями» [Петров 1990: 104].

Центральное место в когнитивной лингвистике занимает концепт – «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания» [Кубрякова 1997: 70]. По мнению когнитологов, определяющим свойством концепта является «оперативность, которая позволяет говорить о его субъективности и отсутствии у него определенной структуры» [Растатуева 2006: 356]. Таким образом, делая акцент на субъективно значимые характеристики концепта, подчеркивая его подвижность и неструктурированность, когнитивная трактовка концепта представляет его как «продукт мыслительной деятельности индивида» [там же].

В исследованиях Д.С. Лихачева содержание концепта связывается с национальным, сословным, классовым, профессиональным, семейным и личным опытом человека. В.И. Карасик понимает под концептом «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [Карасик 2002: 129]. Такое объяснение концепта дано в контексте лингвокультурологического подхода.

Следуя за лингвокультурологами, мы понимаем под концептом «глобальную многомерную единицу ментального уровня, для которой характерны исторический детерминизм; широкая экстенциональность; структурированность интенционалами научных и обыденных понятий, представлений, культурных установок, идеологием, стереотипов; неоднородность содержания, разнообразие типов знаковых репрезентаций» [Токарев 2003: 208].

По утверждению Г.В. Токарева, исследование формирования и функционирования того или иного фрагмента картины мира может быть осуществлено «только при реализации лингвокультурологического подхода к концепту» [Токарев 2003: 13]. Поэтому правомерно говорить о концепте как об «объективно существующей, глобальной и многомерной единице ментального уровня» [там же].

Ю.С. Степанов определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека, пучок понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, сопровождающих слово» [Степанов 2007]. Концепт, в отличие от понятия, не только мыслится, но и переживается. Языковой концепт понимается не как значение слова или словосочетания («прецедентного текста»), а как смысл.

При описании значения ФЕ в когнитивистике актуальным стал антропоцентрический подход [Залевская 2000]. Структуры представления знаний образуют иерархическую систему и могут содержать информацию различной степени обобщенности. Такие структуры организованы вокруг некоторых концептов и фиксируют прототипическое, социально и культурно обусловленное знание о предметах, людях, действиях, событиях, понятиях. Для обозначения таких схематизаций опыта исследователями используются разные термины: «ментальные модели» П.Н. Джонсона-Лзарда, «схемы» (Д. Ремелхарт), «фреймы» (М. Минский, Т.А. ван Дейк и Ч. Кинч), «сценарии» (Р. Шенк, Р. Абельсон; А. Вежбицкая), «сцены» (Ч. Филлмор) и др.

В.И. Свидерский, А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко в вопросе о семантической структуре ФЕ, говорят о философской теории элементарно-структурных отношений, согласно которой к элементам могут быть отнесены любые явления, процессы, свойства и отношения, находящиеся во взаимосвязи и образующие в совокупности определенную систему [Свидерский 1962; Мелерович, Мокиенко 2008]. Именно эта система и определяет когнитивную структуру языкового знака [Мелерович, Мокиенко 2008: 10]. От такой когнитивной структуры зависит «механизм преобразования чувственных и мыслительных смыслов в семантическую структуру ФЕ, осмысление зна-

чений образов-символов в процессе получения, передачи и переработки информации, содержащейся во фразеологическом значении ФЕ» [Алефиренко 2005: 69].

Если концепт в науке или культуре движется между понятием и представлением, то концепт в литературе отклоняется в сторону представления. В системе «литература» в ходе коммуникации «происходит порождение не идей, не понятий, а чего-то «третьего». Это «третье» – и есть концепт» [Жирмунский 1958: 12]. В искусстве, как отмечает Г.Г. Шпет, возникает «третий род истины». Концепт перестает быть только «понятием» или только «представлением», он скользит «между представлением и понятием» [Цит. по: Чернец, Хализев 1999: 446], побуждая память воспринимающих к наивысшей активности.

Концепт является отражением эмоционально окрашенного индивидуального опыта субъекта, ментального, актуального опыта нации и эволюционирующего общекультурного опыта поколений. Таким образом, именно анализ концепта позволяет при анализе литературных произведений выйти на более широкий культурный и исторический контекст.

У истоков «концептуально-культурологического» направления в филологии стоит С.А. Аскольдов. Он предлагает разделение концептов на художественные и познавательные. Художественные концепты, в отличие от концептов познания, «не претендуют на логическую четкость пределов» [Цит. по: Алексеев 1996: 274]. Художественные концепты отличаются «психологической сложностью», в них входит эмоциональный ряд и «беспредельность ассоциаций». С опорой на идеи Л.С. Выготского под художественным концептом понимается смысл художественного слова в контексте в совокупности всех психологических факторов, возникающих в сознании благодаря слову [Баринаева 2007].

В когнитивной парадигме ФЕ понимается как микротекст, структурирующийся в ходе интерпретации носителем языка всех типов семантической

информации фразеологизма в семантическом пространстве культурного знания, принадлежащего субъекту речевого общения [Ковшова 1996: 2].

Процесс когнитивно-культурной интерпретации фразеологизма, по мнению М.Л. Ковшовой, имеет многопластовый характер: восприятие фразеологизма сквозь призму базового культурного знания человека, соотнесение образа ФЕ с кодами культуры и интерпретация ФЕ [Ковшова 2002].

В плане изучения лингвокреативных процессов мышления для когнитивной лингвистики важно исследование внутренней формы, которая играет роль связующего звена между двумя картинами мира в идиоматике - между дословно понятыми фразеологизмами и актуальной языковой картиной мира [Добровольский 1990: 58].

Таким образом, когнитивный подход к выявлению национально-культурного своеобразия фразеологизмов принимает во внимание национальные особенности языкового членения мира, особенности функционирования языкового мышления при создании каждого отдельного фразеологизма, особенности образной картины мира.

Говоря о человеческом сознании, нельзя не затронуть понятие картины мира и ценностной картины мира, как ее культурной составляющей. Картина мира, как она понимается сегодня психологами, – это отражение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии.

Ценностная картина мира, по мнению В.И. Карасика, включает общечеловеческую и специфическую части, при этом специфическая часть этой картины сводится к различной номинативной плотности объектов, различной оценочной квалификации объектов, различной комбинаторике ценностей. В ценностной картине мира сконцентрированы существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке [Карасик 2002: 168].

Фразеологические исследования А.М. Бабкина, В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, А.И. Молоткова, В.М. Мокиенко, S. Skogupka, посвященные основам фразеологии, нашли дальнейшее развитие в учении о косвенно-производной (фразеологической) репрезентации оценочно-экспрессивной зоны в многоярусной структуре концептосферы русского языка.

Идеи В.Л. Архангельского о семиотической сущности фраземы, направившие исследования фразеологического значения в русло ономазиологии – от реалии к её отражению в человеческом сознании, а от него к косвенно-производному знакообозначению – получили развитие в аспектных исследованиях фразеологического значения.

Метод структурно-семантического моделирования, разрабатываемый в трудах В.М. Мокиенко для историко-этимологического анализа фразем, стимулирует ретроспективный поиск когнитивных моделей, по которым была создана та или иная косвенно-производная единица. Структурно-семантическое моделирование как средство этимологического анализа, в процессе которого вскрываются знания, связанные с первичными механизмами фразеомообразования, служит отправной точкой когнитивно-семантического моделирования фразеологического значения.

Синергетический подход Н.Ф. Алефиренко к пониманию и описанию знаков прямопроизводной и образной номинации позволяет формировать методологическую базу для разработки когнитивно-дискурсивной теории фразеологического значения.

Фраземы в современной культуре выступают своеобразными семиотическими кодами, через которые во временном пространстве проявляется связь истории с человеком, духа – с сознанием. Фраземы как репрезентаторы моделей мира несут информацию, содержащую элементы ценностных установок, представлений и стереотипов. ФЕ способны кодировать объекты отражения благодаря лингвокреативному мышлению [Золотых 2008].

Фразеологические модели мира различаются в силу того, что отображают различные представления о мире внутри различных этносов в виде

взаимосвязанных универсальных понятий в каждой лингвокультуре, равнодоступных для общего восприятия всем человечеством и исходящих из общего культурно-исторического посыла. Являясь духовным феноменом, фразеологическая модель мира как образование языковой природы в своей структуре имеет план выражения и план содержания, проявление которых зависит от языковой ментальности [Мокиенко 1986: 8].

Фразеологический образ мира как систематизированная совокупность образов, через которые осознаётся как сам мир, так и характер ценностей, особенности миропонимания, оценка событий, объектов отраженной действительности, составляет ядро фразеологической картины мира. Картина мира расширяется в результате изменения фразеологического образа мира. Такое восприятие действительности обладает этническими константами, ценностями, принципами, традициями, представлениями о жизни, о мироздании и является отражением целостного восприятия мира, сложившегося в длительном процессе исторического развития народа и способного быть представленным фразеологическими образами.

Понятие «картина мира» в лингвокогнитивных исследованиях по фразеологической семантике относится к числу фундаментальных понятий (см. работы В.Н. Телия [Телия 1988], Г.В. Колшанского [Колшанский 1990], В.В. Воробьева [Воробьев 1994], А.М. Мелерович [Мелерович 2001], Н.Ф. Алефиренко [Алефиренко 2004], А.А. Осиповой [Осипова 2012]), выражающих этнокультурную специфику бытия человека, взаимоотношения его с окружающим миром.

Концептуальная картина мира – это все имеющиеся у человека образы и представления о действительности. Хранителем образов и представлений является язык, где закрепляются элементы действительности в его номинативных единицах, в том числе и фразеологические образы. В то же время фразеологическая подсистема языка – это косвенно-производное средство получения нового знания о мире. Бесспорным является разграничение понятий «фразеологическая картина мира» и «концептуальная картина мира», где

первое является частью второго и включает в себе особое мировосприятие и мировидение народа [Золотых 2008]. В свою очередь концептуальная картина мира – это система информации об объектах, актуально и потенциально представленная в сознании индивида. Единицей информации такой системы является концепт, функция которого состоит в фиксации и актуализации понятийного, эмоционального, ассоциативного, вербального, культурологического и иного содержания объектов действительности, включенного в структуру концептуальной картины мира, где каждый представитель этнокультурной общности свободно оперирует концептами для объективации мысли и её фразеологической объективации во внешней речи.

Фразеологические концепты формируются в результате своеобразного членения концептуальной картины мира на некие микромиры, соответствующие всем возможным ситуациям, известным человеку и поэтому называемым «возможными мирами» дискурса. Понимая дискурс как речемыслительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами (Н.Ф. Алефиренко), рассматриваем его в качестве смыслогенерирующего источника фразеологической семантики.

Рассматривая место фразеологической картины мира в концептосфере русского языка, имеющей полевую организацию, выделяем в ней ядерную и периферийную зоны. ИмPLICITная часть ядерной зоны концептосферы русского языка представлена фраземикой, репрезентирующей базовые концепты русской лингвокультуры, которые, хотя и находятся, как правило, на уровне нашего подсознания, связаны с этнокультурными константами русского менталитета. Идеографическая схема прослеживает определённую историю, уходящую корнями в народный быт, где каждая фраза объективирует «живой кусок русской жизни в ретроспективе» (В.М. Мокиенко) [Цит. по: Золотых 2008]. Основными макроконцептами, конструирующими фразеологическую картину мира, являются: природа, животный и растительный мир (*на чём свет стоит, выйти сухим из воды, как с гуся вода, как курица лапой и*

др.), реалии повседневной жизни прошлого (*задать баню кому, не ко двору, дым коромыслом, из кулька в рогожку, закусывать удила* и др.), трудовые процессы (*хоть пруд пруди, попасть впросак, бить баклуши* и др.), единицы измерения (*без году неделя, с три короба, ломаного гроша не стоит* и др.), игры, развлечения (*играть в бирюльки, играть в жмурки* и др.), история (*в бегах, как Мамай прошёл, казанская сирота, узнать всю подноготную* и др.), семья и родственные отношения (*сбоку припёка (припёку), седьмая вода на киселе* и др.), гостеприимство (*милости просим, бить челом, не поминай лихом, с лёгким паром* и др.), профессиональная деятельность (*судить да рядить, наклеивать ярлык, тянуть лямку, без сучка без задоринки* и др.), обряды, суеверия, верования (*бабушка надвое сказала, к чёртовой матери, как в воду смотрел, вбивать осиновый кол, перемывать косточки* и др.), религиозные представления, связанные с христианством, и старославянская книжность (*ад кромешний, как зеницу ока, земля обетованная, камень преткновения, один как перст, притча во языцех, как у Христа за пазухой* и др.), фольклор, народная речь, юмор (*на авось, по щучьему велению, красна девица, кровь с молоком, ни слуху ни духу, за тридевять земель* и др.).

Дискурсивное пространство русской фраземики обусловлено ценностно-коммуникативной сущностью смыслового пространства культуры, которое не только обнаруживается, но и формируется в дискурсе. Можно выделить следующие разновидности дискурсивного пространства русской фраземики: дискурсивное пространство Библии, мифологии, фольклора, ритуалов, обрядов и обычаев, древнерусского языка, христианской религии, литературы, профессий, речи известных деятелей, исторических событий и др. Под дискурсивным пространством русской фраземики понимаем речемыслительный ареал существования знаков косвенно-производной номинации, внутри которого образуется дискурсивное поле – пространственная идиоэтническая категория, в пределах которой проявляется генетическая связь фразеологической семантики и дискурса.

Фраземы как знаки косвенно-производной номинации репрезентируют культурно значимые элементы менталитета русского народа. Знание превращается в семиотический элемент социальной жизни, и в данном качестве все формы знания, соответствующие социально-культурной структурированности мира, становятся одновременно элементами фразеологической семантики [Золотых 2008].

3.2 Концептосфера А.А. Проханова и ее репрезентация средствами фразеологии

3.2.1 Фразеологические средства отражения концептов картины мира А.А. Проханова

Концепция языковой личности в отечественном языкознании в свое время разрабатывалась акад. В.В. Виноградовым. Затем наиболее детально она была исследована Ю.Н. Карауловым [Караулов 2003]. Структура языковой личности может рассматриваться как совокупность трех уровней: вербально-семантический уровень (лексикон личности); лингвокогнитивный (тезаурус личности, в котором запечатлен «образ мира», или система знаний о мире); мотивационный уровень. Т. е. языковая личность – это личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств. Это понятие, связанное с изучением языковой картины мира, которая представляет собой результат взаимодействия системы ценностей человека с его жизненными целями, мотивами поведения, установками и проявляется в текстах, создаваемых данным человеком [СЭСРЯ 2003].

Картина мира художественного произведения – не зеркальное отражение реальности, а результат преломления через призму авторского воображения личного опыта писателя. В художественной картине мира в той или иной мере присутствует «интерпретация действительности, несущая в себе

творца, его мироощущение, мировосприятие и миропонимание» [Тимощук 2010: 296-300]. Рождение такой картины – это «глубокий личностный творческий процесс, в котором художник слова тщательно отбирает из общенародной языковой сокровищницы только те единицы, которые соответствуют его творческому представлению и эстетике, при необходимости модифицируя их или создавая новые языковые средства» [там же]. Следовательно, каждый мастер художественного слова «выстраивает индивидуальную художественно-образную систему, основанную на осознанном выборе способов презентации действительности, влияя тем самым на читателя, его мысли и чувства» [там же].

Центральное место в художественном произведении занимает человек, его внутренний мир, мысли, чувства и эмоции, т. е. отмечается антропоцентрический характер литературы. Элементы окружающей человека действительности репрезентируются в художественном произведении. Таким образом, авторская картина мира дает представление о мире путем вербализации отдельных концептов.

Среди центральных концептов картины мира А.А. Проханова особое место занимают концепты «Государство», «Русская победа», «Ад», «Грех», «Вера», «Душа» и другие. Рассмотрим наиболее важные из них.

В материалах сайта «Комитет 101: люди, которым не все равно» об Александре Андреевиче Проханове читаем: «У Проханова в голове довольно странная картина мира – такое бывает, если хватануть разом стакан водки – контуры предметов размываются, пространство искажается, система координат нарушается. Проханов тоскует об утраченной империи, рассуждает о русском духе и его возрождении» [Цит. по: Проханов 20.06.2013: ЭР]. В этих строчках обозначены любимые концепты писателя, хотя и не вполне точно. Одним из центральных для А.А. Проханова является концепт «Государство», причем в особом, исключительно прохановском понимании. Вл.Г. Бондаренко точно определил, что А.А. Проханов на протяжении последних лет дополнял нашу реальность некими государственническими ми-

фами, намечавшими позитивные контуры неких «Больших проектов» для будущего величия России [Цит. по: Бялый 2009: 4].

«Я пишу портрет государства», – признается А.А. Проханов в беседе с Вл.Г. Бондаренко [Вл. Бондаренко 1998: ЭР]. Государство мыслится Прохановым чаще всего как идеальная форма жизни, к которой стремятся лучшие герои писателя (Белосельцев, Коробейников, Сарафанов, Садовников). Они безоговорочно и абсолютно верят в реализацию проекта по созданию Государства с большой буквы, а, следовательно, концепт «Государство», воплощаемый через столь любимую А.А. Прохановым идею Русской Победы, связан с концептом «Вера». Эта связь безусловна и для А.А. Проханова принципиальна: «Святость, чудо историками не рассматриваются. С их точки зрения, это сентиментальные, асимметричные категории. Но для художника, для метафизика, просто для верующего человека – это не абстракции, это вполне исторические категории» [Бялый 2009: 4]. Поэтому в репрезентации концепта «Государство» участвуют ФЕ, на первый взгляд, не вполне обычные в этом отношении.

А.А. Проханов – «абсолютно последовательный государственный. Гражданин и патриот. Державник. Он – духовный лидер оппозиции. У нас таких немного. Проханов, Чикин, Шафаревич, Бондарев, Распутин... Эти люди в своей области являются авторитетами. Им не требуются для своего духовного влияния ни депутатские мандаты, ни чиновные кресла. Они огромны, значимы, весомы и без выборных должностей» [Зюганов 1998].

Как отмечает священник Д.С. Дудко, в России сейчас «настолько все разгромлено, опустошено, запутано, что невольно возникает такой образ: „Последний солдат на поле битвы...” И тут же вспоминается Пушкин: *О поле, поле, кто тебя /усеял мертвыми костями? /<...> Зачем же, поле, смолкло ты /и поросло травой забвенья?* Но последний солдат на поле битвы – это и начало новой войны, и выход из положения. <...> Что же такое последний солдат на поле битвы? Это значит, он единственный остался и единственное у него осталось – поле битвы. <...> У последнего солдата есть только любовь

и жалость – врагов нет! Последний солдат не забывает реальной жизни Сегодняшнего дня и смотрит уверенно в Завтра» [Дудко 1998]. В определенном, «прохановском» смысле, словосочетание *последний солдат империи*, возведенное писателем в сильную позицию – в название романа, – тоже является ФЕ. По признанию самого А.А. Проханова, для него «само Государство является проекцией Бога в мир, как и отдельно взятая душа, или тот или иной народ. Государство – это явление. Мой чувственный мир давно уже живет вокруг этой монады – Государства. <...> Это был постоянный объект моей работы. Я открывал в этом государстве огромные миры метафизические, выработывал свою эстетику. Это не значит, что я просто писал государство. Было множество людей, характеров. Были войны, которые вело государство, были разведоперации в глобальных масштабах, были человеческие драмы и трагедии, был штурм дворца Амина, и этот штурм осуществлялся не роботами, а людьми, которые гибли от пуль, переживали, страдали, сами убивали. Потом в государстве произошла трагедия 1991 года, я видел, как рушится государство, и мой герой романа „Последний солдат империи” – это настоящий певец государства» [Цит. по: Вл. Бондаренко 1998].

В XVI веке слово «государство» хотя и появляется в текстах, но не получает особенного распространения. В словарях зафиксированы такие фразеологические выражения русского языка, как *царство-государство*, *царь-государь*, *в некотором царстве*, *в некотором государстве*, *в тридевятом царстве*, *в тридесятом государстве* [ФСРЛЯ 2008]. Обратим внимание на то, что в то время компоненты «царство» и «государство» употреблялись как синонимы. В Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова «царство» определяется как „государство под управлением царя” [Ушаков 2005: 1023], а в толковом словаре В.И. Даля читаем: «Государство – ср.: царство, империя, королевство, земля, страна под управлением государя» [Даль 1989], то есть царство – это одна из форм существования государства, которая и сформировалась на Руси в XVI веке.

Концепт «Государство» для А.А. Проханова связан с понятиями *империя, гражданин, механизм, закон, сила, победа*, которые имеют позитивные коннотации.

Государство в понимании А.А. Проханова – это:

1) особое устройство, основанное на «единстве двух противоположных начал – государя и народа; единстве, которое может быть достигнуто при условии предстояния народа перед государем, государство наделено священной функцией посредничества между сакральным и бытовым мирами, между божественным и человеческим миром; государство выступает в качестве защитника и охранителя русской земли» [Семенова 2013];

2) сложный механизм, огромная машина управления жизнью народа в определенной культурно-исторической среде;

3) особая модель действительности, противопоставленная хаосу; модель, основанная на справедливых отношениях между людьми, между народами, между человеком и космосом;

4) люди, народ, объединенный идеологией: «политики, историки, политологи, художники, философы, технократы, концептуалисты, священники, люди духовного мира, потому что технологический и политический рывок невозможен без того, чтобы он не освещался райскими смыслами. Теми смыслами, с которыми жила русская история, жил русский народ на протяжении всей своей длинной исторической синусоиды, длящейся в настоящем и уходящей в будущее. Райский смысл, свет Фаворский необходим заводам, необходим гарнизонам, офисам, партиям, необходим семьям, каждому из нас» [Проханов 3.10.2012: 1].

Для А.А. Проханова принципиальна связь концептов «*Государство*» и «*Русская победа*». Не случайно одна из книг писателя называется «Поступь Русской Победы» (вышла в свет в 2012 г.) – книга, в которой начертаны идеологические контуры сегодняшнего Государства Российского, рассказывается о русской государственной идее, переживающей сложный период своего становления.

А.А. Проханов конкретизирует известный концепт, понимая под *Русской победой* следующее:

- 1) победа, всегда достаемая тяжело, в страданиях и лишениях, а потому не могущая быть аморальной;
- 2) неизбежное и страстно ожидаемое событие, самое важное в истории Российского Государства, а возможно, и целого мира;
- 3) абсолютное превосходство ума, силы, красоты, других личностных (народных), преимущественно духовных качеств;
- 4) феномен, обладающий таким свойством, как повторяемость, цикличность (ср.: идея Пятой империи А.А. Проханова);
- 5) торжество философской идеи о богоизбранности русского народа и России (философия старца Филофея, Ф.М. Достоевского, И.А. Ильина, Н.А. Бердяева, Н.Ф. Федорова);
- 6) доказательство наличия у русского народа особой способности возрождаться, за которую Российское Государство уважают другие народы и государства.

Примечательно, что идея *Русской победы* – это идея именно торжества духа, не имеющая ничего общего с нацистскими взглядами на мир. В этом смысле в понятии «русский» духовная составляющая преобладает над этнической. Неслучайно на страницах романов А.А. Проханова неоднократно становится эпизод произнесения Сталиным тоста за великий русский народ: «Он [Сталин] приблизился к столу, поднял приготовленный бокал с вином, посмотрел сквозь него на свет и с легким грузинским акцентом произнес: – Дорогие товарищи, этот **тост** я хотел бы поднять за **великий русский народ!**» («Красно-коричневый» 2010: 406); «– Я произношу этот **тост за великий русский народ!** – Чарка с водкой мерцала в руке генералиссимуса. – Я пью за народ-победитель, народ-герой. Только русский народ, которому нет равных среди других народов земли, был способен одолеть черную силу мирового зла... <...> был способен в неисчислимых трудах создать государство в одну шестую часть земли и основать это государство на принципах спра-

ведливости, братства и добра. «...» мог создать культуру Пушкина, Толстого, Тургенева, которая дышит любовью к человеку, к природе, ко всему живому» [«Русский» 2011: 139]. Русский народ, по убеждению А.А. Проханова, таким образом, является победителем не по своей этнической характеристике, а именно благодаря крепости духа, тяготению к «справедливости, братству и добру», любви «ко всему живому».

Идея *Русской победы* в мировоззрении А.А. Проханова неразрывно связана с православием и возможна только на основе этой тесной исторической взаимосвязи.

А.А. Проханов убежден: «Русская святость даже в самые страшные, кровопролитные периоды русской истории присутствует, проникает в наше бездуховное умирающее общество – и она является той праной, той энергией, которая будет реализована в следующем историческом периоде» [там же]. Ср.: « – Ты согласен помочь?.. Там, на набережной, на месте расстрела, ты говорил о служении, о **Русской победе!**.. Ты, я – мы служим **Русской победе!**.. Жертвуем, переходим из огня да в полымя, теряем последние силы, но нас вдохновляет, ведет **Вифлеемская звезда великой Русской победы!**..» («Господин Гексоген» 2010: 414). *Вифлеемская звезда* – небесное тело, которое, по Евангелию, возникло на небе в момент рождения Иисуса Христа и указало волхвам путь к Его вертепу; значимый атрибут празднования Рождества у христиан и иконографии «Рождества Христова» и «Поклонения волхвов» [Библейская энциклопедия 1994]. Как Иисус Христос является Спасителем, так и Россия, борющаяся с силами зла, призвана стать спасением для всего человечества в момент свершения Русской победы, ознаменованием которой, согласно позиции А.А. Проханова, и станет восхождение Вифлеемской звезды.

Вместе с тем государство у А.А. Проханова предстает не только и не столько в лучах Божественного света. Высокая вера, устремленная в будущее, граничит с ненавистью. «„Такой русский ангел с автоматом Калашникова в руках“, – характеризует критик А.А. Проханова Вл.Г. Бондаренко глав-

ного героя романа «Красно-коричневый» – и тоже точно попадает в суть стиля и идеологии его «красно-коричневого» автора. Ибо по логике двоемирия вера в свою миссию дает право на ненависть к воображаемому врагу. Или, наоборот, бытовая ненависть требует ненависти идейной, а последняя – воображаемого и недостижимого идеала. В любом случае, символично, что в ряде романов прекрасные прохановские бабочки оседают и ловятся исключительно на трупах и воронках от взрывов» [Цит. по: Романова 2006: ЭР].

Особое место в картине мира А.А. Проханова занимает концепт «Ад». На страницах романов часто царствует эстетика разрушения и смерти. Показательным для творчества писателя становится контрастное сопоставление ФЕ *Русский ад* и *Русский Рай* как двух возможных либо настоящих форм жизни. Отвечая на вопросы читателей сайта, на котором размещаются номера газеты «Завтра», редактором которой и является А.А. Проханов, писатель говорит: «Я думаю, что в художественном сознании мира одновременно существуют рай и ад. Данте писал и ад, и рай. Дантовский ад – это антиутопия, дантовский рай – это утопия. <...> Что касается ада, то ад – это смерть, которая движется во Вселенной. Ад – это смерть, которая движется на человека, на семью, на государство, на эту часть вселенной, на мир в целом. Поэтому это страшно, это поражает воображение, это гнетет, это вынуждает художника к творчеству. Хотя очень часто эти антиутопические кошмары являются своеобразной формой заговаривания смерти, своеобразной формой отдаления смерти, своеобразной формой борьбы со смертью. Я думаю, что оруэловская антиутопия – это не есть песнь, возвеличивающая рай, это не есть восхваление рая, это есть ужаснувшая сердце человеческая смерть, которая через антиутопические модели уходит от антиутопии, возвращается в область светоносного рая» [Блог Александра Проханова: ЭР].

В понимании писателя Ад – это:

- 1) место, в котором сосредоточилось мировое Зло, не имеющее четкого пространственного положения;

- 2) состояние, уготованное смертным на веки вечные – мучительное наказание, согласно вердикту, выносимому Высшей силой на Страшном Суде;
- 3) феномен, обладающий мифологической природой, в религии – основа теологического учения о загробной жизни, Добре и Зле и Страшном Суде, который ожидает каждого после смерти;
- 4) особая форма жизни на земле в определенный момент времени, связанная с горем, страданием, смертью людей (чаще всего, в военное время);
- 5) явление, противоположное *Раю* (ср.: ФЕ *Русский ад* и *Русский Рай*).

Репрезентация концепта «Ад» в произведениях А.А. Проханова происходит при помощи неоднократно встречающихся ФЕ *врата ада (адовы)*, *царство Аида*, *Геенна Огненная*, обозначающих место, куда попадают после смерти души за совершенные при жизни страшные грехи, либо самый страшный возможный исход жизни как отдельного человека, так и целого народа. Например, в романе «Пятая Империя» неоднократно создаются картины Ада, случившегося в истории России или возможного в ее будущем: *«Заборщиков витийствовал. <...> – Большевистское государство превратило Россию в дом Дьяволородицы. Еврейские комиссары кинули народ в топку мировой революции, где русские были дровами, раскалявшими Геенну Огненную. Россия должна была погибнуть в черной дыре антимира, стать престолом Сатаны»* («Пятая Империя» 2010: 41); *«Либо мы выступим и построим наше светносное царство, нашу „Пятую Империю“, что – „миру спасение“. Либо сомкнутся над родом людским силы тьмы, отворятся настежь „врата адовы“, и на крылатом козлище, усыпанный алмазами и сапфирами, въедет Антихрист...»* (там же: 307).

Концепт «Ад» связан с концептом «Грех», репрезентация которого происходит в идиостиле А.А. Проханова при помощи ФЕ с субстантивным компонентом «грех» – „проступок, порок, недостаток“ [БАС т. 3: 387]. В «Алфавитном Указателе к Священному Писанию» содержится иное толкование: грех – „пагуба“ (ср.: погубить, погибель, гибель) [Симфония, или Алфа-

витный Указатель к Священному Писанию 1970]. Таким образом, грех – то, что может погубить душу. Ср.: « – ... *Евреи, которых вы так ненавидите, взяли на себя эту священную миссию объединить человечество, преодолеть „грех вавилонский“, искупить разобщение*» («Пятая империя» 2010: 684); «*На кафедре находился Министр экономики со странной фамилией Грех, которую он при знакомствах произносил с самоиронией, тут же прибавляя: „Грех первородный“, - чем вызывал неизменные улыбки знакомцев*» («Крейсера соната» 2010: 203); «– *И ты, Грех, – никакой не первородный, а смертный и неотмолимый!*» (там же: 208); «*Зло, обитающее в вертепе, будет повергнуто злом. Он [Сарафанов – Е.А.] хорошо представлял себе внутреннее расположение ресторанных залов, стриптиз-баров, интимных номеров, куда ночью со всей Москвы соберутся распутники – предаваться „грехам содомским“*» («Пятая империя» 2010: 285). Использование писателем подобных ФЕ далеко нельзя назвать частотным, но, благодаря своему формальному и смысловому разнообразию, они играют крайне важную роль. Наличие и осознание греха неминуемо приближает расплату или раскаяние и, как следствие, очищение души человека и возрождение государства в целом.

Безусловно, в большинстве романов А.А. Проханова («Красно-коричневый», «Господин Гексоген», «Последний солдат империи», «Пятая империя», «Человек звезды» и др.) центральное место занимает острый политический конфликт. Но Россия для А.А. Проханова, в первую очередь, – это сильное православное государство, «Пятая империя», «Красная империя», одержавшая священную Русскую Победу, и «за политикой проглядывает уже метафизический конфликт добра и зла», веры и безверия, истины и лжи [Вл. Бондаренко 2010: 42]. Поэтому «грех» в любом проявлении, становясь, к несчастью, неотъемлемой частью жизни народа, неизбежно влечет наказание – адовы муки, а сами ФЕ с данным компонентом получают в художественном мире А.А. Проханова столь широкое распространение и разнообразие форм.

Известно, что язык А.А. Проханова характеризует избыточность метафор. В его романах и в статьях метафоризируется «любой фрагмент реальности: вещи, еда, интерьеры, архитектура, политические фигуры, события, страны, континенты и т. д. В ответ на заговаривание реальность расползается, галлюциногенно искажается, распадаясь на дольных ползучих тварей и горные высоты духа, апокалипсис и надежду на спасение. Собственно, констатация этой картины мира, распределение политических событий по „гнилостным / плотским / капиталистическим / сионистским” и „просветленным / духовным / советским / русским православным” кластерам является смыслом любого текста Александра Проханова. Так, излюбленные метафоры в прохановской риторике ненависти – гниль, слизь, зооморфная потусторонняя природа, похотливая, уродливая, разлагающаяся плоть „чужих”. Враги склонны к извращениям, вампиризму и каннибализму» [Романова 2006: ЭР].

С семантикой Апокалипсиса связана такая ФЕ, как *конь Блед* – четвертый и последний всадник, именуемый Смертью. Его называют и по-другому: «Чума», «Мор», основываясь на различных переводах Библии. Цвет лошади последнего всадника описан как *khhlōros* (χλωρός) в Койне, что переводится как «бледный», однако возможны переводы и как «пепельный», «бледно-зелёный» и «изжелта-зелёный». Этот цвет напоминает бледность трупа [Case 1919: 261-263]. Ср.: « – ... Мне сказали, что эта машина таит в себе Русское Чудо, возможность Русского Рая. В синем пруду станет кататься красный божественный конь, золотой райский всадник, но вместо него из машины вырвался **Конь Блед**, страшная костяная старуха с косой» («Последний солдат империи» 2010: 301).

Крылатая единица *Цветы зла*, автором которой является Шарль Бодлер, превращается у А.А. Проханова в символ греховности, репрезентируя концепт «Грех».

Фразеологические словари не фиксируют данную единицу, но частота ее употребления говорит о том, что сочетание *цветы зла* можно считать ус-

тойчивым. Так, в 2013 году на экраны выходит сериал под названием «Цветы Зла», по сюжету которого провинциальный городок потрясает серия жестоких убийств. Рядом с некоторыми убитыми женщинами находят стихи французского поэта Шарля Бодлера из знаменитого сборника «Цветы зла». Ср. у А.А. Проханова: « – ... Ты стираешь эти грязные простыни, со следами **содомского греха** и невиданных извращений. Вода, растворившая в себе этот смрадный грех, не сливается в канализационную трубу, а поступает в оранжерею, где выращиваются „**цветы зла**” – огромные ромашки с черными лепестками и золотой сердцевинкой» («Русский» 2011: 146); «Серж понимал, что его усыпляют. Вливают в него убаюкивающее зелье, чтобы мозг его был затуманен... <...> – Я не сержусь на вас, сыны мои, – произнес тат, гарцуя на веселой лошадке. – Я провожаю вас как героев, отдаю вам последние почести. Один из вас через несколько минут сгорит в огне, и добытое из него тепло пойдет на подогрев моей волшебной теплицы. Другой будет превращен в мельчайшие органические частицы, которые пойдут на удобрение тепличных грядок, где я выращиваю **Цветы Зла**» (там же: 197); « – И вы, мой прекрасный рыцарь, приняты в Орден Тьмы. Все мы с вами – **цветы Зла**, собранные в великолепный черный букет. Мы должны окончательно вырваться из рабства добра и света» («Человек звезды» 2012: 203).

Таким образом, концепт «Грех» как элемент картины мира писателя представлен следующими характеристиками:

- 1) явление, присутствующее в окружающем мире, в жизни героев Александра Проханова;
- 2) зло, ненависть, ложь, одним словом, беззаконие, с которым необходимо бороться;
- 3) в христианском представлении, ошибка, нарушение, преступление;
- 4) причина разрушения гармонии жизни; катализатор бедствий;
- 5) явление, с одной стороны, противоестественное природе человека, не принимаемое лучшими героями А.А. Проханова; с другой – неотъемлемая часть земной жизни людей;

6) действие, от которого страдают другие люди, а нередко и сам совершающий грех;

7) физическое и психологическое состояние, в которое впадает человек; состояние, предшествующее раскаянию и мукам совести либо духовной гибели согрешившего.

Анализ всех перечисленных концептов играет особую, важную роль в процессе раскрытия и понимания картины мира писателя. Однако можно полагать, что все они тесно связаны с главным для А.А. Проханова, ключевым концептом в его творчестве – концептом «Русскость».

3.2.2 Репрезентация средствами фразеологии концепта «Русскость» как центрального в языковой картине мира А.А. Проханова

Изучение национальной концептосферы идет в русле исследований различных аспектов системы «культура». Концепт всегда нуждается в интерпретации, потому что в нем соединены понятия и представления, стандартизованность и уникальность. Национальные концепты, как и национальные концептосферы, не могут быть точно определены, но могут быть описаны. Описания эти допускают некоторую долю субъективизма, заложенного в самой природе концепта.

В вопросе о концепте «*Русскость*», как отмечает Андрей Николаевич Савельев в работе «Архипелаг Святая Русь», особняком стоит мысль о том, «что проблема „русскости“ была не столько задачей подкрепления антропологическими исследованиями самоочевидной реальности русского народа, сколько „политическим концептом“ без всякой опоры: „В той же мере, в какой политический концепт русскости оставался одним из наименее четких и наиболее оспариваемых понятий российского политического языка рубежа веков, проблема определения расовой природы русскости являлась одной из самых сложных проблем российской имперской антропологии. Категория „русский“ существовала как внешняя по отношению к антропологической

номенклатуре, составленной из наименований народностей (и в частности, славянских народностей)» [Савельев 2008: ЭР].

Русский язык – оформляющее начало русского сознания. Как верно и точно подметил Иван Александрович Ильин, дар нашей Родины – дивный, могучий, поющий язык: «В нем вся она, – наша Россия» [Ильин 1996]. На вопрос о том, что такое русскость, сам А.А. Проханов отвечает: «Прежде всего – это русский язык. Русский язык является той таинственной формой, в которой прячется русскость даже тогда, когда кругом господствуют тьма, кромешность и высшие формы духовной и интеллектуальной оккупации. Поэтому блистательные русские языкотворцы, такие как Бунин, как Чехов, они для меня являются свидетелями того, что русскость проявляется в языке» [Блог Александра Проханова: ЭР].

Очевидно, что чувство Родины для русского человека немислимо без исторической памяти о прошлом и что, говоря о Руси, русские сохраняют этнополитическое представление о демократической государственности начального периода. Понятие Руси-Родины исторично и имеет глубокие корни в русском народном сознании. Так, существует немало крылатых единиц, пословиц, поговорок о важнейших исторических событиях, происходивших в России, и о личностях, с ними связанных (*Шемякин суд; Пришли казаки с Дону, да погнали ляхов до дому; Стенька Разин на ковре летал и по воде плавал*). Конечно же, в данных паремиях нет характеристики русскости в ее „чистом” виде, зато в них фиксируется внимание на отдельных периодах исторического прошлого России и героях, в делах которых проявляется русскость [Фархутдинов 2007: ЭР].

Особое место в русском понимании Руси-Родины занимают пословицы о Москве, которая всем городам мать. Пословицы о Москве показывают, что славилась она невестами, колоколами да калачами, что не раз она сгорала от копеечной свечи. Герои А.А. Проханова говорят о Москве как *Третьем Риме*. Наиболее показательными в этом плане становятся романы «Господин Гексоген», «Крейсерова соната», «Холм», «Пятая империя», «Теплоход „Иосиф

Бродский»», «Алюминиевое лицо», «Русский», «Человек звезды», в которых обозначенная ФЕ встречается около двух десятков раз. Теория «Москва – Третий Рим» послужила смысловой основой мессианских представлений о роли и значении России. «Впервые эта мысль прозвучала в первом послании игумена псковского Елеазаровского монастыря старца Филофея к великому князю московскому Василию III. Написано оно между 1514 и 1521 годами, когда и первый и „второй Рим” уже пали – один был захвачен варварами, другой, столица Византии Константинополь – турками-мусульманами. Филофей изложил в своем послании идею как религиозной, так и государственной преемственности Московской Руси от Византии» [Серов 2003]. Ср.: «–... *Москва перестает быть „Третьим Римом” и становится наконец „Новым Иерусалимом”...*» («Господин Гексоген» 2010: 619); «*Молдавия – то место, где три Рима сошлись. Мы приходим от первого Рима. Вера у нас православная, византийская – от второго Рима. А правила нами Москва, третий Рим*» («Алюминиевое лицо» 2011: 96); «*Русское Чудо совершится здесь, на Холме, при стечении тысяч людей. Позовет их в поход. В этот поход вместе со всеми пойдут ратники Александра Невского и защитники Изборска и Пскова. Вольется Александр Матросов и солдаты воздушно-десантной роты. Их поведут княгиня Ольга и святой князь Владимир. В их рядах Пушкин читает свои стихи „Клеветникам России” и старец Филофей произнесет проповедь о Третьем Риме*» («Холм» 2010: 314).

Как отмечается в «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений», фраза *Москва – Третий Рим* произносится «как иронический комментарий к чьей-либо велеречивой державной риторике, к рассуждениям о „русской идее”, согласно которым цели государственного и гражданского развития России сводятся к задачам «возрождения православной духовности», противостояния всякого рода „ересям” и другим религиям» [Серов 2003]. Напротив, для А.А. Проханова русская идея является основой мировидения, а потому цитирование героями его романов старца Филофея лишено всякой иронии.

Кроме того, важную роль в репрезентации концета «Русскость» в художественной прозе А.А. Проханова играют ФЕ *Москва златоглавая*, *Москва слезам не верит*. Ср.: «*Не был в Москве восемнадцать лет. – Марк оживленно разглядывал мелькавшие дома, фонари, рекламы, лица женщин по тротуарам. – Видел все мировые столицы, а приехал сюда, и, представляете, сердце забилося! Родина, Москва златоглавая!*» («Красно-коричневый» 2010: 225). В данном случае явным становится отождествление города Москвы с целой страной и русским народом. Что касается второй ФЕ, которая представляет собой в исходной форме двусоставное предложение, то в следующем контексте она претерпевает трансформации: *Москва слезам не верит* (двусоставная УФ) → *Москва, не верящая слезам* (субстантивная фразама) [см. об этом: Архангельская 2008; Бондаренко 2011]. Ср.: «– ... *Вы едете покорять Москву, и она, не верящая слезам, поверит вашей красоте, вашей доброте, вашей искренности*» («Красно-коричневый» 2010: 179); «*Лось лежал посреди двора, одна нога вытянута, как струна, с веревкой... <...> Опять все сошлись над добычей, разглядывали её, вырывали из спины клочья жесткого меха, нюхали. <...> В десять рук оттянули белую мездру с отверстием пули, и Старик, взяв колун, принялся бить стертым тупым железом в хлюпающую отходящую кожу. – Бей его по костям. Чтоб чужие боялись. – Глянь, слёзы текут! – Москва слезам не верит*» («Лось» 2003: 233). В «Словаре русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова о пословице *Москва слезам не верит* читаем: «Говорится тогда, когда чьи-либо слезы не вызывают сочувствия, не могут помочь» [Жуков, 1991: 175]. Важность значения лексемы *Москва* подтверждает и пример лексического варьирования в пословице *Земля слухами полнится*: «*Обеими руками схватил [Сабрыкин – Е.А.] ладонь Алексея и долго тряс, проходы вслед за хозяином в комнаты. – Видите ли, Москва слухами полнится*» («Виртуоз» 2010: 244). Москва – один из символов России, своеобразный центр концентрации всего русского. Применительно к данным контекстам можно говорить о метонимическом переносе: Россия (целое) → Москва (часть).

В целом же, с одной стороны, наличие и частотность данных фразеологизмов в романах обусловлены тем, что именно Москва наиболее часто становится местом действия, полем, на котором разворачиваются разнообразные события. С другой стороны, образ столицы, создаваемый с помощью ФЕ, перерастает в один из элементов концепта «Русскости». Москва для А.А. Проханова – это «огромный мир, таинственный, мистический. Здесь на площадях казнили, а все равно русские люди славили, любили Москву. И даже те, кому отрывали головы или, там, четвертовали, они молились на забор и славили Москву». Москва понимается писателем «как мистический город» [Проханов 04.09.2013: ЭР].

Как сообщает «Энциклопедия символов, знаков и эмблем», «существует социологическая теория, согласно которой «человеческие цивилизации, как древние, так и современные, делятся на цивилизации Логоса (то есть Слова) и цивилизации Номоса (то есть Закона). По этой классификации к цивилизациям Номоса относятся, например, Китай и Япония, а к цивилизациям Логоса – Россия» [Королев 2005: 228]. Понимание и творение Логоса требует определенных усилий ума и Души, отсюда – широта и глубина русского духовного творчества, одним из проявлений которого является художественная проза.

Если, например, для сравнения, по мнению Б.М. Лепешко, «русскость – это ... воровство на каждом шагу» [Лепешко 2012: ЭР], то у А.А. Проханова *Русскость* сопряжена с чувством гордости за *Русскую Победу*, радости от ожидания наступления *Русского века* и горечи от осознания гибели *Русской Атлантиды*. В понимании «Русскости» А.А. Проханов одновременно и традиционалист и новатор: «Русскость – это не только носить косоворотку, говорить на русском языке и любить русские романсы. Это все так, но русскость – это именно те мессианские коды, которые заложены в русское сознание. Эти коды стараются разрушить, поэтому важно не сдаться, не искушиться. Раньше святыми называли тех, кто погиб мученической смертью, а сегодня так можно назвать тех, кто не сдался, не утратил милосердия, благо-

родства, честности, стремления к возвышенному. «...» Не сдайся! Вот это сейчас самое важное для русских людей. А остальное приложится...» [Цит. по: Кузменкин 20-04-2012: ЭР].

Есть определенный круг понятий, который «убеждает нас в том, что русский взгляд на себя самих и на свой мир существует. Его вслед за В.И. Далем мы можем увидеть в материалах его «Толкового словаря живого великорусского языка», где в словарной статье «Русак» приведены обороты, простые и понятные каждому человеку: *Здесь русским духом пахнет; Не стерпело русское сердце; Русский ум - задний ум; русский Бог; русский час; Русское: сухо, бреди (подымайся) по самое ухо!; русское спасибо; русская рубаха; С ним по-русски не сговоришь; русским счетом.* Даже беглый взгляд на приведенный перечень оборотов позволяет увидеть, что они в сжатом виде отражают этническое осмысление русскости» [Фархутдинов 2007: ЭР]. Материалы словарной статьи словаря В.И. Даля показывают признаки русскости, осознаваемые самими русскими. Эти признаки могут быть чисто внешними, отражающимися в одежде, обуви, прическе, кухне и т. д.; но они могут быть и сущностными, глубинными, проявляющимися в восприятии или оценке того или иного явления действительности, в понимании себя и своего места в мире и реализующимися в категориях русское время, русская мера, русский ум, русское сердце, русский бог и некоторых других. Если первые признаки самоочевидны, то вторые более сложны, их суть скрыта, и они требуют специальных пояснений. Поэтому сосредоточимся на рассмотрении русскости как качества внутреннего [там же].

Внимание писателя А.А. Проханова, как уже отмечалось выше, сосредоточено именно на внутреннем мире героя, а значит, и на внутренней, ментальной и духовной стороне концепта «Русскость».

Концепт «Русскость» связан со специфическим восприятием времени. Любопытно, что «люди, побывавшие за границей, отмечают, что в России время течет медленнее, чем в Европе, но идет быстрее, чем на Востоке. В основе такого суждения лежит сравнение ритма и темпа жизни разных наро-

дов. «...» Именно этим можно объяснить использование в их речи таких своеобразных единиц измерения времени как *русский час; московский час; русский месяц; деревенский месяц*» [там же]. Во фразеологии А.А. Проханова распространены такие ФЕ, как *русское время, русский век, русское будущее*, которые отражают специфику восприятия русского времени. Ср.: «Оглянулся и увидел темный гранит и на нем серо-седое лицо женщины, которую он видел во сне на летучих санях, и которая, по словам Ольги Дмитриевны, была хранительницей **русского времени**» («Скорость тьмы» 2010: 416); «— ... „Русская победа“, „**Русский век**“, „Русский рай“ - убогие утопии, которые нам предстоит преодолеть, как пытались это сделать до нас опричники Ивана Грозного, преображенцы Петра Великого, масоны Александра Первого, комиссары Ленина» («Господин Гексоген» 2010: 627); «— ... Но над Русью светает... Ты и я — мы две половины расколотого зеркала. Сложим эти две половины, и в них, как в волшебном стекле, отразится **Русское Будущее**» («Пятая империя» 2010: 43).

Русскость проявляется и в особом понимании меры, которая всегда этнически маркирована (*По-латыни два алтына, а по-русски шесть копеек; Русским счетом будет всего столько-то...*); а также в знании этой меры или в ее незнании: *Я свою меру знаю; не знает меры кто-л.; Душа всему мера* [Аникин1961: 7]. Мера у русских оказывается личностно окрашенной и наполненной особым содержанием: каждый человек знает свою меру и этим отличается от других людей. Видимо, поэтому в русской среде осуждается, когда кто-то подходит к другим со своей меркой: *Ты по себе-то не меряй всех; Ты по себе людей не равняй; Он всех по себе меряет*). При этом своеобразие русского проявления меры просматривается в таком стереотипе поведения, как руководство речевой формулой *Я бы на твоём месте...*

В этом смысле любопытно рассуждение Е.Г. Яковлева, который считает, что провозглашенная еще Протагором идея меры («Человек — мера всех вещей»), позднее развитая в эпоху Ренессанса, в движении «Бури и натиска», отразившаяся в формуле раннего К. Маркса «Человек умеет производить по

меркам любого вида» и концепции «одномерного человека» Г. Маркузе, характерна лишь для европейского менталитета. При этом Е.Г. Яковлев убежден, что «для русского человека характерна безмерность, в которой есть черты отрицательные, ужасающие и черты положительные, возвышенные. Эта безмерность антиномична и не разрешима не только в пределах рассудка, но и разума» [Яковлев 1993: 11-12]. Ф.В. Фархутдинов отмечает «неубедительность доводов Е.Г. Яковлева об отсутствии чувства меры у русских людей. Помимо внутреннего понимания меры, важного для отдельного человека, есть и внешнее ее понимание, которое тоже личностно окрашено. При этом личностная окрашенность внешнего понимания меры оказывается важной для других людей, для социума» [Фархутдинов 2007: ЭР]. Думается, что и для А.А. Проханова, и для его героев *русская мера*, несомненно, существует и находит выражение в ФЕ *русская правда, русская справедливость*. Ср.: «Россия спасена, торжествует „**русская правда**“, „**русская справедливость**”» («Виртуоз» 2010: 482). Однако, как видим, писатель не распространяется по поводу конкретного семантического наполнения данных ФЕ, он просто констатирует факт: эти реалии есть.

С понятием меры своеобразно связана ФЕ *Русский Праведник*: образ Русского Праведника становится неким «мерилом» жизни, ее правильности. Николай Плужников, герой «Крейсеровой сонаты», наполовину умерший человек, наполовину бессмертная душа, приходит в мир людей и становится проводником и носителем этой самой меры. Ср.: «— Окстись! Ты же русский сын! Оглянись скорей! К нам идет Праведник!.. Пора встречать **Русского Праведника!**» («Крейсерова соната» 2010: 288). Таким образом, в трагифарсе «Крейсерова соната» происходит конкретизация образа русских праведников, созданных ещё во второй книге «ОКО» — романе «Ангел пролетел»: «— Российские великомученники уже вошли в новый град и сели рядом с Господом на седалище в тереме Господнем. На седалище осталось немного свободного места, но оно вскоре заполнится последними праведниками, русскими же людьми, из нас с вами. — Кто они, великомученники, что сели на седа-

лице к Господу? – спросил Фотиев уже без насмешки «...» – Государь император вместе с наследником, государыней императрицей и великими княгинями, страшно и злодейски убиенными, принявшими мученический венец святости, открывают собой череду святых **русских праведников**, входящих в Град» («ОКО» 2010: 520). В прозе А.А. Проханова *Русский Праведник* – не конкретный человек, а некий собирательный образ, персонификация русской идеи. В этом смысле позиция А.А. Проханова близка взглядам философа И.А. Ильина: «...перед нами задача: творить русскую самобытную духовную культуру – из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом смысл русской идеи» [Ильин 1996].

Наибольшую частотность в языке А.А. Проханова получили фразеологизмы, отражающие связь русскости и осмысления мира. «К внешним проявлениям русскости отнесены и особенности национальной одежды (*русская рубаха*) и особый характер речевого этикета (*русское спасибо*) и речевого общения (*по-русски не сговоришь или русским языком тебе говорят*). Этот набор выражений интересен тем, что опять выводит нас на проблему этнического самосознания в разных культурных стратах – в элитарной культуре и в культуре народной. Точки соприкосновения в этих культурах есть, но полного наложения понятий нет. В народной культуре русскость осмысляется через такие культурные концепты, как *большая и малая родина, свои и чужие, сердце, ум, мера, речь, пространство, время, одежда*, тогда как в элитарной культуре ориентиры другие» [Фархутдинов, 2007: ЭР]. К окказиональным ФЕ, в семантике которых проявляется связь Русскости и осмысления мира, в идиостиле А.А. Проханова следует относить фразеологизмы: *русская альтернатива, Русская победа, русская идея, Русская Палестина, Русская Атлантида, Русская Империя, Русская цивилизация, Русский Космос, Русский Рай, русский Ад, Русский хаос*.

Русскость героев А.А. Проханова напрямую связана с концептом «Государство». Наиболее ярко эта связь раскрывается благодаря окказиональным ФЕ *Первая Империя, Вторая Империя, Третья Империя, Четвертая*

Империя и Пятая Империя, репрезентирующих идею цикличности развития государства. Основные положения теории пяти империй А.А. Проханова раскрывает герой романа «Пятая Империя» Алексей Сергеевич Сарафанов: «... **„Первая Империя“** сложилась вокруг киевской Софии, от Балтии до Черного моря со множеством племен и народов – славяне, норманны, угры, финны, печенеги, хазары. Затем – Московское Царство с колокольной Ивана Великого, могучий, от семи холмов, протуберанец за Урал до Тихого океана, – триумфальная **„Вторая Империя“**. Следом – Александрийский столп в Петербурге, яростный петровский прорыв, устремленный в центр Европы, – **„Третья Империя“** Романовых. На ее месте – Мамаев курган и космическая лодка „Буран“, сталинский красный Союз – **„Четвертая Империя“**, положившая свою красную лапу на весь XX век. Все четыре пали, их поглотила бездна истории. <...> Теперь мы стоим у основания „Пятой Империи“» («Пятая Империя» 2010: 45).

Русскость не мыслится без советского этапа развития Российского государства (по-прохановски, без «Четвертой империи»). «Дон-Кихот по-советски» – такое определение А.А. Проханову дает А.Г. Дугин. «После августа 1991 года <...> Проханов, видимо, решил идти навстречу тем идеям и концепциям, которые не укладывались ранее в вялотекущие взгляды „официальных государственников“. ...Проханов верил в Советское Государство, был предан Советскому Государству, служил Советскому Государству и...его Системе. Но он продолжил эту веру и это служение дальше особой запретной черты <...> Проханов доказал, что принимает все серьезнее и глубже, чем это делали те, которых он искренне считал своими вождями, своими авторитетами, своими полководцами. Так и Аввакум когда-то страстотерпно доказал, что абсолютная покорность Царю и предельное уважение к церковной дисциплине в определенной ситуации не останавливают русского христианина от восстания и утверждения Истины вопреки всему.

Этот же столь внятный дух Консервативной Революции заиграл в Проханове. Истинно русская природа „духовного христианина“, способного к

утверждению покорности через бунт, верности большинству через отрицание его правоты. Своего рода советское, государственническое исповедничество. Проханов, певец Системы, остался верен Системе даже когда она рухнула» [Дугин 1998].

«Поразительно умным человеком» назвал Л.Н. Толстой Проханова-старшего, который жил сто лет назад и был издателем и писателем, интеллектуалом и нонконформистом. Ничего не меняется. Одни и те же имена, одна и та же мучительная борьба, одно и то же сверхчеловеческое напряжение сил, одна и та же Россия, сложная, терзаемая, опьяненная самой собой, духом своих людей, лучших людей земли, ее солью... [Дугин 1999: 4]. А.А. Проханова называют «летописцем своего времени, изобразившим в романах все войны, революции и катастрофы, произошедшие в России в конце XX – начале XXI века». А.А. Проханов – «певец сильного государства», империи, автор идеологии грядущей «Пятой Империи».

Все герои А.А. Проханова – государственники. Вот почему с неизбежностью он разминулся с авангардистами-разрушителями типа Вознесенского и почему с ещё большей неизбежностью сблизился с традиционалистами-почвенниками, с лидерами деревенской прозы В. Беловым и В. Распутиным» [Вл. Бондаренко 2010: 7].

Русскую национальную идею ещё 250 лет назад сформулировал Иван Шувалов: «Сбережение народа». В наше время эти слова повторил А.И. Солженицын. Но А.А. Проханов, как замечает С.С. Беляков, решительно с этим не согласен. «Или великая Россия — или никакой России не нужно. Россия и русские живут во имя мистической Русской Победы и Русского Рая» [¹Беляков 2009: 14].

Примечательно, что в художественной системе романов А.А. Проханова окказиональные субстантивные фраземы с компонентом-адъективом *русский* занимают особое место. Именно этот фразеологический ряд является объектом нашего рассмотрения. Читая А.А. Проханова, мы открываем целую палитру подобных фразем: *русская альтернатива*, *Русская*

Атлантида, русская идея, Русская Империя, Русская цивилизация, Русский Мир, Русский Космос, Русский камень, Русский Праведник, Русский фактор, русский хаос, Русское развитие, Русская победа, Русское Чудо, Русский ад, Русский Рай и другие.

Поскольку на мировосприятие А.А. Проханова большое влияние оказала философия космизма Н.Ф. Федорова, русское православное сознание, по мнению писателя, представляет собой «преимущественно сознание преодоления смерти, сознание сотворения новой земли и нового неба, т. е. космического преображения». Русское сознание – постоянное сознание «схватки рожденного мира и тех сил, которые хотят этот мир умертвить», «схватки тьмы и света», «схватки между смертью и силой, которая преобразует и побеждает эту смерть» [Проханов 08.06.2012: ЭР]. Русская идея А.А. Проханова, таким образом, основывается на антиномиях: жизнь и смерть, добро и зло, свет и тьма. Среди фразем с компонентом-адъективом «русский» в антонимические отношения вступают окказиональные ФЕ *Русский Рай* и *Русский ад*. На этом основании многие ФЕ, участвующие в репрезентации концепта «Русскость», можно условно разделить на две семантические группы: фразеологизмы с положительной коннотацией, по значению тяготеющие к *Русскому Раю* (например, *Русская Атлантида, Русское Чудо, Русская победа, Русский Космос, Русское развитие, Русская цивилизация, Русское Воскрешение, Русский Праведник*), и фразеологизмы с отрицательной коннотацией, тяготеющие к *Русскому аду (русский хаос)*. Численное преобладание фразеологизмов первой группы свидетельствует об отношении А.А. Проханова к России, о его вере в торжество света, в создание Русского Рая.

Фразема *Русский Рай* употребляются писателем в качестве своеобразного «поэтического фразеологизма» (по терминологии А.Д. Григорьевой [Цит. по: Третьякова 2011: 12]), обладающих яркой образностью. «*Врата Русского Рая*» - *неплохо сказано*», – цинично оценивает антигерой Шершнева из романа «Скорость тьмы» легендарную идею. Люди же, верящие в прошлое и будущее России, в разговоре друг с другом отмечают: «*Ты так чудес-*

но сказал. *Россия никогда не исчезнет. Ведь помимо земной, есть ещё Россия небесная. Это **Русский Рай**, где собрались все русские герои и праведники. Ты – герой, ты будешь в **Русском Раю**», «Русская женщина должна принести себя в жертву, и тогда ей, мученице, откроется **Русский Рай**», «...мне умирать не страшно. Ты меня любишь. Нас ждет **Русский Рай**. Это наша Молода, которую мы воскресим» («Скорость тьмы» 2010: 357). Рассматриваемый фразеологизм служит наименованием не столько какого-то неопределённого явления, возникшего в воображении героев, сколько на самом деле существующего, вполне конкретного места: «Они [Ратников и Ольга Дмитриевна – Е.А.] плыли по реке... Казалось, церкви окунули в реку золотые кресты. И он подумал, что их окружает святая вода. Река, по которой они плывут, - святая...*

– Это наша Молода, - она угадала его счастливую мысль. – Святая река, вытекающая из **Русского Рая**» (там же: 359).

В другом романе А.А. Проханова, «Виртуоз», семантическое наполнение фразеологизма *Русский Рай* конкретизируется и сужается до определенного образа, а именно – Собора Василия Блаженного: «Привезти в Москву и ссыпать эти священные горсти к основанию Кремлевской стены, левее от Спасской башни, напротив Василия Блаженного, который, как известно, является образом **Русского Рая**» («Виртуоз» 2010: 66). В то же время герою того же романа, предполагаемому царевичу Алексею, является страшное видение, что «священный собор утратил образ **Русского Рая**» (там же: 190).

Примечательно, что данный фразеологизм используют в своей речи как герои-циники романа, представляющие собой «лжеэлиту» России, так и герои-праведники. Такое широкое распространение рассматриваемой ФЕ подтверждает достаточно высокую степень его воспроизводимости как одного из свойств ФЕ. Различаются интонации говорящих и подтекстовое значение сочетания. «Быть может, среди затопленных монастырей и домов, мостовых и надгробных плит находятся врата в **Русский Рай**, которые скрыты от нас. Колокольня – это весть о **Русском Рае**, о русских мучениках и святых...

*Спасите колокольню. По ее ступеням мы спустимся в Молодею, и отыщем врата в **Русский Рай***» – с надеждой говорит героиня-праведница романа «Скорость тьмы» Ольга Дмитриевна, и фразема «*Русский Рай*» по интонации и смысловому наполнению в ее речи резко отличается от той же единицы в речи других персонажей, например, Шершнева и Маулюса.

Кроме того, мы наблюдаем различия и в графической форме написания данного фразеологизма. В случае употребления его антигероями, лишенными веры в будущее России, оба слова во фразеологизме пишутся с маленькой буквы: «*Ну, зачем нам космические технологии?.. Давайте лучше устроим космический город в районе Сочи. Пусть миллиардеры приезжают сюда, как на Сардинию или Лазурный Берег. Здесь они поймут, что такое **русский рай***» («Скорость тьмы» 2010: 104). Этот пример можно сравнить с использованием того же фразеологизма в эпизоде, раскрывающем уважительное отношение одного из героев романа «Виртуоз» к России: «*Мечтаю построить в районе Сити не унылые стоэтажные стекляшки,.. а ослепительный образ **Русского Рая***» («Виртуоз» 2010: 140). Здесь оба компонента в составе ФЕ пишутся с заглавной буквы.

Мы считаем, что именно *Русский Рай* как образ занимает одно из важнейших мест в концептосфере А.А. Проханова, что подтверждается не только высокой частотностью употребления данного сочетания.

Подтверждение сказанному находим в романе «Русский», в котором рассматриваемый нами в составе фразеологизмов ключевой компонент-адъектив занимает сильную позицию – он вынесен в заглавие романа – что в свою очередь говорит о большой семантической нагрузке на компонент в составе фраземы. Главный герой, молодой мужчина по имени Серж, рассуждает так: «*...Я русский, и мой народ мессианский. Оттого все наше величие и наше ничтожество, наше несравненное счастье и невыносимое страдание. Все, к чему я стремлюсь, все мои образы и метафоры – это образы совершенного бытия, метафоры **Русского Рая***» («Русский» 2011: 233).

Примечательно, что *Русскость*, по мнению А.А. Проханова, «не определяется родословной, она не определяется даже языком, не определяется вышивкой на косоворотке, она определяется принадлежностью к русскому мессианству. Русское мессианство – это строительство империи, наполнение ее содержанием, смыслом» [Проханов 28.08.2013: ЭР].

Русскость означает «инаковость, отличность от мира. Именно Православие делает нашу страну иной, отличной от других. Оно включает весь человеческий мир, все богатство цивилизаций внутри России, внутри его сакрального ядра» [Проханов, Кугушев 2009: ЭР]. Поэтому рассмотренный фразеологизм так или иначе призван репрезентировать религиозные прохановские мотивы, своеобразные потому, что в процессе их раскрытия рождаются и получают дальнейшее развитие образы *русских богов*, *русского Ангела*. Например: «Между нынешним народом и небом, где обитают **«русские боги»**, святые праведники, неусыпные молитвенники, между нами и хранящими нас ангелами распростерся непроницаемый экран, опущен «железный занавес», не пропускающий прану...» («Пятая Империя» 2010: 152); «– У России есть свой Человек Неба. Это Юрий Гагарин. Он олицетворяет русскую силу, благородство, красоту, целомудрие. Недаром его называют **русским Ангелом**» («Виртуоз» 2010: 40); «Он [Сарафанов – Е. А.] перевел взгляд на мистическую картину Дубоссарского, на фантастический город, где красные и зеленые люди двигались среди фиолетовых и желтых домов. За этой картиной скрывалось хранилище. Банк драгоценных технологий. Спасенное от гибели „русское чудо“, ожидавшее Русского Хозяина. Подземная церковь, на страже которой стоял **русский ангел**, хранитель Русского Будущего» («Пятая Империя» 2010: 428-429).

Русскому Раю в художественном мире А.А. Проханова противопоставлен *Русский ад*: «Эта клиника, как и недавняя колония строгого режима, являет собой образ **русского ада**, в который превращена его (Алексея) несчастная родина» («Виртуоз» 2010: 396). Религиозным мотивом объединены фраземы *Русское Чудо* и *Русское Воскрешение*. Ср.: «– А теперь самое

главное, Виктор, – Виртуоз сосредоточил на выпуклом лбу Ромула свой убеждающий взгляд... <...> Твои слова о Божественном предназначении России весомее, чем проповедь Святейшего Патриарха. Твои размышления о мистике русской истории, о **Русском Чуде**, о неизбежном **Русском Воскрешении** ставят тебя вровень с великим Федоровым и его «Философией общего дела» («Виртуоз» 2010: 32-34) или «Когда цивилизация рухнет, инженерные науки будут исчерпаны и физический мир вырвется из-под власти самонадеянного разума, сокровенные знания будут востребованы. Вифлеемская звезда вновь воссияет в русском небе. Свершится **Русское Чудо**. Русское Рождество и Спасение. Это и есть „другая Россия“, сокровенная Русь, которая укрылась в глуши и лепечет на птичьем языке невнятные миру слова. Слова о **Русском Воскрешении**» («Холм» 2010: 159-169).

«Нельзя понять историю человечества, не понимая его религиозных переживаний, – уверен А.А. Проханов. – То, что я говорю, возможно, больше понятно людям верующим. Я к этому пришел поздно, уже под занавес... Но для метафизиков, для людей, ощущающих метаисторическую реальность, важна такая, например, категория, как чудо. Вот есть *русское чудо*! Такой категории в истории не существует. Но что такое есть постоянное воскрешение русской цивилизации после того, как наступает период очередной катастрофы?! Вся история России – это история катастроф и история воскрешений. Причем катастрофы в русской истории бывают так глубоки, такой ужас и так страшно, что, кажется, должна исчезнуть и вся русская цивилизация. Но случается нечто, что спасает эту цивилизацию! И историки тебе не скажут почему...» [Цит. по: Кузменкин 2012: 2].

Русскость А.А. Проханова неизбежно связывается с идеей обновления, воскрешения, следующего после апокалиптического действия. «Жизнь под Господом не менее трагична, чем жизнь без Господа. Страх Божий – это одно из самых трагических переживаний.

Апокалипсис – это верх трагедии. Однако настоящая трагедия все равно заканчивается высшим стоицизмом. За пределами земной гибели стоит

сам факт героической их гибели. Сама гибель – это форма преодоления трагедии. Апокалиптическая картина кончается новым Иерусалимом. «...» Вот этим ощущением грядущего обновления и живут мои герои, – объясняет А.А. Проханов, – Они своим сопротивлением формулируют грядущее очищение» [Цит. по: Вл. Бондаренко 1998].

Окказиональные фразеологизмы с компонентом-адъективом «русский» нередко выполняют в романах А.А. Проханова сюжетообразующую функцию. Для примера обратимся к роману-трагифарсу «Крейсера соната», посвященному катастрофе «Курска»: *«Из-за груды рассыпанных, пламенеющих сердцевиной арбузов выскочила молодая седовласая женщина с зелеными глазами. Кинулась на творящееся возмездие скинхеда, вцепилась ему в кожанку... – Окстись! Ты же русский сын» Оглянись скорей! К нам идет Праведник!.. Пора встречать **Русского Праведника!**..»* («Крейсера соната» 2010: 288); *«– Граждане бомжи!.. – гремел расходящийся воронкой звук. – К вам обращаются агенты спецподразделения „Блюдающие вместе”!.. В ваших рядах находится некто, кто называет себя **Русским Праведником!**.. Он – самозванец!.. Он не прошел всероссийскую перепись населения и тем самым нарушил гражданский долг!.. Отдайте его нам, мы занесем его в учетную книгу, поставим на лоб штемпель переписи и отпустим обратно!.. Граждане бомжи, повторяю!.. / – Это за тобой? – спросил Плужникова Иван Иванович. – Ты – **Русский Праведник?** / – Я – странник... Явился неизвестно откуда...»* (там же: 444-445). *Русским Праведником* называют в романе «душу» капитана-лейтенанта Сергея Плужникова, погибшего при затоплении подводного крейсера «Москва», согласно писательскому замыслу. «Душа» подводника имеет телесную оболочку и приходит в мир живых людей, с борта погибшей «Москвы» в Москву-столицу, терпящую нравственную гибель и духовное разложение, с миссией спасения. Именно поэтому о нем сказано одной из второстепенных героинь романа: *«**Русский Праведник** совершил великое чудо!.. Пришел в Москву **Русский Праведник** нам во спасение!.. Он беса гонит и Москву спасает!.. Мне бес матку съел, но я его выхаркала!..*

Здесь был Русский Праведник!.. Слышите, воздух цветущими липами пахнет!.. Слышите, колокола сами собой звонят!..» (там же: 464). Наименование души героя романа в процессе развития событий в художественном мире произведения становится окказиональной субстантивной фраземой.

Таким образом, окказиональные фраземы с компонентом-адъективом *русский* в своем составе занимают важнейшее место в идиостиле А.А. Проханова. Употребление их, с одной стороны, раскрывает особенности индивидуальной писательской манеры автора, а с другой, — становится способом характеристики художественных образов героев. К этим индивидуальным особенностям А.А. Проханова относится также способность тонко подмечать детали и выражать их в метафорических образах, специфическое понимание Русскости и осознание ее как непоколебимой основы для всей его авторской картины мира.

Выявление и анализ особенностей варьирования устойчивых фраз в романах А.А. Проханова, использование окказиональных фразеологизмов способствует пониманию своеобразия фразеологической картины мира писателя, в которой важное место занимает идея российской государственности. Рассмотренные нами фраземы способствуют созданию представления о романах А.А. Проханова как о художественных текстах, для которых характерно, говоря словами Г.О. Винокура, «языковое новаторство» [Цит. по: Третьякова 2011: 12].

В романе-автобиографии «Надпись» А.А. Проханов дает своеобразный экскурс в историю русской идеи: «Богоносность советского времени подтверждается существованием красных мучеников, которых не счесть и которые превратили весь советский период в непрерывную, небывалую жертву. Хотя церковь и не считает их Христовыми мучениками, но если рассматривать все советское как огромную вмененную Богом задачу, то все, кто погиб в этом Боговом делании, являются Боговыми мучениками. Те, кто погиб за Родину, является святомучениками. Их нахождение в красном пантеоне, помещает их в Царствие Небесное. Борис и Глеб рядом с Зоей Космодемьян-

ской. Серафим Саровский рядом с Матросовым. «Русская идея», понимаемая не как «идея рушника, кваса и водки», а как «идеи бессмертия», постоянно пополняет святой пантеон. В русский рай со всем православным сонмом входят красные мученики, погибшие в атаках, умершие в блокадном Ленинграде, в немецком плену. Туда входит и мой некрещенный отец. Безбожный большевистский период крещен смертью мучеников, отдавших жизнь за бессмертие...» («Надпись» 2010:595). В данном романе факты жизни А.А. Проханова искусно преломляются через призму художественного метода писателя, а в образе главного героя Михаила Коробейникова угадываются черты самого автора. Кстати, рассматриваемая нами цитата представляет собой именно речь Коробейникова, что дает нам право делать выводы и о взглядах А.А. Проханова, и о его писательской картине мира.

Если проследить путь русской исторической, религиозной, философской мысли, то обнаружится, что основная русская идея сводится к тому, что Россия – это «иная страна». Русский народ, русское государство – абсолютно отличаются от прочего мира. На этом отличии строилось всё русское сознание. В разное время она наполнялась разным историческим содержанием, но острейшее отторжение от других цивилизаций сопровождало русскому самоощущению. «Инобытие являлось основой русского сознания. Русское мессианство исповедовалось и смердом, и князем, и интеллектуалом, и духовидцем, и комиссаром, и Гагариным. <...> Русские избраны Господом для того, чтобы здесь, среди них, объявиться на Земле. Новый Иерусалим, построенный под Москвой, – инженерно-метафизический проект, связанный с перенесением топонимики «святых мест» в Россию, для того чтобы именно сюда спустился «космический корабль» Второго пришествия. Там, в Новом Иерусалиме, есть Иордан, есть Фавор, есть Голгофа, есть Гефсиманский сад. Это была гигантская задача, под которую подверстывалась вся русская история. Русское инобытие предполагает, что Россия – страна райская, что она не захвачена мировой порчей, и что она будет выстраивать мир в чертежах Царства Небесного» [Проханов 2007].

Таким образом, «Русскость» для А.А. Проханова является основополагающей идеей творчества и философии, центральным концептом его авторской картины мира. Без русскости не мыслится прошлое нашего государства, невозможно будущее. Под концептом «Русскость» А.А. Проханов понимает следующее:

1) феномен, отличающий народ Государства Российского от всех других народов мира и раскрывающий природу русского характера;

2) антиномия внутренней и внешней жизни русского народа;

3) свидетельство мессианского предназначения русской истории и божественного предназначения русского народа: специфики России как единого национального организма, выражающего неповторимый религиозный опыт русского православия и служащего осуществлению замысла Бога о России;

4) особая, часто не понятная другим, природа каждого русского человека в отдельности и всего русского народа в целом;

5) причина многочисленных страданий русского народа на протяжении всей его истории становления и развития и залог грядущего народного счастья Государства Российского;

6) характерное свойство личности и народа, определяющее, с одной стороны, внешний вид русского человека, модели поведения, стиль быденной и сакральной жизни, а с другой, – внутренние качества индивидуального и национального характера.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

1. В картине мира А.А. Проханова находят отражение многие макро-концепты, составляющими фразеологическую картину мира русского народа: природа; реалии прошлого; трудовые процессы; единицы измерения; история; семья и родственные отношения; профессиональная деятельность; обряды, суеверия, верования; религиозные представления, связанные с христианством; художественная литература; фольклор, народная речь, юмор.

2. ФЕ в языке А.А. Проханова выполняют концептообразующую функцию: во-первых, фразеологизмы играют когнитивную роль, актуализируя и конденсируя определенные знания и представления о мире в процессе субъективного осмысления самим автором. Во-вторых, важной для ФЕ, репрезентирующих концепты, является рецептивно-эмотивная роль, при которой фразеологизмы ориентированы на адресата, воспринимающего художественный текст.

3. Художественные тексты А.А. Проханова репрезентируют концептуальное содержание различных понятий общечеловеческой и национальной культуры. К основным концептам картины мира А.А. Проханова относятся концепты «Русская победа», «Вера», «Грех», «Ад», «Рай», «Государство» и «Русскость».

4. Концепт «Русскость», так или иначе раскрывающий уникальность русского народа, занимает центральное место в концептосфере А.А. Проханова. Его репрезентация реализована рядом фразеологических средств: ФЕ, содержащими в своей структуре номинатив *Москва* (*Москва златоглавая, Москва – Третий Рим, Москва слезам не верит*); ФЕ, раскрывающими своеобразие восприятия русским человеком времени, меры или безмерности (*русское время, русский век, Русское Будущее, русская справедливость* и др.); ФЕ, реализующими связь «Русскости» и осмысления мироустройства (*Русское Воскрешение, Русское Чудо, Русская победа, Русский*

Рай, Русский ад и др.); окказиональными фраземами с компонентом-адъективом *русский*.

5. «Русскость» героев А.А. Проханова напрямую связана с концептом «Государство», в частности, с феноменом Советского Союза, не мыслится без советского этапа и с исторической точки зрения представляет собой непрерывное движение – смену эпох, «пяти империй». Русскость, репрезентируемая фразеологией А.А. Проханова, свидетельствует о приверженности писателя к традиционалистскому взгляду на историю и развитие Российского государства (*Русская Империя, Русская цивилизация, Красная Империя, Пятая Империя, Российское государство* и др.).

6. Русскость в понимании А.А. Проханова неизбежно связана с идеей обновления, воскрешения, которое следует после апокалиптического действия. Эта связь представлена ФЕ *Русский Рай, Русское Чудо, Русское Воскрешение, Русская Атлантида* и др., некоторые из которых наделяются сюжетообразующей функцией (*Русский Праведник*).

7. Фразеология в языке А.А. Проханова отражает метафорические фрагменты индивидуально-авторской картины мира, репрезентируя разнообразные художественные варианты «концептуализации окружающей действительности» (терминология М.А. Фокиной).

8. Сочетание традиционного и индивидуально-авторского понимания «Русскости» и русской идеи А.А. Прохановым, в той или иной степени раскрывающегося практически в каждом его произведении, основаны на сложном синтезе русской философии и мировидении самого А.А. Проханова. По замечанию писателя, русская философия, объясняющая смысл человеческой жизни и смерти, в отличие от других, наполнена особой метафизикой. Важное значение для понимания «Русскости», по убеждению А.А. Проханова, имеют взгляды русского метафизика Н.Ф. Федорова и теория русского космизма. Эта философская идея заложена в основание концепта «Русскость» в художественной картине мира А.А. Проханова и в значении фразеологизмов (*Русское Чудо, Русское Воскрешение, Русская победа*).

9. Фразеологизмы не только участвуют в репрезентации основных концептов картины мира А.А. Проханова, но и реализуют связи между различными концептами (ФЕ *Вифлеемская звезда*, *Русское Чудо*, *Русское Воскрешение*, *Русский Праведник*, *Русский Рай*, *Русский ад* (концепты «Русскость» и «Вера»), ФЕ *Пятая Империя* (концепты «Русскость» и «Государство»), ФЕ *Русский ад* (концепты «Русскость», «Грех» и «Ад») и др.

10. А.А. Проханов не обычный писатель. Он всегда стремится быть злободневным, нащупывать самые болезненные точки своего времени, старается быть совестью переломной России, его устами говорит русский человек, прошедший через войны и государственные потрясения, ставший свидетелем взлетов и падений советских деятелей, расцвета и крушения Советского Союза, видящий и понимающий значение русских катастроф и русских побед. А.А. Проханов – это «мост», соединяющий два государства (Советский Союз и Россию конца XX – начала XXI века как его преемницу); «мост», перекинутый от одного берега к другому – от советского берега к берегу новой России. Одним из оснований этого «моста» является идея «Русскости» – несокрушимой «русской имперскости», которая только меняет свои очертания во времени, но остается неотъемлемой частью самого Российского Государства и его народа. И в этом смысле изучение фразеологической составляющей языковой личности А.А. Проханова имеет важное значение, так как он всегда говорит от лица представителя своей эпохи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное исследование, материалом для которого послужила полная выборка ФЕ из художественных произведений А.А. Проханова, позволило определить специфику авторского отбора фразеологизмов в собственный арсенал выразительных языковых средств и особенности функционирования их в его текстах. Исследованный материал, с одной стороны, отражает общие для языка художественной прозы XX – начала XXI вв. черты в использовании А.А. Прохановым фразеологического состава русского языка, с другой стороны, способствует выявлению характерных особенностей индивидуально-авторского употребления фразеологизмов.

Исследование специфики употребления и создания А.А. Прохановым ФЕ проведено в соответствии с анализом своеобразия его как писателя и языковой личности. А.А. Проханов – писатель, запечатлевший на страницах своих произведений переломную эпоху истории Государства Российского – распад Советского Союза, ознаменовавший создание новой России. В обществе происходит смена основополагающих идей, центральных ориентиров и жизненных ценностей; растет раскол между советским гражданином и человеком «перестройки», что приводит к разрушению взаимопонимания между поколениями во всем современном российском обществе. В этом контексте особенно остро ощущается необходимость появления связующего звена между прошлым и настоящим, своеобразного транслятора мысли от старшего поколения к новому человеку. Таким связующим звеном, таким рупором переломной эпохи, причем весьма популярным, востребованным и признанным, стал А.А. Проханов. Трансляция его ценностных позиций, основополагающих идей нередко осуществляется средствами фразеологии.

Фразеология – важное звено в системе репрезентации мировоззрения писателя в художественном тексте и раскрытии своеобразия личности носителя языка, позволяющее кратко и емко сформулировать авторские идеи. В этом убеждает изучение фразеологии в языке А.А. Проханова.

Путем сплошной выборки из художественных произведений писателя 1971-2012 годов получено более 2500 неповторяющихся ФЕ, которые были исследованы в трех направлениях (в соответствии с тремя главами диссертации):

- дана общая характеристика фразеологического пространства языка художественных произведений А.А. Проханова;

- раскрыто своеобразие индивидуально-авторского варьирования узуальных ФЕ и образования окказиональных фразеологизмов в языке А.А. Проханова;

- проанализирована взаимосвязь особенностей фразеологической семантики и художественной картины мира писателя, исследована фразеологическая репрезентация основных концептов мировидения А.А. Проханова, центральное место среди которых занимает концепт «Русскость».

Исследование показало, что выбор А.А. Прохановым узуальных фразеологических средств обусловлен идейно-художественным замыслом произведения, его концептуальным содержанием, композиционными особенностями текста и структурой повествования. В работе проанализирована семантико-грамматическая и структурно-грамматическая природа употребляемых фразеологизмов, позволяющая объективировать действительность, находящуюся в поле зрения автора и требующую номинации при помощи ФЕ языка; фразеологизмы охарактеризованы в контекстах экспрессивно-стилистической и социально-функциональной специфики.

В художественных произведениях А.А. Проханова ФЕ играют следующую роль: участвуют в пространственно-временной организации текстов, играя хронотопическую роль и репрезентируя реальное и ирреальное место и время. Фразеологизмы, обозначающие абстрактные понятия, придают повествованию аллегоричность, усложняя жанровую структуру текста. Употребление ФЕ с семантикой философско-этических понятий создает психологизм художественной прозе А.А. Проханова и раскрывает специфику

мировидения писателя-метафизика. Фразеология служит раскрытию авторской оценки различных сторон действительности.

В работе исследована многогранная природа семантических и формально-семантических преобразований ФЕ. Среди последних в художественной прозе писателя установлено преобладание таких типов, как варьирование компонентного состава, грамматическое варьирование и количественные преобразования компонентного состава ФЕ.

А.А. Проханов – писатель с большим лингвокреативным потенциалом. Именно поэтому он создает в языке «новое». Окказиональное варьирование ФЕ – характерная черта, присущая идиостилю писателя, – охватывает значительное количество фразеологизмов. Типология индивидуально-авторского варьирования включает как семантические, так и формально-семантические преобразования ФЕ, среди которых субституция лексического компонента стоит на первом месте по частоте употребления.

Окказиональное варьирование ФЕ в текстах А.А. Проханова обусловлено художественным замыслом произведения и индивидуальностью автора. Окказиональные ФЕ выполняют стилеобразующую функцию, отражая специфику языковой личности писателя; участвуют в создании пространственно-временной организации художественного текста – хронотопа. Textoобразующую функцию выполняют индивидуально-авторские ФЕ-заглавия: «Скорость тьмы» (ср.: *скорость света*), «Пятая империя» и др.; ключевые фразеологизмы, повторы ФЕ. Некоторые индивидуально-авторские обороты сохраняют ассоциативные смысловые связи с общеизвестными фразеологизмами, крылатыми выражениями. Нередко их «прототипами» выступают литературные источники, ФЕ, созданные писателями-предшественниками.

Многочисленные приемы творческого преобразования фразеологизмов, используемые А.А. Прохановым, входят в систему выразительных средств художественного текста, участвуют в формировании «авторского кода образной вербализации идей» [Фокина 2008: 274].

Исследование подтвердило: и узуальные, и окказиональные ФЕ в художественной прозе А.А. Проханова выполняют стилеобразующую и жанрообразующую функции, нередко создавая синтез поэзии и прозы, отражая в зеркале художественного текста своеобразие языковой личности писателя. Средства фразеологии активно участвуют в создании пространственно-временной организации произведения. Кроме того, в художественной речи А.А. Проханова ФЕ отражают событийную сторону повествования, способствуют созданию внутренних и внешних портретов героев.

Как показывают результаты исследования, насыщенность языка художественных произведений фразеологизмами, обладающими семантико-стилистической нагрузкой, – одна из характерных особенностей идиостиля А.А. Проханова.

Одной из важнейших функций фразеологии А.А. Проханова является репрезентация концептов. Анализ фразеологической семантики в художественных произведениях А.А. Проханова позволил выявить фразеологические средства вербализации важных концептов картины мира писателя («Русская победа», «Вера», «Грех», «Ад», «Рай», «Государство», «Русскость»), а также специфику индивидуально-авторской концепции окружающей действительности. Фразеологизмы функционируют в художественной прозе А.А. Проханова в качестве и единиц речи, и единиц образной системы художественного произведения. Поэтому фразеология оказывается составной частью не только индивидуального стиля писателя, но и поэтики созданного им художественного мира.

Проведенный анализ фразеологии в художественных текстах А.А. Проханова показал, что ФЕ активно участвуют в организации повествования и способствуют более глубокому раскрытию идейно-образного замысла произведения, воссоздавая портретные и событийные детали. Выражая мировоззрение писателя, фразеологизмы в художественной речи репрезентируют концептуальное содержание различных понятий, важных для А.А. Проханова: добро и зло, праведность и грех, мир и война, рай и ад, лю-

бовь и ненависть. Раскрывая смысл подобных антиномий, употребляемые А.А. Прохановым ФЕ репрезентируют центральный концепт его картины мира – «Русскость».

В исследовании проанализирована специфика фразеологических средств в объективации концептуальных связей в художественной картине мира А.А. Проханова. Нередко для выполнения той или иной роли в его произведениях самостоятельные ФЕ становятся элементами одного целого, образуют своеобразную фразеологическую мини-систему. Так, в репрезентации концепта «Русскость» участвует палитра ФЕ (преимущественно окказиональных), обозначающих внутренние качества человека, специфику восприятия времени и меры, особенности русской ментальности; для раскрытия концепта «Государство» используются фразеологизмы, участвующие в создании картин рая и ада, называющие явления современной действительности.

Диссертационное исследование имеет ряд перспектив:

- 1) создание словаря фразеологии А.А. Проханова;
- 2) целенаправленное и детальное описание картины мира и составляющих ее концептов, которые вербализованы во фразеологии А.А. Проханова;
- 3) сравнительный анализ ФЕ, употребляемых в речи персонажей и в авторской речи;
- 4) изучение фразеологии в публицистических текстах А.А. Проханова;
- 5) сопоставление фразеологии в художественных и публицистических произведениях А.А. Проханова;
- 6) описание идиостиля А.А. Проханова во всей полноте жанрообразующих элементов в сфере лексики и фразеологии;
- 7) сравнительно-сопоставительный анализ фразеологической составляющей идиостиля А.А. Проханова и писателей-современников (писателей-предшественников).

Таким образом, проведенное исследование убеждает в следующем: фразеология является тем инструментом, который дает писателю возможность выражать свое мировидение, а следовательно, и мировидение целого поколения и, кроме того, проявлять себя как сильную лингвокреативную языковую личность.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абреимова, Г.Н. Трансформированные фразеологизмы в произведениях И.А. Бунина / Г.Н. Абреимова // Русский язык в школе. № 2. – 2004.
2. Алейникова, Т.Н. Концептуальная и языковая картины мира: основные интерпретации и аспекты изучения / Т.Н. Алейникова // Язык. Время. Личность. Материалы Международной научной конференции / под ред. Л.О. Бутаковой. – Омск. гос. ун-т, 2002. – С. 3-7.
3. Алексеев, М.П. Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия / М.П. Алексеев // Труды юбилейной научной сессии Ленинградского университета. Серия филологических наук. – Л., 1996. – С. 274-277.
4. Алефиренко, Н.Ф. Теоретические вопросы фразеологии / Н. Ф. Алефиренко. – Харьков: Выща шк., 1987. – 135 с.
5. Алефиренко, Н.Ф., Золотых, Л.Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте взаимодействия языковых единиц) / Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2004. – 296 с.
6. Алефиренко, Н.Ф. Антропоцентрическая фразеология: парадоксы и реалии / Н.Ф. Алефиренко // Siowo. Text. Czas VIII. Человек во фразеологии и лексике славянских языков. – Szczecin, 2005. – С. 66-71.
7. Алтыбаев, А.А. Трансформация фразеологизмов как стилистический приём в произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка: Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / А.А. Алтыбаев. – Самарканд, 1977. – 191 с.
8. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии: Дис. на соискание ученой степени д-ра филол. наук / Н.Н. Амосова. – Л., 1961.
9. Анджапаридзе, Г.А. В заботе о дне завтрашнем / Г.А. Анджапаридзе // Знамя. 1982. № 1. – С. 231-233.

10. Аникин, В.П. Мудрость народов. Пословицы и поговорки народов Востока / В.П. Аникин. – М., 1961.
11. Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В.Л. Архангельский. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1964. – 315 с.
12. Архангельский, В.Л. О задачах, объектах и разделах русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В.Л. Архангельский // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: матер. межвуз. симпозиума. Вып. 2. – Тула, 1972. – С. 155-194.
13. Архангельская, Ю.В. Фразеология в языке Л.Н. Толстого: Автореф. дис. на соискание учёной степени канд. филол. наук / Ю.В. Архангельская. – Тула, 2005.
14. Архангельская, Ю.В. Фразеология в дискурсе Л.Н. Толстого: Моногр. / Ю.В. Архангельская. – Тула: Изд-во Тул. Гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2008. – 210 с.
15. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М., 1999. – 896 с.
16. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 384 с.
17. Ашукин, Н.С., Ашукина, М.Г. Крылатые слова: литературные цитаты; образные выражения / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – М.: Худож. лит., 1987. – 528 с.
18. Бабенко, В.В. Золотая десятка [Электронный ресурс]/ В.В. Бабенко // Наука и жизнь. – 2001. – № 11. Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/7328/> (дата обращения: 9.12.2014).
19. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: Автореф. дис. д-ра филол. наук / А.П. Бабушкин. – Воронеж, 1998. – 41 с.

20. Баранов, А.Н. Постулаты когнитивной семантики / А.Н. Баранов; Д.О. Добровольский // Известия АН. Серия литературы и языка. Т. 56. №1. – 1997. – С. 11-21.
21. Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М., 2008. – 656 с.
22. Баринава, Е.В. Русские концепты в творчестве Томаса Манна 1890-1920-х гг. Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / Е.В. Баринава. – Нижний Новгород, 2007.
23. Басенко, И.М. Окказионально преобразованные фразеологические единицы как отражение особенностей художественного текста в английском и русском языках / И.М. Басенко // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, №2. – Майкоп, 2009.
24. Басинский, П.В. Случай Проханов. Очерк литературной судьбы / П.В. Басинский // Литературная газета № 7. – 12 декабря 1992.
25. Басинский, П.В. Последний солдат декаданса: Писатель Александр Проханов в свете нашего опыта / П.В. Басинский // Литературная газета № 40. – 6-12 октября 2004.
26. Бекедин, П.В. Проханов Александр Андреевич [Электронный ресурс]/ П.В. Бекедин // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь. Том 3. П-Я. – 2004. С. 143-147. – Режим доступа: http://www.hrono.info/biograf/bio_p/prohanovaa.php (дата обращения: 20.01.2015).
27. Беликов, Ю.А. Бабочки, дельфин и государство: беседа с главным редактором газеты «Завтра» писателем Александром Прохановым / Ю.А. Беликов // На смену. № 29. – 4 июля 2008. – С. 4.
28. Беляевская, Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах: Когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова: Дис. на соискание ученой степени д-ра филол. наук / Е.Г. Беляевская. – М.: МГЛУ, 1991.

29. ¹Беляков, С.С. Проханов. Апология злодея / С.С. Беляков // Частный корреспондент. 2009. № 10. – С. 12-14.
30. ²Беляков, С.С. Этюд в красно-коричневых тонах / С.С. Беляков // Вопросы литературы. Журнал критики и литературоведения, № 5, 2009. – С. 14-17.
31. Беляков, С.С. Проханов как храм Василия Блаженного [Электронный ресурс]/ С.С. Беляков // Свободная пресса. Национальная литературная премия «Большая книга». – 26.02.2013. Режим доступа: <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=15143> (дата обращения: 12.01.2015).
32. Блог Александра Проханова. Восстание пчел [Электронный ресурс] /Блог Александра Проханова //Главный редактор «Завтра» Александр Андреевич Проханов отвечает на вопросы посетителей официального сайта www.zavtra.ru. Режим доступа: <http://www.dentv.ru/content/view/vosstanie-pchyol/> (дата обращения: 20.01.2015).
33. Богданов, А. Воин Христов... как Вы это понимаете? [Электронный ресурс] / А. Богданов // Православная молодежь. 2009. – Режим доступа: <http://www.avetroles.ru/229454/1/> (дата обращения: 20.12.2014).
34. Бодрова, Т.Н. Фразеологизмы в художественных произведениях А.П. Чехова: Автореф. дис. на соискание учёной степени канд. филол. наук / Т.Н. Бодрова. – М., 1969. – 17 с.
35. Бондарев, Ю.В. Творец / Ю.В. Бондарев // День литературы. № 8. 1998. – С. 15-17.
36. Бондаренко, В.Т. О семантико-грамматической классификации фразеологических единиц в русском языке / В.Т. Бондаренко // Проблемы русской фразеологии. Республиканский сборник. – Тула, 1977. – С. 42-51.
37. Бондаренко, В.Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи: Дис. на соискание ученой степени д-ра филол. наук / В.Т. Бондаренко. – М., 1995. – 420 с.

38. Бондаренко, В.Т. О смеховой функции русской фразеологии / В.Т. Бондаренко // Русский язык в школе, № 3, 2001. – С. 74-76.
39. Бондаренко, В.Т. О смехе в русской фразеологии / В.Т. Бондаренко // Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии. Сборник докладов 2-й Международной научной конференции «Фразеология, познание и культура». В 2 т., Т. 2. – Белгород, 2010. – 422 с. – С. 16-21.
40. Бондаренко, В.Т. Устойчивые фразы в русской речи: Моногр. / В.Т. Бондаренко. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2011. – 153 с.
41. Бондаренко, В.Т., Колодезнев, В.М. Русский язык: Лексикология. Фразеология: Учебное пособие для филологических специальностей вузов / В.Т. Бондаренко, В.М. Колодезнев. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 1996. – 135 с.
42. Бондаренко, Вл.Г. Александр Проханов: Последний солдат империи / Вл.Г. Бондаренко. – М.: Жизнь замечательных россиян, 1992.
43. Бондаренко, Вл.Г. Мистерия Александра Проханова [Электронный ресурс] / Вл.Г. Бондаренко// День литературы, 8 (2 1998), Режим доступа: <http://detectivebooks.ru/book/19017663/> (дата обращения: 20.01.2015).
44. Бондаренко, Вл.Г. Прохановский прорыв / Вл.Г. Бондаренко // Советская Россия №47. 27 августа 2002. – С. 3-4.
45. ¹Бондаренко, Вл.Г. Метаоткровение Проханова [Электронный ресурс] / Вл.Г. Бондаренко // Завтра 508 (33 2003). – 19.08.2003. Режим доступа: <https://lib.rus.ec/b/503702/read> (дата обращения: 24.12.2014).
46. ²Бондаренко, Вл.Г. Пламенные реакционеры: Три лика русского патриотизма / Вл.Г. Бондаренко. – М., 2003.
47. Бондаренко, Вл.Г. Хранитель времени // Проханов А.А. Собр. соч.: В 15 т. Т. 1 – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 5-64.
48. Бочина, Т.Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы. Дис. на соискание ученой степени д-ра филол. наук / Т.Г. Бочина. – Казань, 2003.

49. Булатова, С.Н. Модификации жанра политического романа в современной советской литературе: «Победа», «Неоконченный портрет» А. Чаковского, «Дерево в центре Кабула», «В островах охотник», «Африканист» А. Проханова, «Южнее реки Бенхай» М. Домогацких / С.Н. Булатова. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1986. – 46 с.
50. Бялый, Ю.В. Роман «Виртуоз» – Пятая книга царств: Обсуждение нового романа А. Проханова в Экспериментальном Творческом Центре С.Е. Кургиняна (окончание)/ Ю.В. Бялый // Завтра. №22 (809). 27 мая 2009.
51. Вакуров, В.Н. Фразеологический каламбур в современной публицистике / В.Н. Вакуров // Русская речь, №6, 1994 – С. 40-47.
52. Ван Сэнь. Фразеологическая составляющая романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»: структурно-семантический и функциональный аспекты. Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / Сэнь Ван. – Орел, 2007. – 223 с.
53. Васюков, И.Л. Бунт в городе золотых унитадов [Электронный ресурс]/ И.Л. Васюков. – 2009. Режим доступа: http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=38590 (дата обращения: 20.01.2015).
54. Вдовик, М. В поисках музыки. Встреча с Александром Прохановым [Электронный ресурс]/ М. Вдовик // Блог о литературной жизни Новосибирска, 2012. Режим доступа: <http://litnsk.ru/archives/3099> (дата обращения: 4.01.2015).
55. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
56. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая // Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С.263-305.
57. Вертлиб, Е.А. Порода тугоплавких / Е.А. Вертлиб // День литературы, 08.02.1998.

58. Виноградов, В.В. Язык художественного произведения / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания, № 5. – 1954 – С. 2-19.
59. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М., 1959. – 654 с.
60. Виноградов, В.В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка / В.В. Виноградов // Мысли о современном русском языке. – М., 1969. – С. 5-23.
61. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М., 1972.
62. Виноградов, В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – С. 158, 160-161.
63. Вирен, Г. Когда приходит ветер. О романах Александра Проханова/ Г. Вирен //1985. – С. 197-202.
64. Воробьев, В.В. Культурологическая парадигма русского языка: Теория описания языка и культуры во взаимодействии / В.В. Воробьев. М.: Ин-т русск. яз. им. А.С. Пушкина, 1994. – 76 с.
65. Вяльцева, С.И. Речевое использование английских пословиц: Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / С.И. Вяльцева. – М., 1977. – 226 с.
66. Гаврин, С.Г. Структурные типы фразеологизмов как закономерное отражение основных типов реалий / С.Г. Гаврин // Ученые записки. Пермский гос. пед. ин-т. т. 43, вып. 3, – Пермь, 1967. – С. 52-80.
67. Гак, В.Г. Фразеологическая трансформаторика и проблемы фразеологии (на материале русской идиоматики) / В.Г. Гак // Фразеологизм и его лексикографическая разработка / Под ред. А.С. Аксамитова. – Минск, 1987. – С. 60-64.
68. Гальперин, И.Д. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. – 139 с.

69. Ганичев, В.Н. От былого к грядущему // Проханов А.А. Время полдень; Место действия: Романы. М.: Художественная литература, 1986. – С. 2-9.
70. Гвоздарев, Ю.А. Основы русского фразообразования. Монография. 2-е изд. испр. и доп. / Ю.А. Гвоздарев. – ММЦ «Логос», 2010. – 246 с.
71. Гельгардт, Р.Р. О стиле литературного произведения (объект и метод) / Р.Р. Гельгардт // Вопросы стилистики. – М., 1966. – С. 68-75.
72. Гепнер, Ю.Р. Очерки по общему и русскому языкознанию / Ю.Р. Гепнер. – Харьков: Харьк. гос. пед. ин-т им. Г.С. Сковороды, 1959. – 370 с.
73. Глушик, Е.Ф. Трубадур Красной империи / Е.Ф. Глушик // Литературная газета № 24 – 25 (5881) 19-25 июня 2002. – С. 12-19.
74. Головина, Э.Д. Виснет ли брань на воротах? Как мы коверкаем фразеологизмы. / Э.Д. Головина // Русская речь №5. 2003. – С. 61-65.
75. Государственный писатель: китайский вариант [Электронный ресурс]/ Сайт о писателях. Всё обо всём. – 4 ноября 2012. – Режим доступа: http://pisateli.ucoz.ua/news/gosudarstvennyj_pisatel_kitajskij_variant/2012-11-04-97 (дата обращения: 20.01.2015).
76. Горлов, В.В. Фразеологизмы как средство выразительности на страницах газет / В.В. Горлов // Русский язык в школе, №5/6. – 1992. – С. 35-37.
77. Григорьева, А.Д. Поэтическая фразеология Пушкина / А.Д. Григорьева. – М.: Наука, 1969. – 387 с.
78. Гринберг, И.Л. Об Александре Проханове / И.Л. Гринберг // Мы – молодые. Вып. 3. – М., 1973. – С. 108.
79. Гусейнова, Т.С. Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии: на материале центр. газ., 1990-1996 гг. Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / Т.С. Гусейнова. – Махачкала, 1997. – 188 с.

80. Данилкин, Л.А. Человек с яйцом. Жизнь и мнения Александра Проханова / Л.А. Данилкин. – М.: Ad marginem, 2007. – 664 с.
81. Два мнения о романе «Господин Гексоген» // День литературы №5. – 2002. – С. 5.
82. Дементьев, А.Д. Азарт. Стихи. Библиотека произведений, удостоенных государственной премии СССР / А.Д. Дементьев. – М.: Советский писатель, 1986.
83. Десять смыслов черного квадрата. [Электронный ресурс] AdMe.ru <http://www.adme.ru/tvorchestvo-hudozhniki/10-smyslov-chernogo-kvadrata-508405/> (дата обращения: 20.01.2015).
84. Диброва, Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке / Е.И. Диброва. – Ростов н/Д, 1979.
85. Диброва, Е.И. Межмодульная вариантность фразеологических единиц / Е.И. Диброва // Парадигматические и синтагматические отношения в лексике и фразеологии. – Ростов-на-Дону, 1981. – С. 74-80.
86. Диброва, Е.И. Фразеология / Е.И. Диброва // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 ч. – Ч. 1. – М.: Академия, 2001. – С. 358-425.
87. Диброва, Е.И. Избранные работы: В 2-х т. Т. 2. Лексикология. Фразеология. Синтаксис текста / Е.И. Диброва. – М., 2008.
88. Добровольский, Д.О. Типология идиом / Д.О. Добровольский // Фразеология в машинном фонде русского языка. – М., 1990. – С. 57-68.
89. Добрыднева, Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии / Е.А. Добрыднева; Науч. ред. Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2000. – 224 с.
90. Дугин, А.Г. Палладин пустоты / А.Г. Дугин // День литературы № 8 – 1998. – С. 6-14.
91. Дугин, А.Г. Последний прыгун империи (эссе об А. Проханове) [Электронный ресурс] / А.Г. Дугин. – М., 1999. Режим доступа:

- <http://konservatizm.org/konservatizm/books/130909012716.xhtml> (дата обращения: 20.01.2015).
92. Дудко, Д.С. Воитель / Д.С. Дудко // День Литературы 008 (2). – 1998.
 93. Евдокимова, М.П. Художественная концепция личности в творчестве А.А. Проханова. Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / М.П. Евдокимова. – Армавир, 2009.
 94. Евтушенко, Е. Рифмованные пословицы [Электронный ресурс] / Е. Евтушенко. – 15.09.2005. – Режим доступа: <http://www.newizv.ru/culture/2005-09-16/31745-rifmovannyyeposlovicy.html> (дата обращения: 20.01.2015).
 95. Елисеев, А.В. Древние русы: народ и «каста» / А.В. Елисеев // Русь и Варяги. Сборник статей по истории средневековой Руси и Европы. – М.: Метагалактика, 1999. – С. 203-219.
 96. Еременко, И.А. Фразеология писем Л.Н. Толстого: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / И.А. Еременко. – Львов, 1988.
 97. Ерофеева, М.А. Проза А.А. Проханова. Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / М.А. Ерофеева. – Тверь, 2010.
 98. Есенин, С.А. Стихотворения и поэмы / С.А. Есенин. – М.: Детская литература, 1971. – 132 с.
 99. Жаботинская, С.А. Когнитивная лингвистика: принципы концептуального моделирования / С.А. Жаботинская // Лінгвістичні студії. Вип. 2. – Черкаси, 1997.
 100. Жизнь национальностей [Электронный ресурс] – 2002.06.05. – Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize> (дата обращения: 20.12.2014).
 101. Жирмунский, В.М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса / В.М. Жирмунский. – М., 1958.

102. Жуков, А.В. Фразеологическая переходность в русском языке / А.В. Жуков. – Л., 1984.
103. Жуков, В.П. Русская фразеология: учеб. пособие / В.П. Жуков. – М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.
104. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000.
105. Захарова, Н.Н. Особенности использования фразеологических единиц в художественном тексте (на материале произведений В.М. Шукшина): Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / Н.Н. Захарова. – Тула, 2001. – 242 с.
106. Золотых, Л.Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики (на материале русского языка). Автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра филол. наук / Л.Г. Золотых. – Белгород, 2008.
107. Зюганов, Г.А. Державник / Г.А. Зюганов // День Литературы 008 (2). – 1998.
108. Иванова, Н.Б. Точка зрения: О прозе последних лет / Н.Б. Иванова. – М., 1988. – С. 70-76, 359-360.
109. Ильин, И.А. Духовная культура и ее национальные вожди // Ильин, И.А. Собр. соч. Т. VI. Кн. 1. – М., 1996.
110. Информация о фильме «Героиновая война» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kino-teatr.ru/doc/movie/ros/84614/annot/> (дата обращения: 20.01.2015).
111. Казак, В. Лексикон русской литературы XX века. Lexikon der russischen Literatur ab 1917 [пер. с нем.] / В. Казак. – М.: РИК «Культура», 1996. – С. 491.
112. Кара-Мурза, С.Г. Концепция «золотого миллиарда» и Новый мировой порядок [Электронный ресурс]/ Кара-Мурза. – 1999. Режим доступа: http://burkina-faso.narod.ru/kara/oro_1.htm (дата обращения: 29.12.2014).

113. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Монография / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
114. Караулов, Ю.Н. Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю.Н. Караулов // Язык и личность. – М., 1989. – С. 3-8.
115. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 2003.
116. Ковшова, М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологизмов (когнитивные аспекты): Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / М.Л. Ковшова. – М., 1996.
117. Ковшова, М.Л. К вопросу о культурной интерпретации фразеологизмов / М.Л. Ковшова // С любовью к языку. Сб. науч. тр. – Москва-Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 311-315.
118. Кожемяко, В.С. Талант русской мечты: Писатель Александр Проханов в беседе с Виктором Кожемяко / В.С. Кожемяко // Советская Россия. №17. – 13 февраля 2003. – С. 3-6.
119. Козырева, Л.Ф. Явление эллипсиса в устойчивых фразах / Л.Ф. Козырева // Вопросы изучения русского языка. – Ростов-на-Дону, 1964. – С. 671.
120. Колесов, В.В. Смех и горе. Русская ментальность в языке и в тексте [Электронный ресурс] / В.В. Колесов. – 2008 – Режим доступа: <http://docus.me/d/39769/?page=7#text> (дата обращения: 20.01.2015).
121. Колшанский, Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. – М: Наука, 1980. – 149 с.
122. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – М: Наука, 1990. – 108 с.
123. Копыленко, М.М. Очерки по общей фразеологии / М.М. Копыленко, З.Д. Попова. – Воронеж, 1972.
124. Коршкова, Е.А. Фразеология в поэзии Владислава Ходасевича. Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / Е.А. Коршкова. – Челябинск, 2005. – 256 с.

125. Краснов, Ф.А. Фразеология русского языка: Грамматическая структура фразеологических единиц / Ф.А. Краснов // В кн.: Материалы по русскому языку. – 1964. – С. 39-57.
126. Кудрина, Н.В. Предметные фразеологизмы в поэзии Анны Ахматовой. Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / Н.В. Кудрина. – Курган, 2008.
127. Кузенков, П.В. Звезда волхвов / П.В. Кузенков // Православная энциклопедия. Т. XIX. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. – С. 731-734.
128. Кузменкин, В.И. Александр Проханов: «Я верю в русское чудо!» / В.И. Кузменкин // Сибирь. Момент истины, Правовая, Общественно-политическая газета Сибирского ФО. – 20.04.2012. – С. 1-3.
129. Кунин, А.В. Фразеологические единицы и контекст / А.В. Кунин // Иностранные языки в школе. № 5. – 1971. – С. 2-15.
130. Кураев, А.В. Героиновая война [Электронный ресурс]/ Форум миссионерского портала диакона Андрея Кураева. – 30.10.2009. – Режим доступа: <http://kuraev.ru/smf/index.php?topic=314049.0> (дата обращения: 20.01.2015).
131. Лаврушина, Е.В. Фразеология как компонент идиостиля И.С. Тургенева и проблема сохранения этого компонента в иноязычных переводах произведений писателя. Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / Е.В. Лаврушина. – М., 1999.
132. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987.
133. Лепешко, Б.М. Царско-советско-русский крест [Электронный ресурс] / Б.М. Лепешко. – 2012. – Режим доступа: <http://zapadrus.su/rusmir> (дата обращения: 4.01.2015).

134. Лихачев, Д.С. Смех как мировоззрение / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Понырко // Смех в Древней Руси. – Л.: Наука, 1984. – С. 7-204.
135. Личутин, В.В. В бегах [Электронный ресурс]/ В.В. Личутин // День Литературы 008. – (1998 2). – Режим доступа: <http://litrus.net/book/read/73773?p=16> (дата обращения: 14.12.2014).
136. Ломов, А.Г. Фразеология в творческой лаборатории писателя (на материале драматических произведений А.Н. Островского). Дис. на соискание ученой степени д-ра. филол. наук / А.Г. Ломов. – Елец, 1998. – 513 с.
137. Лыков, А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово) / А.Г. Лыков. – М., 1976.
138. Малышева, Е.Г. Идиостиль Владислава Ходасевича: Опыт когнитивно-языкового анализа: Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. / Е.Г. Малышева. – Омск, 1997. – 20 с.
139. Меламед, Ю. Проханов всяя Руси [Электронный ресурс] / Ю. Меламед // Еврейский глобальный on-line центр. – Режим доступа: <http://www.jewish.ru/columnists/2012/07/news994309140.php>. (дата обращения: 20.01.2015).
140. Мелерович, А.М. Из наблюдений над использованием фразеологизмов в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» / А.М. Мелерович // Материалы XII Толстовских чтений. – Тула: Тульский гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1974. – С. 85-93.
141. Мелерович, А.М. Окказиональная деривация в текстах литературных произведений / А.М. Мелерович // Языковые и речевые единицы в лексике и фразеологии русского языка: сб. науч. трудов. – Курск, 1986. – С. 122-132.
142. Мелерович, А.М. Фразеология и концептосфера в художественном тексте / А.М. Мелерович // Текст, структура и семантика: доклады VIII междунар. конф. Т. 2. М.: СпортАкадемПресс, 2001. – С. 184-188.

143. Мелерович, А.М., Мокиенко, В.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 484 с.
144. Михайлов, А.А. Молодой современник в советской русской прозе 70-х годов. Духовные и нравственные искания: Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / А.А. Михайлов. — М., 1983.
145. Михальчук, Н.Г. Фразеологические единицы как средство формирования идиостиля М.А. Булгакова: Автореф. дис. на соискание учёной степени канд. филол. наук / Н.Г. Михальчук. – Орел, 2002.
146. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология /В.М. Мокиенко. – М.: Высш. школа, 1980.
147. Мокиенко, В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии / В.М. Мокиенко. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986.
148. Мокиенко, В.М. Загадки русской фразеологии / В.М. Мокиенко. – М.: Высш. шк., 1990. – 160 с.
149. Молотков, А.И. Основы фразеологии русского языка / А.И. Молотков. – Л.: Наука, 1977. – 310 с.
150. Назарян, А.Г. Фразеология современного французского языка / А.Г. Назарян. – М., 1987. – 288 с.
151. Немзер, А.С. Гексоген с вами / А.С. Немзер // Время новостей. № 97 03.06.2002.
152. Никифоров, А.А. Престольные игры Александра Проханова [Электронный ресурс] / А.А. Никифоров // Национальная литературная премия «Большая книга» – Gzt.Ru, 29.06.2009. – Режим доступа: <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=7277> (дата обращения: 20.01.2015).
153. Николаева, Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы /Т.М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. Вып VIII. М., 1978. – С. 5-39.

154. Николина, Н.А. Филологический анализ текста / Н.А. Николина. – М., 2003. – 253 с.
155. Олышанский, Д. Как я стал черносотенцем [Электронный ресурс]/ Д. Олышанский // Ex Libris НГ. – 11.04.2002. Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2002-04-11/2_black.html (дата обращения: 20.01.2015).
156. Осипова, А.А. Концепты «Жизнь» и «Смерть» в художественной картине мира В.П. Астафьева. Монография / А.А. Осипова. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 200 с.
157. «Особое мнение» с Александром Прохановым [Электронный ресурс] / Радио «Эхо Москвы» эфир от 15.02.2012. – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/858824-echo/> (дата обращения: 20.01.2015).
158. «Особое мнение» с Александром Прохановым. Комментарии [Электронный ресурс] / Радио «Эхо Москвы» эфир от 27.06.2012. – Режим доступа: <http://cccp-revivel.blogspot.ru/2012/06/27> (дата обращения: 02.01.2015).
159. Павлова, А.Э. Фразеологические единицы как средство создания комического в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / А.Э. Павлова. – Кострома, 2003. – 203 с.
160. Панков, А.В. Закономерности развития русской советской прозы 60-70-х годов. Идеино-художественные тенденции, гуманистические искания, социально-нравственная проблематика: Дис. на соискание ученой степени д-ра. филол. наук. – М., 1990.
161. Петров, В.В. Идеи современной феноменологии и герменевтики в лингвистическом представлении знаний / В. В. Петров // Вопросы языкознания № 6 – 1990. – С. 103-108.
162. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с.

163. Праченко, О.В. Семантика фразеологизма и пословиц с компонентом «цвет» (на материале русского и английского языков) / О.В. Праченко // Русская и сопоставительная фразеология / под ред. Н.А. Андромонова. – Казань, 2003. – С. 57-61.
164. Прилепин, З. Кочующий теплоход «Александр Проханов» [Электронный ресурс] / З. Прилепин. – Литературная газета. №8 (6160) 27-02-2008. – Режим доступа: <http://lgz.ru/article/N8--6160--2008-02-27-/Kochuyushtiy-teplohod-«Aleksandr-Prohanov»3296/> (дата обращения: 2.01.2015).
165. Прилепин, З. Именины сердца. Разговоры с русской литературой / З. Прилепин. – Изд. АСТ, Астрель, 2009. – 416 с.
166. Прилепин, З. Все романы А. П. [Электронный ресурс] / З. Прилепин. – 7.02.2011. Режим доступа: <http://ru-prokhanov.livejournal.com/66354.html> (дата обращения: 14.01.2015).
167. Прокопец, О.Н. Культура духоборов и молокан как новое художественное явление в Тульском крае / О.Н. Прокопец. – Тула, 2000. – 63 с.
168. Раскова, Н.В. Афористика и фразеология языка произведений русских полководцев конца XVIII – начала XIX веков. Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / Н.В. Раскова. – М., 2012.
169. Растатуева, С.Г. Импортные концепты: к постановке вопроса / С.Г. Растатуева // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция 17-19 марта 2006 г. – М.: Изд-во «Элпис», 2006. – С. 355-358.
170. Редькина, Н.С. Фразеологические обороты и их стилистические функции в мемуарах второй половины XVIII века. Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / Н.С. Редькина. – М., 2008. – 244 с.

171. Ремизова, М.С. Ведь вы этого достойны. Заметки об А.А. Проханове, герое нашего времени // Континент № 113. – 24 сентября 2002. – С. 365-375.
172. Ренская, Т.В. Эллипсис фразеологических единиц в русском языке: Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / Т.В. Ренская. – Ростов н/Д, 1983.
173. Рокотов, В.И. Броненосец «Проханов» / В.И. Рокотов // Литературная газета, № 27 (6375) –4-10 июля 2012.
174. Романова, О. Проханов и пустота [Электронный ресурс] / О. Романова. – 2006. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2006/11/02> (дата обращения: 14.01.2015).
175. Саввина, Е.Н. О трансформации клишированных выражений в речи / Е.Н. Саввина // Паремиологические исследования. – М.: Наука, 1984. – С. 200-222.
176. Савельев, А.Н. О чем я хотел сказать на конференции «Новый политический национализм» [Электронный ресурс] / А.Н. Савельев// Архипелаг «Святая Русь». – 2008. – Режим доступа: <http://elena-sem.livejournal.com/464449.html> (дата обращения: 20.01.2015).
177. Савенкова, Л.Б. Пословицы как отражение жизненной философии персонажей в драме Л.Н. Толстого / Л.Б. Савенкова // Язык и стиль Л.Н. Толстого. – Тула: Тульский гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1992. – С. 146-156.
178. Савенкова, Л.Б. Концепт «счастье» в русских поговорках / Л.Б. Савенкова // Фразеология 2000. – Тула, 2000. – С. 103-106.
179. Савенкова, Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б. Савенкова. – Ростов н/Д, 2002. – 240 с.
180. Санников, В.З. Каламбур как семантический феномен / В.З. Санников // Вопросы языкознания № 3. – 1995. – С. 59-62.

181. Сатина, Т.В. Переносно-образное значение глаголов и их функционирование в художественных текстах. Монография / Т.В. Сатина. – Алт. гос. техн. ун-т, БТИ. – Бийск. Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2005. – 130 с.
182. Сафонова, Т.В. Имплицирование устойчивых фраз в русской речи. Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / Т.В. Сафонова. – Тула, 2012.
183. Свидерский, В.И. О диалекте элементов и структуры в объективном мире и познании / В.И.Свидерский. – М.: Соцэзгиз, – 1962.
184. Селиверстова, Е.И. Русская пословица в паремиологическом пространстве: Автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра филол. наук / Е.И. Селиверстова. – СПб., 2010.
185. Селиверстова, О.Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки / О.Н. Селиверстова // Вопросы языкознания №6. – 2002. – С. 12-26.
186. Семенова, А. Концепт «государство» в памятниках древнерусской литературы и архитектуры [Электронный ресурс]/ А. Семенова. – 25.06.2013. – Режим доступа: <http://expertclub.info/node/306> (дата обращения: 20.01.2015).
187. Симутова, О.П. Языковая игра в словообразовании (на материале немецкого и русского языков). Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / О.П. Симутова. – Уфа, 2008.
188. Симфония, или Алфавитный Указатель к Священному Писанию. – Изд-во Миссионерского Союза «Свет на Востоке», изд-е 2, 1970.
189. Слонимский, Н.Л. Книга музыкальных историй / Н.Л. Слонимский. – Лос-Анджелес, США, 2002.
190. Смирнов, И.П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака) / И.П. Смирнов. – СПб.: Языковой центр филологического факультета СПбГУ, 1995. – 192 с.

191. Солнцев, В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы / В.М. Солнцев // Вопросы языкознания № 2. – 1984. – С. 31-42.
192. Степанов, Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка / Ю.С. Степанов. – М.: «Языки русской культуры», 1998. – 784 с.
193. Степанов, Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю.С. Степанов. – Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
194. Стернин, И.А., Быкова, Г.В. Концепты и лакуны / И.А. Стернин, Г.В. Быкова // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М.: Изд-во Ин-та языкознания РАН, 2000. – С. 56 – 58.
195. Сулакшин, С.С. Золотой миллиард [Электронный ресурс] // Телепередача «Обретение смыслов». Интернет-ТВ. – 2010. Режим доступа: <http://rusrand.ru/tv/meaning/zolotoj-milliard> (дата обращения: 20.01.2015).
196. Телия, В.Н. Вариантность идиом и принципы идентификации вариантов / В.Н. Телия // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: Материалы межвуз. симпозиума. Вып. 2. – Тула, 1972. – С. 30-69.
197. Телия, В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 173-203.
198. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н.Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
199. Тимофеев, Л.И. Основы теории литературы / Л.И. Тимофеев. – М., 1966. – 386 с.
200. Тимощук, Н.П. Авторская фразеологическая картина мира / Н.П. Тимощук // Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии. Сборник докладов 2-й Международной научной конференции «Фразеология, познание и культура». В 2 т., Т. 2. – Белгород, 2010. – 422 с. – С. 296-300.

201. Токарев, Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «труд» в русском языке): Монография / Г.В. Токарев. – Волгоград: Перемена, 2003. – 233 с.
202. Третьякова, И.Ю. Окказиональная фразеология: монография / И.Ю. Третьякова; под науч. ред. А.М. Мелерович. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – 290 с.
203. Трифонов, Ю.В. Постижение Родины / Ю.В. Трифонов // День Литературы 008 (1998 2).
204. Тюренок, М. Александр Проханов: «Кремлевский ковчег не должен сесть на мель» [Электронный ресурс]/ М. Тюренок. – 28.09.2012. – Режим доступа: <http://portal-kultura.ru/articles/person/aleksandr-prokhanov-kremlevskiy-kovcheg-ne-dolzhen-sest-na-mel/> (дата обращения: 24.01.2015).
205. Фархутдинов, Ф.В. Такое простое и понятное слово *русский*... [Электронный ресурс] / Ф.В. Фархутдинов // Официальный сайт Совета по русскому языку при главе администрации Ивановской области. – 2007. – Режим доступа: http://www.slovorus.iv-edu.ru/Vestnik_1_Russki.html (дата обращения: 20.01.2015).
206. Федоркина, Е.А. Фразеология в художественном дискурсе Е.И. Носова. Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / Е.А. Федоркина. – Курск, 2006. – 199 с.
207. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII.. – М.: Прогресс, 1988. – С. 53-93.
208. Фокина, М.А. Фразеологические единицы в повествовательном дискурсе (на материале русской художественной прозы XIX-XX веков: научная монография / М.А. Фокина. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 378 с.

209. Фрумкина, Р.М. Когнитивная лингвистика или «психолингвистика наоборот»? / Р.М. Фрумкина // Язык и речевая деятельность. Т 2. – СПб., 1999. – С. 80-94.
210. Ханпира, Э. Оказиональные элементы в современной речи / Э. Ханпира // Стилистические исследования. – М., 1972. – С. 245-314.
211. Цветков, В.Ж. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России) / В.Ж. Цветков. – М: Посев, 2009. – 636 с.
212. Чепасова, А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов / А.М. Чепасова. – Челябинск: Изд-во ЧГПИ, 1974. – 102 с.
213. Чернец, Л.В., Хализев, В.Е. Введение в литературоведение / Л.Л. Чернец, В.Е. Хализев. – М., 1999.
214. Чжу Сяодун. Фразеология в произведениях С.Т. Аксакова: состав и употребление. Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / Сяодун Чжу. – Иваново, 2006. – 203 с.
215. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Высш. школа, 1985. – 231 с.
216. Шаховский, В.И., Панченко, Н.Н. Национально-культурная специфика концепта «обман» во фразеологическом аспекте / В.И. Шаховский, Н.Н. Панченко // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 285-288.
217. Шмелев, Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1977.
218. Шмелев, А.Г., Болдырева, В.С. Психосемантика юмора и диагностика мотивов / А.Г. Шмелев, В.С. Болдырева // Мотивация личности. – М., 1992. – С.108-119.
219. Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие / С.Г. Шулежкова. – М., 2001. – 288 с.

220. Шулежкова, С.Г. Пионерско-комсомольский след в современном русском языке, или судьбы крылатых выражений-советизмов / С.Г. Шулежкова // Ученые записки Таврического национального университета, 2012. – С. 341-350.
221. Щерба, Л.В. Избранные работы по русскому языку /Л.В. Щерба. – М., 1957.
222. Щербакова, А.В. Лексико-фразеологические средства создания языковой игры в художественной прозе авторов «Сатирикона»: на материале произведений А. Аверченко, Н. Тэффи, С. Черного / А.В. Щербакова. – Кострома, 2007.
223. Шурыгин, В.В. И это все о нем. Александр Проханов, писатель и журналист: сообщество читателей и слушателей [Электронный ресурс]/ В.В. Шурыгин. – 27.02.2013. – Режим доступа: <http://shurigin.livejournal.com> (дата обращения: 20.01.2015).
224. Юдина, Л.Г. Состав и функционирование фразеологизмов в текстах русских повестей второй половины XVII века. Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / Л.Г. Юдина. – Иваново, 2004. – 286 с.
225. Яковлев, Е.Г. Заглянуть в самую бездну! (о некоторых онтологических чертах русского духа) / Е.Г. Яковлев //Русская культура и мир: Тезисы докладов участников Международной научной конференции. – Нижний Новгород, 1993. – С. 11-14.
226. Яранцев, В.Н. К юбилею Александра Проханова / В.Н. Яранцев // Литературная газета, №8. 22.02.2008. – С. 2.
227. Case, Shirley Jackson. The revelation of John: a historical interpretation / Shirley Jackson Case. – University of Chicago Press, 1919.
228. Fodor, J. A. The Modularity of mind: An essay on faculty psychology / J. A. Fodor. – Cambridge, MA: The MIT Press, 1983. – P. 23-95.
229. Galperin, I. R. Stylistics / I. R. Galperin – М., 1970. – 319 p.

ИСТОЧНИКИ

230. Проханов, А.А. Иду в путь мой / А.А. Проханов. – 1971, 4, изд. «Советская Россия», 304 с.
231. Проханов, А.А. Россия – империя света / А.А. Проханов // Завтра. №24. – 2001.
232. Проханов, А.А. Деревенские / А.А. Проханов // Иду в путь мой. – М., 2003. – С. 46-76.
233. Проханов, А.А. Иду в путь мой / А.А. Проханов // Иду в путь мой. – М., 2003. – С. 76-152.
234. Проханов, А.А. Лось / А.А. Проханов // Иду в путь мой. – М., 2003. – С. 227-235.
235. Проханов, А.А. Петров крест / А.А. Проханов // Иду в путь мой. – М., 2003. – С. 195-208.
236. Проханов, А.А. Имя Империи — Россия / А.А. Проханов // Завтра, №27. – 2004.
237. Проханов, А.А. За оградой Рублевки [Электронный ресурс] / А.А. Проханов. – М.: Алгоритм, 2007. – Режим доступа: http://loveread.ws/read_book.php?id=24198&p=1 (дата обращения: 20.12.2014).
238. ¹Проханов, А.А. Симфония Пятой империи / А.А. Проханов. – М., Яуза, Эксмо, 2007. – 55 с.
239. Проханов, А.А., Кугушев, С. Технологии «Пятой Империи» [Электронный ресурс] / А.А. Проханов, С. Кугушев. – 2009. Режим доступа: <http://www.litres.ru/aleksandr-prohanov/sergey-kugushev/tehnologii-pyatoy-imperii/chitat-onlayn/page-10/> (дата обращения: 24.12.2014).
240. Проханов, А.А. Африканист. Роман / А.А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 2. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 7-352.

241. Проханов, А.А. Бой на Рио-Коко. Роман/А.А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 3. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 7-362.
242. Проханов, А.А. В островах охотник. Роман/А.А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 2. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 355-731.
243. Проханов, А.А. Virtuoz. Роман / А.А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 12. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 7-604.
244. ¹Проханов, А.А. Гибель красных богов / А.А. Проханов // Завтра. 34 (875) от 25 августа 2010. – С. 1.
245. Проханов, А.А. Господин Гексоген. Роман / А.А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 6. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 7-700.
246. Проханов, А.А. Дворец. Роман/А.А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 1. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 577-827.
247. Проханов, А.А. Дерево в центре Кабула. Роман/А.А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 10. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 67-574.
248. Проханов, А.А. Знак Девы. Рассказ /А.А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 14. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 516-598.
249. Проханов, А.А. Идущие в ночи. Роман/А.А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 7. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 7-390.
250. Проханов, А.А. Красно-коричневый. Роман / А.А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 5. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 7-700.
251. Проханов, А.А. Крейсера соната. Роман / А.А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 8. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 7-573.

252. Проханов, А.А. Мусульманская свадьба /А.А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 3. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 365-422.
253. Проханов, А.А. Надпись. Роман /А.А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 13. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 7-892.
254. Проханов, А.А. ОКО / А.А. Проханов. – М.: Амфора, 2010. – с. 670.
255. Проханов, А.А. Охотник за караванами. Роман /А. А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 14. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 347-468.
256. Проханов, А.А. Политолог. Роман /А.А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 10. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 7-860.
257. Проханов, А.А. Последний солдат империи. Роман / А.А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 4. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 7-510.
258. Проханов, А.А. Пятая империя. Роман /А.А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 11. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 7-734.
259. Проханов, А.А. Скорость тьмы. Роман / А.А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 15. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 7-424.
260. Проханов, А.А. Стеклодув. Роман / А.А. Проханов. – М.: ЭКС-МО, 2010. – 352 с.
261. Проханов, А.А. Теплоход «Иосиф Бродский». Роман / А.А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 9. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 7-537.
262. Проханов, А.А. Холм. Роман /А.А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 14. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 7-344.

263. Проханов, А.А. Чеченский блюз. Роман/А.А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 7. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 392-730.
264. Проханов, А.А. Алюминиевое лицо. Роман/ А.А. Проханов. – СПб.: Амфора, 2011. – 255 с.
265. Проханов, А.А. Красно-коричневый. Стихотворение [Электронный ресурс] / А.А. Проханов. – 2011. – Режим доступа: <http://ru-prokhanov.livejournal.com/141107.html> (дата обращения: 20.01.2015).
266. Проханов, А.А. Пепел. Роман/ А.А. Проханов. – М.: ЭКСМО, 2011. – 384 с.
267. Проханов, А.А. Русский. Роман / А.А. Проханов. – М.: РИПОЛ классик, 2011. – 368 с.
268. Проханов, А.А. Соловей Генштаба. Стихотворение [Электронный ресурс] / А.А. Проханов. – 2011. – Режим доступа: <http://ru-prokhanov.livejournal.com> (дата обращения: 28.12.14).
269. Проханов, А.А. Русский космизм [Электронный ресурс] / А.А. Проханов. – 08.06.2012. – Режим доступа: <http://yandex.ru/video/search?text=%D0%BA%D0%BE%D1%81%D0%BC> (дата обращения: 12.05.15).
270. Проханов, А.А. Идеология – мать государства /А.А. Проханов // Завтра. №41 (985) 3.10.2012. – С. 1.
271. Проханов, А.А. Особое мнение [Электронный ресурс] / А.А. Проханов // Радио «Эхо Москвы». – 15.02.2012. – Режим доступа:
272. Проханов, А.А. Особое мнение [Электронный ресурс] / А.А. Проханов // Радио «Эхо Москвы». – 27.06.2012. – Режим доступа:
273. Проханов, А.А. Человек Звезды. Роман / А.А. Проханов. – М.: Вече, 2012. – 352 с.
274. Проханов, А.А. Интервью [Электронный ресурс] / А.А. Проханов // Познер. Понедельник, около полуночи. 03.03.2013. – Режим доступа: <http://www.1tv.ru/prj/pozner/vypusk/21881> (дата обращения: 20.01.2015).

275. Проханов, А.А. Мы живём в эпоху революций и войн. Интервью писателя [Электронный ресурс] / А.А. Проханов. – 27.05.2013. – Режим доступа: <http://ru-prokhanov.livejournal.com/215739.html> (дата обращения: 20.01.2015).
276. Проханов, А.А. Особое мнение [Электронный ресурс] / А.А. Проханов // Радио «Эхо Москвы» – 04.09.2013. – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs> (дата обращения: 3.01.2015).
277. Проханов, А.А. Путин пережил колоссальный шок» [Электронный ресурс] / А.А. Проханов. – 20.06.2013. – Режим доступа: <http://komitet101.ru/?p=7611> (дата обращения: 20.03.2015).
278. Проханов, А.А. Россия – имперский проект [Электронный ресурс] / А.А. Проханов // ЯРновости, 28.08.2013. – Режим доступа: http://yarnovosti.com/rus/interview/Alexandr_Prohanov (дата обращения: 20.01.2015).

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

279. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М., 2005. – 576 с.
280. Белянин, В.П., Бутенко, И.А. Живая речь. Словарь разговорных выражений / В.П. Белянин, И.А. Бутенко. – М.: ПАИМС, 1994.
281. Берков, В.П., Мокиенко, В.М., Шулежкова, С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: около 4000 единиц / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – М.: Русские словари. ООО «Изд. Астрель», 2000. – 624 с.
282. Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений: в 2 т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова / под ред. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск: Магнитогорский гос. ун-т; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universitat. – Т. 1. А – М. – 2008. – 658 с.; Т. 2. Н – Я. – 2009.

283. Бирих, А.К., Мокиенко, В.М., Степанова, Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – АСТ, Астрель, Хранитель, 2005. – 926 с.
284. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – М.: 2008. – 672 с. – Режим доступа: <http://bse.slovaronline.com/> (дата обращения: 29.12.14).
285. Большой словарь русских поговорок. Сост.: В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М.: Олма Медиа Групп, 2007.
286. Большой словарь современного русского литературного языка в 17 тт. – М.-Л.: Изд. Академии Наук СССР, 1951.
287. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. /Авт.-сост. Брилева, И.С., Гудков, Д.Б., Захаренко, И.В., Зыкова, И.В., Кабакова, С.В., Ковшова, М.Л., Красных, В.В., Телия, В.Н. / Под ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
288. Власов, В.Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: В 10 т. / В.Г. Власов. – СПб.: Азбука-классика, 2004-2009.
289. Даль, В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М.: Художественная литература, 1989.
290. Еврейская энциклопедия, Изд. О-ва для Научных Еврейских Изд. и Брокгаузъ-Ефронъ. – М.: Терра, 1991.
291. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
292. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – М., 1991. – 538 с.
293. Квятковский, А.П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский. – М.: Советская Энциклопедия, 1966.
294. Королев, К.М. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / К.М. Королев. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. – 608 с.

295. Кубрякова, Е.С., Демьянков, В.Г., Панкратов, Ю.Г., Музина, Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.Г. Демьянков, Ю.Г. Панкратов, Л.Г. Музина. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
296. Кузьмич, В. Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии / В. Кузьмич. – Зеленый век, 2000. – 146 с.
297. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960.
298. Мелерович, А.М., Мокиенко, В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – М.: Русские словари, 1997. – 864 с.
299. Михельсон, М.И. Большой толково-фразеологический словарь русского языка / М.И. Михельсон. – ETS Publishing house, 2004.
300. Палевская, М.Ф. Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века / М.Ф. Палевская. – Кишинев, 1980. – 365 с.
301. Ринекер, Ф., Майер, Г. Библейская энциклопедия Брокгауза / Ф. Ринекер, Г. Майер. – М.: Российское Библейское Общество, 1999. – 1120 с.
302. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС: Филол. фак-т. С.-Петербур. гос. ун-та, 2002.
303. Самый полный сборник афоризмов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aforizmov.net/tema/tags/kvadrat/> (дата обращения: 29.12.14).
304. Серов, В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений [Электронный ресурс] / В. Серов. – М.: Локид-Пресс, 2003. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/> (дата обращения: 29.01.2015).
305. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Под ред. Н. Абрамова. – М.: Русские словари, 1999.

306. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – РАН, Ин-т лингвистич. исследований, 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
307. Словарь современного русского литературного языка в 17 тт. – М.-Л.: Изд. Академии Наук СССР, 1951.
308. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
309. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта, Наука. Под редакцией М.Н. Кожиной. 2003.
310. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков; под ред. д-ра филол. наук Н.Ф. Татьянченко. – М: Альта-Пресс. 2005. – 1216 с.
311. Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Федоров. – М.: Астрель, 2008.
312. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Советская энциклопедия. – 1967. – 544 с.
313. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л.Ф. Ильичёва, П.Н. Федосеева, С.М. Ковалёва, В.Г. Панова. – М.: Советская энциклопедия, 1983.
314. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004.
315. Шевченко, Н.М. Фразеологический словарь Марины Цветаевой / Н.М. Шевченко. – Бишкек: Эстет, 2011. – 350 с.
316. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс] – 2009. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/es> (дата обращения: 24.12.2014).
317. Яранцев, Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник / Р.И. Яранцев. – М., 1997. – 846 с.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БАС – Большой словарь современного русского литературного языка в 17 тт. – М.-Л.: Изд. Академии Наук СССР, 1951.

БСЭ – Большая советская энциклопедия [Электронная версия]. – М.: 2008. – 672 с.

БСРП – Большой словарь русских поговорок. Сост.: В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М.: Олма Медиа Групп, 2007.

БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. /Авт.-сост. Брилева, И.С., Гудков, Д.Б., Захаренко, И.В., Зыкова, И.В., Кабакова, С.В., Ковшова, М.Л., Красных, В.В., Телия, В.Н. / Под ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.

МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. РАН, Ин-т лингвистич. исследований, 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

РГЭС – Российский гуманитарный энциклопедический словарь. – М.: Владос, 2002.

СЭСРЯ – Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта, Наука. Под редакцией М.Н. Кожинной. 2003.

ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка. Сост. А.И. Федоров. – М.: Астрель, 2008.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Советская энциклопедия. – 1967.

ЭР – Электронный ресурс.

